

Медитация с саблями

МИХАИЛ

КРУШИН

АСТ

НИКТО КРУШИН

МИХАИЛ

Медитация
с саблей

Жена крупного московского бизнесмена бесследно исчезла.

Похищение?

Но почему похитители не требуют выкупа...

Убийство?

Но тело до сих пор не обнаружено...

Деятельность конкурентов мужа Елены, решившихся на
шантаж?

Но с ним никто не попытался связаться...

Милиция — в растерянности.

И тогда знакомый Елены — бывший десантник Андрей —
решает начать собственное расследование.

У него нет никаких версий, а есть лишь одна — совершенно
неправдоподобная — зацепка.

Но действовать необходимо!...

ISBN 978-5-17-042330-9

9 785170 423309

МИХАИЛ КРУПИН

*Медитация
с саблями*

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

*Оформление обложки –
дизайн-студия «Графит»*

Подписано в печать 15.04.2007. Формат 70×90^{1/32}.

Гарнитура «Ньютон». Усл. печ. л. 11,7

Тираж 5000 экз. Заказ № 3790

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

Крупин, М.

К84 Медитация с саблями : [роман] / Михаил
Крупин. — М.: АСТ : Астрель : Хранитель,
2007. — 317, [3] с.

ISBN 978-5-17-042330-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-15394-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-9762-3944-9 (ООО «Хранитель»)

Это иронический детектив и мистическая мелодрама, сплав-
ленные воедино. Захватывающий сюжет, веселый и серьезный,
словно перебрасывает новый мостик над пропастью между Восто-
ком и Западом.

Михаил Крупин — автор известных исторических романов и
современной прозы, лауреат нескольких литературных премий,
кинодраматург.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-042330-9

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-15394-5

(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-9762-3944-9

(ООО «Хранитель»)

© Крупин М. Текст, 2007

© ООО «Издательство Астрель», 2007

ОТ АВТОРА

Издатель по-своему, по-издательски прав, когда в аннотации пишет: «Это и веселый детектив, и мистический триллер, и философский трактат о мироздании»... Я только рад, если дело у меня и впрямь поставлено так широко.

Но от себя сказал бы чуть иначе. (Уж если выясняется, что писатель наделен даром речи не меньше издателя, почему бы не дать и ему слово?)

Кстати, писатель — от природы существо довольно многословное, оттого его вступление пространнее. Но ведь мы, кажется, сегодня запаслись терпением?..

Вот и славно. Поскольку именно сегодня понятию духовности торжественно присваивается полный позитив. Но ведь духовность может быть не только светлой. Подобно тому, как другой дар Божий, физическое тело, может стать и нездорово.

В каждой из мировых религий существуют разделения, конфессии. Нам хотя бы научиться отличать в них духовное здоровье от болезни!

Конечно, мой мирской роман ни в коей мере не претендует на серьезный разбор всех расколов и ересей. Беллетристика вообще не может раздавать патенты на «истинность» или «неистинность» вероучений.

Но в нашем оглохшем сознании сегодня так спутано влияние Востока и Запада, родного православия и вечно-зеленого буддизма, что литература «должна и обязана» нащупывать вместе с читателем какие-то выходы... Как воспитать в себе чуткость к чужому и при том сохранить верность корням?

Порой в этом вопросе может неплохо помочь и детективная сказка. И, надеюсь, клубок приключений моих простодушных и хитроумных героев не только развлечет вас, но и послужит ниточкой храброй царевны Ариадны в лабиринте верований нашей бабушки-Земли.

Совпадение в тексте имен и географических названий с реальными является случайностью.

«В начале было только одно без второго».
Упанишады

«И я там был...»
А. С. Пушкин

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Она с трудом отыскала эту подслеповатую от пышной и пыльной зелени улицу и этот — старозаветного вида — домишко на ней.

— Ох, москвичи! — с негодованием провинциалки дивилась бестолочи спрошенных прохожих. — И не чувят, кто прописывается от них в пяти шагах!..

Наконец на перекрестке из-за пошевеливающейся бесконечно ивы выглянула белосиняя табличка с названием искомой улицы. И при названии — заветный номер дома. По сравнению с крохотными, глубоко посаженными оконцами первого этажа (верно, еще подумала она, до революции там обитала прислуга) окна второго казались огромными и удивленными...

Вышла из машины, пикнула замком. Перевела дух. Сделав было шаг, вновь обернулась, — открыла машину. (Под пыльной, какой-то оборванной ивой на щелястом ас-

фальте так зло и выпренно смотрелась ее блистающая «Ауди»)... Потянувшись за мобильником, взглянула в зеркальце: возвращаться — плохая примета, но если в зеркальце взглянуть, то вроде бы еще ничего, примета как-то обезврежена.

Выпрямившись, быстро набрала: три-шесть-шесть-семь... — фу ты, черт, — набрала вместо семерки второпях третью шестерку... И замерла. Перекрестилась — нешироко, украдкой. Перенабрала.

— Это опять я, — начала глухо, с подгрудным дрожанием, но потом все решительнее: — И я уже на Малой Волгоградской... А легко! По телефонному номеру адрес узнать — не проблема. Под силу самому немышленому компьютеру. Так, может быть, раз уж я здесь и... и все так замечательно складывается, мне все же зайти и мы продолжим разговор в кварти...

В сердцах «вырубила» закричавший противно в ответ аппаратик.

Посидела в машине, ноготком сцарапывая глянец на руле... А что, собственно, случилось? Все правильно. Хотела так сразу? Вот и нет: вчера поговорил, сегодня бросил трубку (но наверняка сквозь шторы посмотрел или смотрит сейчас). Завтра, если не уеду, если так и заночую тут в машине (благо, починила обогрев), он утром выйдет — выбьет фа-

ры, разобьет лобовое стекло и капот и меня изобьет своей старой бамбуковой палкой. А еще через день — если и тогда не свалю, а буду и в страшный тропический дождь (который грянет, непременно грянет!) стоять на коленях возле этих дверей в священное жилище аскета... Стоять, омываясь холодными струями... Тогда он откроет со сладостным визгом эти некрашенные железные двери — и навсегда впустит.

Конечно же все так. Все мудро выверено тут, законченно и совершенно.

Но уже через двадцать минут, когда входил в подъезд, предварительно пошкрябав в скважине ключом, мальчонка со «светофором» на ранце, она — не в силах бороться с мгновенным порывом, даже не заперев «Ауди», покошачьи, краткой неудержимой волной влилась в дверь, к «светофору» впритык, и устремилась по лестнице вверх.

А еще через минуту она уже тихо проваливалась в убаюкавшее и проглотившее не одну эпоху кресло с кариевым осколком подлокотника...

Она рассказывала сразу обо всем и смотрела на него, смятенно чувствуя, что ноздри ее раздаются уже от желания... Желания прикоснуться к его загорелым, с бесспорно кашмирским отливом ногам, к его руке с широкими и светлыми, одушевленными ногтями.

Усилием воли опутив глаза, она что-то еще говорила.

Сейчас он перебьет. Разжимаются губы, невыразимо сексуально очерченные трехдневной щетиной.

— Да-а, с мужем тут полный завал, — с усмешкой подался вперед, плеснул себе пива в стакан. — Только что в имени ему моем? Так сказать, что муж Гекубе, что ему Гекуба?

О, ревнивец!.. Неужели же все дело в этом?!

— Прекрасная дама! Вы поймите... — почесал себе цыганскими ногтями ногу возле самого входа в трусы.

О Боже! Снова этот леденящий сердце, безнадежный, отчужденно-участливый тон!

— Вы поймите, что я на добрую сотню процентов не тот человек, за кого вы меня принимаете. И мне дела нет ни до ваших печальных мужей, ни до ваших вполне, так сказать, зажигательных глаз...

— Но, учитель...

— И перестаньте, сделайте такую божескую милость, звать меня этим учителем.

— Хорошо, учитель. Ой... хорошо, м-мой господин... Ведь я же знаю, как это у вас положено. Я должна была стоять у дома на коленях, и на третий день Вы вышли бы, избили бы меня бамбуковой (или какой-то такой) палкой, и только тогда... И я бы так и сделала,

поверьте... Да и сделаю, если... Но поймите, зачем ждать, если я и так готова на все это! Да и Женя ведь может погибнуть! У нас в общем-то нет времени!

В продолжение ее сбивчивой тирады он допивал пиво, запрокидывая медленно стакан. Затем решительно им ахнул по столу и рывкнул:

— Как вам еще объяснять?! Напутали эти нерусские индусы адрес! Я не Байрон, я другой!.. И с театром военных действий вот этой веселой страны, — повел он ладонью вокруг, чудом не обрушив со стола порожние бутылки, — вообще не хочу ничего иметь общего. Равно и со всеми фантастическими этого театра персонажами. Меня здесь, в сущности, уже и нет. Вы разговариваете с призраком — с тенью, пьющей тень пива. Только так эту подделку следует квалифицировать. — Он щелкнул ногтем по бутылке из-под «Клинского». — Я здесь просто... Словом, со дня на день жду гранта. Приходит грант — и убываю.

— Как убываете? — быстро спружинили ее мощные прямые ресницы. — А-а... То есть — развоплощаетесь?..

— То есть сваливаю. Так понятней?

— О, конечно... Только еще не совсем поняла: гранд, которого вы ожидаете... Вы как-то связаны с испанской белой магией?

— С американской прикладной радиофизикой я связан.

— Но ведь... ведь...

Раньше чем ему поверила, почувствовала: «зажигательность» (так он, кажется, сказал) ее очей помалу погасает, скромнеют крылья носика...

— Ведь я это объявление видела в нескольких газетах подряд! — Но уже начинала сознавать всю невероятную обыденность своего собеседника, верить в чудовищную и невинную случайность опечатки.

Жар экзальтации спадал, и она уже пристальнее смотрела вокруг. Древний телик на растопыренных ножках. Темная полировка шкафа — словно в несусветной тоске захватанная кем-то. (Или, может, специально предназначенная для сбора отпечатков пальцев и ладоней всех гостей дома сего.) На трюмо — слоники с отбитыми хоботками. В углу — картонные коробки. Стопы серых журналов (конечно, без единой иллюстрации). Казалось, здесь остановилось время: точно так же лет двадцать назад выглядела комната ее отца... Какой уж, девки, индуизм?

— Ну что же делать? Бывает, бывает... — Радиофизик мягко подвигал ее за плечо. — Ну не расстраивайтесь, прекрасная дама. Еще все у вас будет хорошо, обнаружатся ваши индусы... — Он ушел в другую комнату, вдруг

мигнувшую в проем двери мозаичным оком монитора. И вернулся в вытянутых на коленках джинсах, каковые, видимо, для декларации решительного непочтения к незваной гостье прежде не надевал.

— Хотите чаю?.. Извините, пиво кончилось.

Вздохнула горемычно:

— Ох... Да у меня «Отвертка» в сумочке.

Радиофизик вновь нахмурился и на всякий случай немного отодвинулся. Оставался так, пока баночка джин-тоники не появилась на свет.

Она плеснула и в его стакан, всхлипнула:

— Этих газетчиков поубивать... Я просто их закажу.

— Ну зачем уж так-то? Вероятнее всего, вы драматизируете ситуацию... Позанимается муж йогой и вернется.

— Никакой не йогой. — Она так энергично замотала головой, что слегка поперхнулась. — Я же говорю, он — того, он — совсем. Впрочем, опять я за свое, вы же не тот, извините... Во-первых, он погибает! Понимаешь, ночью прибежит из своей комнаты (он давно со мной не спит, так что я, дура, даже в первый раз обрадовалась), прибежит — «задыхаюсь, говорит, иди, сиди со мной». То есть он-то ляжет, помолчит и засыпает, а я сижу — слежу, чтобы дышал. Перестает — бужу, или искусст-

венное дыхание там... Но дыхание — рот в рот — он быстро запретил: возбуждаюсь, дескать, на тебя, а я садхану прохожу — мне этого нельзя; мол. Ну, ясно, и скандалы поначалу были...

— А к врачу ему не надо? — прихлебывал «Отвертки» хозяин.

— Был врач. Не понял ничего. Спорт прописал... А после спорта у моего — только подушку тронет головой — и душа вон. Как мячик от ракетки, душа от подушки отлетает... Уж эта мне садхана! То есть — к совершенству путь, понимаешь?.. Как тебя зовут-то?

— Алексеем кличут, — чуть привстал хозяин.

— А я Елена... Он ведь все по книжкам. Учителей хороших, говорит, здесь нет. Они все на Тибете, а здесь только шарлатаны бизнес делают... Вот. И он что-то, наверно, Лешка, делает не так, понимаешь? А без учителей нельзя, наверное? Опасно для жизни? Собирается он на Тибет, да все проблемы, бизнес... Ведь он ужасно богатый у меня, я говорила?

— Так на кой ему все это надо? — усмехнулся радиофизик Алексей, доливая «Отвертки» в стаканы.

— Сначала говорил: в работе помогает, силы там, энергию из космоса дает... А я, значит, отнимаю! (Лешка, представляешь, змей какой у меня отмороженный?!). А после вычитал

еще он в одной их восточной книжке: можно стать сознательным во сне. Ну и ему туда надо! Дескать, буду спать и во сне прибыль с расходом сверять... Дел-то до кучи. Ведь у меня он богатый ужасно... Представляешь, и меня в свою Индию втравил. Но у меня-то все о'кей и с шарлатанами. Хожу в одно «Братство любви» — улет! Так там наоборот все: для развития и прихода к свету любовь только и нужна. Ну, не пошлая, ты ж понимаешь, а всемирная такая, солнечная вся любовь... (Слушай, Леш, ты не очень занят? Еще за «Отверткой» сходи, а? У меня там в тачке, в бардачке она...)

Радиофизик расхохотался, взлохматил пятерней затылок. Хмель «на старые дрожжи» ложился очень плавно, и действительно, как-то солнечно, легко... Властная сексуальность женских ног в черных чулках, напротив, утрачивая первый свой надменный вызов, становилась вполне дружественной и приветной.

— Ан будь по-твоему, прекрасная дама. «О'кей» — как ты из Шекспира говоришь... Полчаса еще есть.

Но (уже через час) свободного времени в запасе было уже что-то около вечности. И радиофизик Алексей Шихматов, прежде счастливо полагавший, что свои тридцать три года он прожил не даром и кое-что все же передумал, перечувствовал и повидал — все-таки

мерз два года в Заполярье, дважды затем был женат и разведен, с легкостью защитил кандидатскую и с превеликим трудом защищал себя нынче на каждой лекции от хамоватой фамильярности новейшего русского студенчества, *et cetera, et cetera*, — так вот теперь Шихматов Алексей хорошо понял, что до настоящего часа только тратил время даром и ничего, достойного внимания, решительно не наблюдал.

То было еще все не то, еще далека была родная нирвана, когда после пятой «Отвертки» и третьей Ленкиной сигарки в радиофизике впрямь... «отвернулось» нечто. Точно пыльная защитная крышка отскочила от дрянного аппарата, и полунагая гостья ринулась и обжигающим целительным «оловом» обтекла его «переднюю панель».

Еще далеки были седьмые небеса, когда чумазные ликующие ангелы ворвались в комнату (Лена перед этим куда-то звонила), и закружила, стуча в бубны и трепеща иными погремушками «братия во Кришне». Когда в машине, оперативно увешанной какими-то лианами, гирляндами кувшинок (или лотосов?), мчались вдоль мерцающей отточиями фонарей Яузы, и бил речной райский ветер в лицо, и салон освещали снежно-белые улыбки чумазных ангелов, и в белых лотосах, золотых брызгах, в ало-синих мантиях и жемчугах

из реки поднимались святые слоны с полукруглыми бивнями, и на каждом слоне сидел маленький — лет пяти — смуглый и надмирный Кришна...

Когда же под каким-то драным балдахин-ом, сквозь дрань которого участливо смотрели звезды и даже большая живая луна, по команде главного индуса все словно легли спать, но на самом-то деле — не спать, а к Шихматову вдруг прилегли с двух сторон две (на самом-то деле — не две), и зыбким бисером на обнаженных женщинах светились капельки вод Ганга, именно тогда — глаза их словно дальней родиной сияли, но у каждой по разному — неохватимо душой...

И Шихматов на крыльях их душ, тел, будто объединенных в одно щедрое и нестыдливое тело компании — на раскинутых крыльях их бедер, — взлетел... будто в открытый космос. Открытый волнующе и вольно!.. Открытый, так чувствовалось, для какого-то еще более широкого волшебного космоса, но который так сразу не рассмотришь и туда не шагнешь...

«Так вот оно, вот оно как нужно жить, — проносилось в Шихматове. — Так как же я жил раньше? Как мог не видеть, не знать этого высокого космоса?» — думал он, промельком чувствуя, что те слова, при помощи кото-

рых он думал сейчас, он уже где-то слышал или читал раньше. (Но Бог с ними, со словами, — так все они слабы, чтобы выразить то, что уже начиналось для него). — Здесь все совсем не так, как раньше мы с женой суетились, ревновали и дрались, а после рвали друг у друга на куски жилплощадь... А здесь так сладка и близка — прямо у сердца моего — Луна».

Когда Шихматов по привычке немного к своему блаженству, он признал среди жриц здешнего «храма любви» двух своих студенток — редких дурочек, не сдавших ему даже повторно экзамен. Те, моментально уловив, что взор преподавателя не утратил общего мира и благосклонности, быстренько перебрались поближе к нему и принялись ублажать. Шихматов с интересом принял все их ласки, осушил по кубку очередного «лунного напитка» из рук каждой и выслушал обеих.

Истово воздев ладони, признавались жрицы своему Учителю в любви к предмету «Волновые явления в ионосфере и космической плазме», открывшему им таинственные бездны Мировой Любви. Но к сожалению, так мало времени оставляет эта самая практическая Любовь для занятий ее же теорией... И потому не снизойдет ли Учитель к их нижайшей просьбе?

Тут — видимо, путем незамысловатого телекинеза — явились и синие зачетки в их нежных руках.

Хитро смеясь, Шихматов опрокинул еще один звездою пронзенный бокал, несуетно принял еще немного ласк и только тогда, не без кокетства, ответил, что не может отказать себе в огромном удовольствии встретиться с любимыми ученицами еще раз в институтских стенах осенью...

Шихматов, покачиваясь, вышел из-под балдахина. Слоны уже тонули в Яузе. Свет фонарей по берегам неприятно смешался с космическим кротким сиянием. Шихматов хотел посмотреть на часы, но был гол.

II

Пару дней отчаянно болела голова и горела печень. Радиофизик, страшась лишних телодвижений, круглые сутки валялся в постели. Попеременно звонили оба телефона: на обеденном столе — старый свой, с трещиной по корпусу, спеленутый скотчем, и забытый — на журнальном столике Еленой мобильник. Шихматов хоть и не чувствовал себя лучше, на четвертый день для разнообразия стал подходить к телефону.

Первый же отвеченный звонок (по своему телефону) относился к злополучному объявлению:

— Наконец-то!.. Спасите!..

— Учитель сам в коме, — отвечал наученный сладко-горьким опытом Шихматов. (В дальнейшем он еще более разумно сообщал, что Учитель вылетел по срочному делу в Лас-Вегас и будет через месяцок.)

Свежая газета объявлений — тоже невольный Еленин подарок — пласталась на софе. И Шихматов нет-нет да и скашивал свой взгляд на нее. Взгляд при этом всякий раз приобретал некоторую туповатость...

В рамочке с кувшинками по углам на раскрытой полосе газеты красовалось: «Смиренный йог-садхак решит три ваши проблемы». Под этим заявлением, авторство коего впору было приписать Золотой рыбке или Царевне-лягушке, обозначен был с нахальством сказочным телефон Шихматова.

Наконец радиофизик догадался отыскать на последней странице телефон редакции и вмиг накрутил его, не без остервенения в пальцах, на диске.

— Да вы замучили уже! — последовал не менее нервный ответ. — Не несем мы ответственности, не несем. Ни кто это, ни где его искать, понятия, знаете ли, не имеем. Уже деся-

тая, наверно, за утро претензия... Да жалуйтесь, пожалуйста...

Шихматов в сердцах трубкой по сереньким ушкам ударил аппарат. И трубка сразу взвизгнула.

«Он в Париже, в коме,» — изготовился рывкнуть в трубку Шихматов в ответ очередному клиенту, но мягкий мужской голос, мгновенно гипнотически облекший его дух, опередил:

— Благодарю, что наконец-то вспомнил обо мне, мой северный, хоть малоправославный друг.

Этот вмиг утихомиривший и даже несколько развеселивший голос был с легким, как будто молдавско-цыганским акцентом.

— Так... Минутку... — дрогнул внутренне радиофизик, почуя приближение разгадки. — Что значит я «вспомнил»? Вы, в общем-то, кто и по поводу?..

— По поводу столь немилого твоему сердцу объявления, — поведал голос.

«Сейчас добавит: о, алмаз моей души!» — ненароком подумалось Шихматову.

— Увы, пока не оговоренный! — отреагировала трубка. У Шихматова и челюсть повисла.

— Объявление дал я, — чуть виновато признался гипнотический и мягкий голос.

— А!!! Золотая рыбка!!.. Так как же это понимать?! Ты кто хоть такой?!

— Ты уже назвал, мой друг. Так называй меня и впредь. У меня много имен, но звук их ни о чем пока тебе не скажет.

— Да уж я полагаю, имен будет много... если вот так себя вести.

— Не ругайся, алмазик. Мне трудно разговаривать, я вообще не большой поклонник телефонной связи.

— Встретиться хочешь? Вот уж дудки!.. Давай-ка сообщай, мой южный друг, в газету о своей ошибке, вручай им настоящий свой номер...

— Никакой ошибки нет.

— ..?

— Повторяю: телефонная связь — не мой метод. — Голос «на глазах» словно дряхлел. — Я прибегаю к ней лишь в исключительных случаях. Предлагаю все же встретиться...

— Ну что же с тобой делать... Когда, где?

— Например, в твоем сне.

— Что?.. Как вы сказали?!

— Очень просто. Помолись перед сном тому, во что веришь, и жди... До встречи, мой милый тапасви. Омен.

Треск и короткие гудки. Аминь. Шихматов посидел с минуту без движения и мысли. Потом ужасно завздыхал и поплелся на кухню — хоть чаю, восточного напитка, попить.

Но телефонным «номерам» не суждено еще было сегодня закончиться. Нежно за-

плакал Еленин мобильник. Сыпанув чаю в кружку, Шихматов вернулся к столу и даже в радостном предвкушении беседы с нормальным человеком (относительно, конечно, нормальным), прислонил гладкий овальчик к уху:

— Алло.

Молчок... Короткие гудки.

Шихматов заваривал чай, когда мобильник ожил снова.

— Пожалуйста, немного подождите. С вами будет говорить господин директор... — Официально-вкрадчивый женский голосок (но почему-то наполнивший Шихматова необъяснимой тревогой). И классическая музыка переключения.

Пробуя поразмыслить, какой такой это директор ходит в бесчисленных «братьях» Елены, Шихматов прихлебывал чай. Снова «офисный» голосок:

— Пожалуйста, еще немножко подождите: господин директор завершает важный разговор.

— Он директор чего?.. — Но снова музыка. «Зачем тогда надо было звонить? Сначала завершил бы все на свете разговоры. Вот народ эти новые русские! Весь мир должен замирать и ждать, пока он там свое «Даниссимо» сожрет!.. Ладно — с похмелья мир еще, допустим, подождет...»

Шихматов с той же остротой в который раз почувствовал, что вся его жизнь — блестящая гирлянда ожиданий. Ожиданий дембеля, гранта, развода. Понимания от тормозного старого компьютера. Своей очереди в парикмахерских, учреждениях и магазинах...

По увядающим цветочкам на обоях порхали солнечные зайчики — ива напротив окна сквозила на ветру. И только один заяц почему-то истово стоял возле солонки — точно вслушиваясь в свое золотое существо.

В дверь позвонили. Шихматов, сунув мурлыку-мобильник в карман, пошел открывать. Причем наученный событиями последних дней осторожности, он для начала спросил: «Кто?» и к «глазку» приник.

Мордатый малый (впрочем, в фокусе «глазка» всегда так) в темном халате и с повешенной через плечо сумой с плотнейшей кипой газет дружелюбно изрек:

— Вам телеграмма.

«Грант!» — осенило Шихматова. И все-таки он не торопился открывать. Что-то неуловимо неправильное было в этом почтальоне или правильное слишком. То ли сума его была чересчур, под завязку набита («разве сейчас выписывают столько?»), то ли эта тяжеленная сума как-то уж совсем легка была его широкому плечу — ничуть даже плеча не оттянула за все трудовое утро. То ли темный хала-

тик у парня был как-то совково нарочит... Шихматов этого не осознал, а лишь почувствовал, а потому все же, оставив цепочку, приоткрыл дверь.

А парень, чуть отшагнув, взмахнул ногой и враз цепочку выбил. С запечатленным лбом Шихматов отлетел вспять — и попал в чьи-то стальные клешни, вмиг вывернувшие и заломившие ему обе руки над головой.

Прижатый щекой к паркету, он краем глаза видел, как в окно один за другим с близкой ивы сигануло еще два крепких «человека-паука» — в пятнистых камуфляжах и черных коконах на головах с прорезями для глаз. Один из гостей склонился над поверженным. Нагрудный значок полыхнул на солнце — и у Шихматова щекотнуло золотисто в носу.

— Кто ты такой?! — встрял с другой стороны и мордатый почтальон, садясь на табурет против Шихматова. — Где Лена?!

— Сам — «кто такой»? — прошипел радиопизик с пола. — А Лене где же быть?.. Наверно, принимает ванну, — попробовал он даже острить.

Почтальон глянул на одного из людей-пауков. Тот молча покачал «секретной» головой в знак отрицания.

— А ты шутник! — Почтальон впился в Шихматова какими-то рысьими глазами — как бы тонкими пульсирующими лучами,

ищущими фокус. Затем прямо на стол, на кружку с чаем, сбросил рабочий халат и оказался тоже в камуфляже. — К Жеке! — кивнул он на Шихматова своим и, вывалив по дороге на пол из сумки всю кипу газет, первым вышел из квартиры.

«Что ж мне-то никакого мешка на башку не набросят? В любом случае мочить, что ли, хотят? — сумрачно размышлял затиснутый в джипе между двух похитителей на заднем сиденье Шихматов, поглядывая на пролетающие за окнами улицы. — Ведь купился как мальчишка, идиот из Достоевского!.. Это же они мне на Ленкин мобильник звонили сейчас, и пока я, как последний чукча, пана директора в эфире ожидал, братки-почтальоны как-то и запеленговали!..»

С Дмитровского шоссе джип, чуть умерив стремление, вдруг ушел в лабиринт внутренних улочек, сердито попутался в нем и наконец встал у красивого и свежего, как торт, особняка.

— Посидите, — сказал почтальон своим и вышел вон. Дягилева, 15 — значилось на пятиэтажке по другую сторону улицы.

«Что ж кресла такие у этих братков неудобные? — начал, видимо, от нервных перегрузок рассуждать уже не по делу Шихматов. — Всю дорогу ягодицу так и трет...» И вдруг сообразил: это же Еленин мобильник, положенный

им перед открытием дверей в задний карман трико!

— Давайте его! — приказал, наклонясь к окну, вернувшийся лаконичный почтальон.

Шихматов признался ему уже в холле особняка-торта:

— Мне бы это... А то начну воздух портить у шефа-то...

— Да. Прав был дедушка Ленин насчет нашей интеллигенции, — пустил сквозь зубы почтальон, но повел все же Шихматова, невольно попытавшегося представить дедушку Елены, по коридорчику направо. И указал на дверь с огромной фотографией Елены же — в свадебной фате, а ниже — совершенно обнаженной и сидящей вполупорот на эмалированном, белом с красным цветочком горшке.

Почтальон первым на секунду заглянул в туалет: повертел головой — нет, не убежать отсюда, и окошка нету. Выходя, впрочем, посоветовал:

— Ты в темпе. Шеф не любит ждать.

— А ему что, тоже сюда надо? — предупредительно осведомился Шихматов.

— Поскромней. Не в Голливуде, — обиделся мафик.

Одной рукой шумно спуская рычажком воду, другою Шихматов на мобильнике набрал 02:

— Похищен, срочно выезжайте...

— Выезжаем. Держись, парень. Адрес?

— Особняк желто-белый на Дягилева.

Пауза. И следом — сразу утомленно, с раздражением:

— Ну знаете, ребята, разбирайтесь сами...

Так и знал. У «пауков» все схвачено... Кому же?... Ну конечно, только Малышу!.. Только бы, змей, дома был.

— Ты ли там шепчешь, Лексей? — Малыш был в стельку пьян.

— Да не могу я громче. Я в плену — в коттедже на Дягилева...

— На Дягилеве?! Ты у нас что — балерина?! Ленька, ты это бросай!..

— Вставай под душ, дурак, под холодный! И сюда скачи!.. Ты с кем там пьешь-то? Мужики еще есть?

— А зачем мне мужики? Я что — голубой?.. А тебя сейчас, что ж, значит, мужики интересуют? — веселился в полной безопасности Малыш.

— Да, мой друг, сейчас интересуют. И желательно покрупнее и покрепче, из десантуры твоей.

— Ну, в общем у тебя вкус есть!

— Баран, меня здесь убивают...

Удар по кисти — и мобильник скрылся в сумеречных недрах унитаза.

— Ну, вот вы и справили нужду, — без улыбки откомментировал событие бандит-почтальон и неожиданно добавил:

— А вообще с вами уже интересно работать. Но — прошу.

III

Кабинет как кабинет. Мафиозный. Московский Капоне. Итальянская мебель. Деловой и безжалостный сумрак.

И в сумраке том — за белесым задком монитора и двумя ноутбуками, распахнутыми на столе, — светлый ежик над небольшим, правильной хохляцкой формы лбом босса. Этот задок, хохолок и детский румянец вставшего навстречу человека, казалось, пребывали в каком-то окончательно-безвкусном столкновении со своей окрестностью — и с темным вещим деревом, и с изумрудно-глубоким мерцанием стен.

...Моложе меня. Шихматов всегда отмечал это при взгляде на нынешних князей мира, если моложе.

Первый взгляд бизнесмена на пленника лишен был всяческого выражения, если не счесть выражением саму молниеносность обзора. Взгляд этот будто бы сразу вошел где-то на миллиметр под кожу пленника (глубже, видно, и не надо) и мигом просквозил вдоль корпуса. После этого взгляд уже знал, каким ему быть. А именно — виновато-радушным.

Пленник же одновременно и вздохнул с облегчением, и слегка содрогнулся. Он понял, что — в зависимости от итога подобных обзоров — в любую секунду взгляд может с тою же легкостью стать вообще любым.

— Бог ты мой! — восклицал между тем в удивлении молодой бизнесмен. — То ж называется: мои козлята учатся летать!.. Уж простите вы моих козлят, Алексей Игоревич! Вот уж, как говорится, — увы!.. Да в напряг им, что ли, было навести все необходимые справки на месте? Не грузя сильно вас?— (Шихматов как физиогномист не обманулся. Действительно, органично-притворный говорок коммерсанта приглушенно дышал Малороссией.) — Но сами поймите, Алексей Игоревич, умных возьмешь — самого обуют. Ну, то есть обманут, кинут, — подогнал он на случай и пару синонимов из традиционной русской лексики. — Вот и приходится дело иметь с этими вот...

— Отморозками, — подсказал Шихматов.

— Истинно так! — преувеличенно обрадовался коммерсант. Судя по всему, его словарь сомнамбулически плутал между двумя мирами — классической книги и тюряги. — Вы, Алексей Игоревич, конечно, уже угадали причины... м-м-м... нашего невольного знакомства?

— Отчасти, отчасти.

— Да вы присаживайтесь.

Шихматов сел в кресло и нарочито зевнул, с тем зевком как бы посылая боссу явственно: «Уж определяйся скорей с лексиконом, дурак». Босс сощурился, весь перекосясь, и, как выяснилось, на ближайший час определился. Рваными порциями — как ворованное через заборную щель — начал выкладывать:

— Я имею счастье... счастье тревожное, надо сказать... быть мужем Леночки.

В Шихматове отдаленно шевельнулось воспоминание. Как будто век назад, что-то ему говорилось о каком-то муже... И впрямь — с чего бы не быть у Елены мужу? Хотя как-то странно.

— Как могли вы легко догадаться, я ничуть не Отелло! — рекомендовался дальше муж. («Вот уж не мог», — про себя возмутился Шихматов.) — И беспокойство мое объясняется отнюдь не ревностью... и не иными внушениями низкой природы. — Теперь от коммерсанта повеяло густым индуизмом, что наконец-то напомнило Шихматову многое. — Свобода внутренней реализации каждого, а уж Леночки тем более, — для меня святыня драгоценная, поверьте! Я своею свободой клянусь! — Муж начал пафосно похаживать мимо сидящего в кресле с мягкой подковищей спинки Шихматова. — Но судите сами, возможно ли доверить человеку сразу, а тем

более ребенку или эмоциональной женщине, ключи от «Феррари» прежде получения ими водительских прав?.. Они, конечно, скажут — дай! Но не лучше ли стеснить их свободу совсем ненадолго, ибо в секунду аварии — как бы ни жаждали они жизни и свободы, как бы ни просили, — кто ж эти сокровища сумеет им вернуть?!

Бизнесмен, прохаживаясь, на миг заглянул в ноутбук и, приостановившись, что-то поласкал в нем.

— Данным рассуждением и объясняйте мое беспокойство и желание трошки пошукать «дитенка моего», иным словом — супруги. — Над ноутбуком занялась успокоительно-бесчувственная органная мелодия, и Шихматов вдруг заметил, что профиль хохла-индуиста на удивление чисто сканирован с портрета математика Гаусса.

— Вы бы меня просто осчастливили, Алексей Игоревич, если бы... так сказать... Мы бы и домой вас тут же отвезли, и с хорошим подарочком, чтобы, так сказать, позагладить...

— Я скажу вам всю истину, — решительно вздохнул Шихматов и выдохнул одним духом: — Супругу вашу я имею счастье знать всего-то пару дней, видел ее последний раз позавчера на берегу Яузы, какие-то еще индусы на слонах, я плохо помню...

Тут взгляд босса вновь потерял выражение. Вернее, приобрел уже пугавшую Шихматова внутреннюю опасную стремительность и внешнюю непроницаемость.

— Как попал на эту Язу — не помню, — поспешил добавить пленник.

Босс вдруг протянул ему через стол руку и представился:

— Евгений Осипович.

Махнув немного в сторону рукой, подцепил из янтарного пенала и вручил гостю зловеще-черную визитку с тонким и красноватым курсивом.

«Не смотри», — словно подсказывал кто-то Шихматову. Но не выдержав, глянул он на кровоточащий курсив... И тут пол и стеклопакеты в окнах так охнули, что компьютерная музыка, взвизгнув как живая, скакнула на децибел вверх, а Шихматов тоже сам собой подпрыгнул в кожаной подковке кресла. Еще там внизу — видимо, на первом этаже — кто-то завыл и кто-то выстрелил...

Евгений Осипович ринулся прямо на стену, и та отворилась. Но только на локоть, видимо, что-то заело... Босс, царапаясь, протискивался — с ноутбуком в одной руке и пистолетом в другой. А дверь в кабинет беззвучно распахнулась, и на пороге явился — в рубахе, разодранной по боковому шву, с нунчаками,

застывшими бдительно в деснице, — ратоборец Малыш.

Евгений Осипович прицелился, Малыш мгновенно перебросил свой чудовищный корпус через стол, с грохотом сметя попутно на пол мониторы и пеналы. Одновременно с чем Шихматов, так и не успевший изменить своего вальяжного расположения в кресле-подкове, кричал:

— Евгений Осипович, прекратить огонь! Это ко мне!..

Как ни странно, кто такой Малыш, долго пришлось объяснять. Если доброе знакомство физика Шихматова и Малыша (или Дозорцева-Зарубина Андрея Прохоровича, потомственного казака станицы Ногайской, старшего лейтенанта ВДВ запаса) казалось обоим абсолютно естественным, то взгляд бизнесмена опять затуманился.

И не мудрено: в фойе три проверенных годами охранника полусидели без памяти в мраморных ведрах, подломив под ягодицы весь пальмовый лист. (Каждый телохранитель приобрел таким бесславным образом что-то наподобие распущенного экзотически хвоста.)

Малыш был идеальной машиной войны. Когда на кафедре Распространения радиоволн он появился впервые с какой-то самострельной, то есть военизированной на ско-

рую руку профана и совершенно уже узкоспециальной Теорией относительности, в первые несколько секунд его даже приняли всерьез. Видно, здесь сыграли свою роль и вся его победоносная осанка, и голос убедительного тембра с мягкой командной пульсацией... Не говоря уже о том, что голос этот при любой беседе без малейшего усилия непроизвольно заглушал все остальные голоса. Нос — пинкертоновско-гоголевского склада — тоже лжесвидетельствовал в пользу его умственных способностей.

Рост и ширина плеч Малыша вначале у радиофизиков тоже не вызвали особых подозрений. Нильс Бор был ведь высок, да учен. И потом — какой серьезный ученый-естественник, не в пример слюнтяю-гуманитарию, станет обращать внимание на частную жизнь или физические параметры своих великих? Хоть без их изысканий и дня б не прожил!

Так что детине с косой саженью в плечах удалось доложить чуть ли не половину своей диковатой теории (правда, вся теория укладывалась в две печатные страницы), пока сотрудников кафедры не уложил на столы тяжкий смех.

Затем все быстро пошли покурить, только Шихматов в ностальгии по безумствам юности, подперев щечку, остался за своим столом. И Малыш ему еще какое-то время про-

должал читать — разумным и командным голосом — свою теорию.

Закончив, Малыш поинтересовался впечатлением младшего научного сотрудника. И смиренно-галантно склонил голову — точно перед неминуемой «Нобелевкой».

— Бред сивой кобылы, — вздохнул сентиментально Шихматов.

Налившийся вмиг багрецом с просинью, со слезой беспомощности в голосе, Малыш сквозь зубы процедил:

— Со мной не следует так разговаривать... Можно нарваться на удар в челюсть.

Протерев поролоновой тряпочкой перед обиженным гигантом очки, Шихматов заметил:

— Что ж, у меня явное преимущество. Я-то не сказал тебе, куда буду бить.

Малыш расхохотался — впервые в столице привольно, точно в казачьей станице. Они сошлись. Классические «лед и пламень». Лед неуклонно меркнувшей и остывающей, уже какой-то «заполярной», мысли и пламень степного широкого воображения.

С детства Малыш был, не зная сам того, одержим жадой абсолютного познания, по Канту, — то есть познания нутряного, такого горячо-утробного. И Шихматов — в детстве тоже предпочитавший разрядить собственным языком конденсатор, хотя под рукой

всегда был тот или иной заземленный прибор, — вполне понимал друга.

Этой сокровенной жадой объяснял он и недурное владение Малыша восточными единоборствами, и его отчаянное и блажное стихотворство, казачество, десантуру (из которой, едва пришло время отдаться ветрам нового познания, Малыш ушел в запас). И наконец, в довершение всего специально-православную теорию относительности, созданную им явно в обход общей. «У Андрейки, — говаривала донская его бабка, — память лошадиная!» (Из тона высказывания явствовало, что это комплимент.)

Тем не менее приходилось признать, что компетенция Малыша лишь в одной из перечисленных областей человеческой мысли никогда и никем не подвергалась сомнению. «Весь мир насилья» — так прозвал Шихматов в шутку самого Малыша, подразумевая всеохватный мир его единоборств, а равно и холодного с горячим оружия.

Впрочем, как-то во время одной из их нередких хмельных посиделок Малыш откровенно признался, что преуспел еще в одной области. Лет в восемнадцать, еще в отчей станции, аккуратно когда Малыш решил, что пора призадуматься ему о женитьбе, приснился ему сон. Такая же, как в старом, нестрашном кино, — полуразрушенная улица Сталинграда

и женщина, катящая коляску по такой вот улице... Женщина та далека, но прелесть ее неизъяснима. И взрывы помалу стихают вокруг... Кажется, это его невеста, Галка... Куда же ты, дурниха, хлопчика-то нашего выкатила под обстрел?! Стой, Галка, стой!.. И тут невеста наклоняется и из коляски рвет гранатомет. Пав на одно колено, целится прямо в жениха... Не надо, Галю, не надо!!!!..

Малыш мог бы счесть этот сон дурным предзнаменованием для женитьбы, если бы во время пробуждения не забыл сон напрочь. Так что той же осенью станица великолепно гульнула на первой его свадьбе. Он вспомнил сон только семь лет спустя, в тот самый миг, когда, — глядя в бинокль с холма Приштины на развороченный артиллерией хорватов город, увидел пробирающуюся среди пыльных завалов и осколков зданий женщину с коляской. Женщина неизъяснимой и при этом такой родной прелести: порою сербски так похожи на казачек. (Хотя на ту лютую пору для Малыша и его бойцов всякая женская прелесть была неудержимо-притягательна и при случае очень даже быстро изъяснима.) Малыш с четырьмя казаками, перепрыгнувшими через бруствер, начал спускаться с холма, чтобы помочь чем-либо женщине и ее ребенку, как вдруг с ясностью чудесной вспомнил сон семилетней давно-

сти... Тот же разрушенный город, разрытый курган, синее небо — яркое, как солнце. Тот же наклон девичьей чернявой головки в воздухе военной опасности... «В укрытие!» — взревел Малыш раньше, чем понял, чего хочет, и в десять прыжков — впереди земляков — оказался у ближней воронки и сиганул в нее, обдавшую ледяной грязной водой, в то время как девка, уже присев на одно колено, отчего обнажилась под юбкой камуфляжная зелень закатанных штанов, жальнула их склон из «Осы» первым снарядом. И взрыв грянул точно на изломе тропинки, по которой четыре секунды назад скользили донские казаки...

Минут десять у них ушло на то, чтобы взять в плен «молодую маму», оказавшуюся при ближайшем рассмотрении юным и щуплым «отцом». Малыш до конца войны нянчил его стальное чадло на правом плече.

И в мирное время казак мог неоднократно убедиться в наличии у себя провидческого дара. Да вот беда: кроме него убедиться в этом возможности никто не имел. Дар Малыша был так устроен, что казак всякий раз с неожиданной ясностью припоминал тот или иной свой пророческий сон буквально за пару секунд до того, как сон должен был сбыться. Значит, заранее сказать неверующему оппоненту — мол, пойдём туда-то и туда-то, там

произойдет то и то, — данный прозорливец в принципе не мог.

Хорошо, что хоть Шихматову не были важны доказательства. Как честный ученый, он помнил, что «есть многое на свете, друг Горацио». И не мир следует подстраивать под кровлю благородных формул, но помалу формулами «клинья подбивать» к тайне вечно неожиданных и женственных души и плоти мироздания.

Впрочем, как человек живой и слабый (да и ученый неважный), Шихматов не имел сил принимать к рассмотрению все завиральные теории Малыша. В конце концов, это была чисто казачья проблема. Если очень надо, нехай Малыш сам продирается к разгадке своих местнотимых чудес. Вгрызлись же его предки от Дона и Волги в сибирский восток — в неизвестные степные и таежные страны. А стало быть, именно жажда, сродни тяге предков к первопроходческой деятельности, заставляла теперь их потомка рыться вслепую в собственном совершенно неизвестном существе...

И Шихматов в сердцах задарил другу трехтомник Фрейда.

Но полистав «Толкование сновидений», Малыш только плечами пожал. В самом деле — к чему все эти толкования и дешифрования, если ему-то в снах показывают с точностью оптического прицела именно то, что потом и

случается? Уж чьи-чьи, а сны Малыша шифрами не были. Причем сны важные. До обыденных же казаку заботы не было.

Понятное дело, что-то там в мозгу или нейронных цепях вечно стрекочет, и во сне какие-то крючочки заскакивают за такие же. И ежели все это поскрести, найдешь в себе того татарина, поймешь, чего ты за день потерпелся (как будто это и так непонятно!), «чего хочешь, но молчишь»... Все это настолько ясно и обыкновенно, что непонятно — к чему огород городить? Ну да, в простом сне, омывающем душу человечью, в процессе таковой помывки все то, что зря в твоей жизни случилось, чешется, соскабливается и саднит... Но это — то, что было. А как же то, что будет?..

Малыш почувствовал себя выше Фрейда, не приближавшегося и в самом сладком сне к великим тайнам сновидений Малыша.

Шихматову одно здесь было странно: почему бы его другу, поэту и казаку, не удовлетвориться ответом о божественном вмешательстве в его сны? Вот демонстрируют ему ангелы будущее в «ночном кинозале», и basta!..

— Ну, а почему этих ангелов с кинопроекторами не видно во сне? — резонно возразил Малыш. — Что я их съел бы, что ли?.. Да и потом, это же все равно не ответ, а только от не-

го уход. Вопрос-то, в общем, тот же остается. Откуда тогда ангелы так точно будущее знают?

— Не казак ты, а технократ! — радовался Шихматов.

— Пожалуй, дело здесь в моей необычайной личной скромности, — гордо предполагал Малыш. — Вот уж не претендовал никогда на внимание ангелов. Я привык, что со мной всегда все проще... Просто для меня написаны на небесах какие-то свои законы.

И Малыш законы эти вывел. Ему даже не пришлось изучать Общую теорию относительности ученого Эйнштейна, чтобы создать свою и специальную. Он всего лишь нарушил один постулат. Рискую навек расплестись с Шихматовым, зачеркнув всю научную картину мира, Малыш выразил сомнение в том, что скоростей выше скорости света совсем не бывает.

Даже Шихматов, лишенный пророческого дара, сразу понял, куда клонит друг. А именно: раз вся информация о видимом мире приходит к человеку с прямой либо отраженной от предметов световой волной (эта волна низывается в глазной хрусталик и сетчатку), стало быть, если бы шли где-то волны большей скорости, а в человеке (ну, может быть, и не в каждом, а, скажем, в Малыше) и

для них нашлись бы уловители-сетчатки, то вот вам и прорицание. Прежде чем событие становится заметным и в видимом мире (то есть в мире, оттиснутом на световых скоростях), в приемник, вживленный в оракула, уже придет сверхсветовой сигнал.

Теория Малыша превращала мир в плотнейший клубок, в котором человеку невозможно повернуться и совершить что-то новое, еще не совершенное им же.

Хорошо, что казак в это безумие сам глубоко не вникал. Безвыходному этому свивальнику, слепому клубку могла бы воспротивиться сама его широкая природа. А что из этого бы вышло, только ангелам известно, написавшим специальные законы для казака на небесах, а может, регулирующим в своих передатчиках частоты сверхсветовых сообщений о важнейших событиях так, чтобы Малыш заблаговременно их получал.

Поразительно, но модель мирового корабля, намеченная Малышом, ничуть не кренилась ни вправо, ни влево. Ни в угоду прошедшему, ни в пользу грядущего. Грядущее ничуть не перетягивало на себя одеяло причинности, а все потому, что Малыш припоминал свои пророчества всего за несколько секунд до того, как им сбыться.

«А все-таки оно уже вертится, грядущее! — порою говорил вполголоса Малыш. — Оно

уже есть. Значит, куда-то идем. Значит, и в нем, грядущем, этому всему — причина...»

Все же скрепя сердце Шихматов объявил гипотезу Малыша лженаучной. И дружески присоветовал ему поберечь себя для русской поэзии и совершать свои открытия исключительно на ее территории. С того дня друзья не разговаривали и почти не виделись около полугода. Но при случайных встречах Шихматов еще издали начинал бездарно пародировать Малыша, надевая очки кверху дужками, и шел мимо с крутой распальцовкой. А Малыш тряс в ответ головой, как допотопный «ботаник» — академик-дуремар в параличе.

Шихматов сожалел, что пришлось обидеть друга, хотя знал, что в главном прав. Затянувшееся теоретизирование явно не шло Малышу на пользу, перетекая в долгие запои.

IV

Теперь же, ставя пеналы и разбитый монитор на место, казак, побывавший в родной ему стихии боя, выглядел заметно посвежей.

Присев на стол, Малыш даже весело подмигнул Евгению Осиповичу. И задал вопрос:

— Ну что, финансист-шалунишка? Как оно ничего?

Причем кресло, в котором Шихматов сидел, тут же превратилось — Шихматов почувствовал это всем своим сидящим существом — в кресло хозяина данного кабинета. Кресло же Евгения Осиповича зябко обозначилось как место посетителя.

Выяснив, что у бизнесмена украли жену, Малыш еще более развеселился. И он вдруг взялся разрешить эту проблему «Жеки». А Шихматов, еще не освоившись в роли хозяина кабинета, оказался уже под перекрестным допросом.

Охранники приковывали-таки в кабинет с одним стареньким газовым пистолетом на взводе. Малыш вернул их личное оружие, и под «теплые напутствия» босса те отправились охранять высший совет — по своим прежним постам.

Шихматову пришлось подробно рассказать обо всем произошедшем с ним за последние трое суток. Радиофизик при этом умело замалчивал все эротические эпизоды, хотя чувствовал, что ни у кого из присутствующих не вызывает сомнения таковых эпизодов наличие.

Малыш, похаживавший во время его рассказа по кабинету, подобрал с ковра чернявую визитку, глянул в нее и, присвистнув, снова сел на стол.

— Вот так одесская артель «Московские баранки»! — только и смог донец сказать.

— Не сиди на столе, денег не будет, — улыбнулся Евгений Осипович, уже несколько пришедший в себя.

И Малыш послушно сошел на ковер.

Радиофизик, вытянув шею, как кот, пытался заглянуть в визитку в руках Малыша, но тот как раз сунул ее в брючный карман. А сказать «дай и мне посмотреть» Шихматов постеснялся.

И закипела работа. Неизвестно почему, но Евгений Осипович проникся вдруг великой верой в неотвратимый успех Малыша. Может, виной тому была та впечатляющая демонстрация его боевых искусств, рядом с которой подготовка боссовой охраны выглядела простой профнепригодностью. Возможно, непреклонный тембр голоса и весь ладный облик Малыша сыграли здесь свою роль, а дерзкая удачливость, сопутствовавшая его появлению, представлялась сама по себе добрым предзнаменованием.

Так или иначе, Евгений Осипович с ходу предложил донцу очень пристойную сумму за услуги. По загоревшемуся и подмигнувшему глазу друга Шихматов понял, что Малыш-стихотворец уже видит многострадальный свой сборник «Донская стремнина» изданным в суперобложке и роскошным тиражом, а Малыш-казак уже давит на газ вороного «рэйндж-ровера».

Кстати, казак сразу выговорил себе право взять для пользы дела одного помощника. На эту должность (тоже хлебную) был мгновенно утвержден Шихматов. Босс сказал: «Раз уж ботаник в курсе, не будем подтаскивать лишних людей». Согласия Шихматова почему-то никому не пришло в голову спросить, и сам он не стал спешить с самоотводом.

Раскинув живописно бицепсы по подковке второго кресла, Малыш померцал уже совершенно поэтически взором и... вдруг начал закатывать рукава.

Евгений Осипович стукнул себя кончиками пальцев по лбу: «Ну конечно!» В мобильник Елены, утопленный человеком-пауком, могла быть забита важная оперативная информация.

Выловленный сотик еще горделивей поскверкивал, но пребывал в глубокой коме. Аппарат был срочно разъят на части и размещен на стационарном солнышке. В ожидании чуда его исцеления детективы попросили Евгения Осиповича охарактеризовать подробнее свои отношения с женой.

— Вообще, как часты исчезновения супруги? — спросил Малыш.

— Никак не часты! — решительно мотнул головой с хохолком. Евгений Осипович. — В том-то и дело, что — никак! — добавил он, учуяв недоверие Шихматова. — Всегда звонила

— хоть с Мальтийских островов, хоть с урюпинских почтамтов... Отовсюду, куда ни забросит себя, отзвонит. — Он чуть краснел, розово-щекий босс. Но вдруг грудная клетка его вдохновенно раздалась: — Вот еще вам такая деталь. Ленка знает, что отсутствие отзвона в третий раз а-вто-ма-ти-чески означает развод. Вот в третий раз забыла позвонить — и ша, подаю на развод. А два раза с ней уже случились! Правда, давно это было — года два назад. Но с тех пор отзванивает регулярно, потому что знает: у меня слово-то с делом не расходится! — завершил Евгений Осипович свое сообщение подчеркнуто бесчеловечным тоном.

Затем успешный коммерсант пригласил частных детективов в ресторан.

— Давно этого мента знаешь? — улучив миг, вполголоса спросил он Шихматова о Малыше.

— Это не мент, а казак, — сказал Шихматов.

— Рассказывай! — не поверил коммерсант.

Дальнейшее не только утвердило его в этом подозрении, но поселило подобное же и в Шихматова.

В ресторане, впрочем, все прошло достаточно благопристойно. Иными словами, обошлось без обычных, связанных в сознании Шихматова с обществом казака великих приключений.

Едва ли шло в расчет, что Малыш, плеснув «на старые дрожжи» 200 и сразу еще 150, начал читать свои донские стихи, а еще практически не выпивший Евгений Осипович вдруг начал читать ему стихи свои, и выдвигались из ресторана оба поэта, бизнесмен и казак, уже братьями...

И уж, конечно, ничто не предвещало того, в сущности, обыденного в своем ужасе мгновения, перечеркнувшего крест-накрест их благодостный вечер. Жуткое мгновение это просвистело, когда выплывший на солнышко Евгений Осипович воздел руку жестом лицеиста Пушкина, несколько уставшего на выпускном экзамене, и прочел:

Я памятник себе воздвиг вот этими руками.
Вам весь его в один момент не разорить.
Народы ходят вокруг меня кругами,
Но черни той меня не умертвить!..

И выстрел, грянувший, словно в ответ поэту, откуда-то с другой стороны улицы, расщепил ресторанный дверь над его головой и пылью побелки сыпанул на светлый хохолок.

— Из слухового окна бьет! — завопил Малыш, указывая куда-то под крышу противоположного дома и втискивая Евгения Осиповича, чуть «в один момент» не умерщвленного, обратно в ресторан.

Секьюрити ринулись через дорогу и с выхваченными пистолетами, в подпрыгивающих, как медвежьи холки, пиджаках забежали в подъезд.

— Воители, за ногу их! — сквозь зубы процедил Малыш, счастливо просияв очами. Затем — потянув воздух полной грудью и еще раз убедившись, что Евгений Осипович выведен из-под обстрела, — изготовился ринуться в тот же подъезд, куда канули охранники.

Но тут коммерсант — неожиданно спокойно и властно — придержал казака за рукав:

— Стоять, бояться. Ну, притормози... Это ж так, от Лены письма запоздалые.

Малыш от неожиданности приостановился:

— Какие еще?.. Потом, может, про письма? Киллер-то уйдет.

— Да и шел бы он подальше! — закурив, Евгений Осипович решительно шагнул на открытый воздух. — Ленка когда-то меня заказала. — Малыш с Шихматовым переглянулись. — Ну, как-то ляпнул я при ней, что в Москве, дескать, жить все опаснее. Мол, если так дальше пойдет, придется съезжать куда-нибудь в Бостон или Париж. Вот и зря я это сказал. Ленка-то бредила тогда Парижем. (Это еще до «индийских дел» было). Ну и наняла какого-то бойца — попугать благоверного, поторопить с переездом.

— Так тем паче бойца этого надо ловить! — сквозь хохот закричал Малыш. — Наверняка он знает, где Елена...

— Да едва ли. Мы ж его потом с Ленкой сами искали, чтобы стрелять перестал. Куда там! Деньги ему Леночка перечисляла до восстребования... Нашли бы, конечно, да хлопотно, дорого.

Прохожие двигались по тротуарам в обычном своем забытии — как ни в чем не бывало. Знавшие про выстрел, видно, уже убежали, а новоприбывшие о паре пуль, давеча перелетевших через их дорогу, и знать не хотели ничего.

— Так что ж, этот энтузиаст уже на общественных началах по тебе палит? — подивился Шихматов. — Или ему еще капает откуда-то?

— По-моему, ему до моего отъезда дан задаток, — сощурился Евгений Осипович. — А там бы он прислал другой расчетный счет...

— А все же не хочешь ли, Осипыч, полюбоваться? — перебил вдруг Малыш, своей сигаретой затягиваясь. — Вот он, ваш профессиональный мазила, идет. — Внешне казак совсем не изменился, только что-то внутри него сгруппировалось и зрачки стали маленькими.

— Этот пацан? — покосился босс.

Из дальнего подъезда неторопливо вышел щуплый паренек в тинейджерском прикиде. Джинсовый костюмчик, легкие волосы до плеч, за плечами косичка да красно-синий рюкзачок — плоский и легкий.

— Брось ты! — вместе косясь на молодого человека, возмутились босс с Шихматовым. — С чего ты взял?

— Элементарно, Ватсоны, — пустил дымовое колечко Малыш. — Смотрите. Паренек чистюля. Воротничок у рубашки отглажен, джинсики как первый снег. А куртка помята — аккурат посередине, поперек. Он свернутой ее с собой принес, сейчас надел — уже чуток преобразился. Наверняка, когда в дом входил, на нем была какая-нибудь кепка, патлы под нее были закатаны, сейчас распустил. А главное — башмаки на нем забрызганы, по ранту блестят, хоть он только что вышел из своей квартиры. Только вот не из квартиры он вышел, а бежал он лужами по крыше — от чердака над этим вот подъездом до чердака над тем. Такая, драгоценные мои, дедукция...

— Ну, а оружие где у него? Где же оружие? — спросили Шихматов и босс, ошарашенные столь совершенной дедукцией.

— Прямо вот и это сказать? — измываясь, сверху вниз на них смотрел Малыш.

— Сказать! Сказать!..

И казак выдохнул со всей откровенностью:

— А хрен его знает!

Юноша в джинсовке прошел уже по тротуару за оградкой ресторана мимо, ни разу так и не взглянув в их сторону. Загнанные, багровые охранники Евгения Осиповича уже выкатились ни с чем из подъезда — зато в окружении четырех теток, оживленно о чем-то судачащих. Охранники и тетки даже не взглянули на молодого человека с рюкзачком.

— Тормозну-ка я героя. Может, пригодится, — бросил сигарету Малыш и, спрыгнув с крыльца, пошагал по-гренадерски вдогонку наемному мазиле. Евгений Осипович и Шихматов заинтересованно потянулись следом.

— Эй, вольный стрелок! — крикнул Малыш, настигая стрелка. — Ленку давно не видал?!

— Давно... — от неожиданности честно ответил наемник, обернувшись и застыв.

— Как тебя звать-то?.. — протянул парню руку Малыш. — Хотя у тебя, небось, уже много имен?

И в Шихматове тут что-то стронулось и озарилось. «Много имен...» «У меня много имен...» Он вдруг стиснул кулаки в карманах и сказал:

— Я знаю, как ее искать.

V

«Просто помолись...» А в доме ни иконки. О чем и кому? Просто... Задал задачу йогин.

И сразу получишь ответы на все. Главным образом поймешь, где эта дура.

«Перед сном». А сна-то ни в одном глазу... Светит с улицы фонарь через двойную темную полосу перекрывающихся штор — нарочно так задернутых, чтобы одна другую перекрыли как раз, где фонарь. Отвернуться от фонаря на подушке — и запестрят перед глазами «человеки-пауки», Евгений Осипович со своим хохолком, далекая веселая Елена, красно-синий рюкзак псевдокиллера, раскромсанная и недоеденная телячья отбивная, Малыш в фуражке с малиновым околышем, в золотых погонах — саблей сбивающий на пол компьютер...

Просто помолись.

И что просить? Если уже закружился в этой абсурдистской карусели и нет даже желания выброситься из нее, отскочить прочь... А тут молитва? Как же возможна она, если прямо в сердце закатился этот искрящийся круг? И дело даже не в вознаграждении в у. е., и даже не в...

Нет, интересно, конечно, жива ли Елена?

Шихматов встал. Повключав безрассудно свет всюду на своем пути, прошлепал на кух-

ню, напился из чайника теплой, с явственной окалиной воды.

С детства не пивал иной. С деревенского детства, блаженного, — в которое выпихнули семимесячным к бабке-дедке родные родители. И сделали правильно. Им же было некогда... Следовало поскорей завоевывать знания, кафедры и города, в протуберанцы солнечной геенны с телескопом на глазу нырять...

Кстати, вот и помолись теперь. Ежели и на Солнышке Красном обнаружены давно чахоточные пятна. (Впрочем, об этом Шихматов узнал не от далекой продвинутой матери, а из школьной программы).

Но и дед его был балагур и безбожник, партийный и фронтовик. Поминал не без гордости, как еще в церковно-приходской школе над его головою свистала указка за то, что помимо ученья молитв все в оконце выцеливал лучшие яблочки в поповском саду.

Ясное дело, дед обрадовался революции. Несмотря даже на то, что отец его, прадед Шихматова, вожак артели богомазов, вмиг лишился своего святого промысла и вынужден был с сыном Енюшкой, шихматовским дедом, бродить по уездам. Во всякой встречной деревушке он демонстрировал портрет сына с пионерскими иконописными глазами (по предъявлении весьма похожего оригина-

ла) и набирал заказы на портреты местных созерцателей. Платили, конечно, копейки. Порою заработок сводился к полбуханке хлеба да кринке молока.

Удивительно, но дед и тогда не осудил революцию: ну и ладно, богомазов разогнали, зато — он искренне верил — всем прочим добрым людям стало сильно хорошо. Не сказать, чтобы впоследствии дед сделался воинствующим атеистом, но на досуге охотно полемизировал с бабушкой, почитавшей Иисуса Христа. Впрочем, она вполне верила в реальность и всех советских киногероев, включая героев Гражданской войны. Ради объективности надо сказать, что в них дед тоже верил, и если в отличие от бабушки не выражал большого восхищения их деятельностью, то в кино переживал за упертых героев реально.

Странно, дед одобрил еще в несмысленном детстве революцию, но и в дальнейшем ни на кого в жизни он не обиделся (исключая Гитлера, конечно) и ни о ком дурного слова не сказал. Шихматов, по крайности, такого не помнил.

Дед всю жизнь, хоть и обладал недюжинными способностями к живописи и камерному пению, ни в консерваторию, ни в худучилище не поступал, а всю жизнь только кормил и веселил свою семью.

И, надо отметить, кормил и веселил неплохо — в той мере, в какой это может выполнять сельский учитель, школьный истопник, заядлый садовод и огородник, охотник и рыбак.

Шихматов свое детство запомнил где-то с года — когда дед посадил его на велосипедную раму, на кожаное самодельное сиденье, и повез в лес. На повороте из деревни велосипед занесло на песке и сорвало с тропинки в отвесный овражек... Шихматов упал в темную траву первым, на него — немецкий крепенький велосипед, и сверху — дед. Странно: никто не успел испугаться. Просто запомнили этот поворот на всю жизнь. И дальше, целые, поехали.

Но позднее, зная и врожденную смекалку, и веселый нрав деда, Шихматов заподозрил, что дед учинил то падение нарочно, поскольку и впредь во всякий месяц на том повороте совершалось то же самое.

Шихматов уже знал, что они очень склонны в этом месте падать, и, вцепившись в руль, отчаянно выкручивал его у деда, а внутренне готов был к низвержению. И точно — все по новой. Шепелявое скольжение колеса, возмужавшая знакомая травка. Сверху бьет фашист-велосипед, дед — растопылив руки, как волшебные оборванные корни, — катится уверенно под горку...

Все-таки довольно странно. Но вскоре Шихматов прослыл самым бесстрашным мальчишкой в деревне.

Первую зиму он запомнил, когда дед показал ему снегиря — крупного, сине-огневого на ослепительно белом. И в этом снегире, в легком переплетении снежных ветвей с темным подкорьем укрепились близь и даль...

Похожее чувство он испытал потом, когда на велосипеде катил (уже самостоятельно) мимо полуразрушенной деревенской церкви. Церковь давно была превращена в овощехранилище. Но у Шихматова вдруг дух заложило, и сам не понял, как перекрестился на истисканные, зацелованные временем спокойные стены, просвещенные ветрами купола...

Очень странно и очень давно это было. Церковь, дед, снегирь, трофейный велосипед... Давно их в живых — никого. И как они, такие разные, все были заодно?.. Или так казалось только? И уже тогда «распалась связь времен»?

Науке это, брат Шихматов, неизвестно. Наука, милый друг, пока не в курсе дел. Хотя... иные деятели давненько вокруг храмов с вольтметрами ходят. Или с какими-нибудь биометрами — зело хитрейшими приборами, меряющими неявно что. Коллеги, мать их.

А одному физику-лирику приказано было помолиться.

Стихи, что ль, для разгону почитать...

Господи. «Божье имя как большая птица...» Нет, где-то должна быть иконка. «Вылетело из моей груди...» Хоть бы на календарике. «Впереди густой туман клубится, И пустая клетка позади.» Дай бог памяти, кто же написал эти стихи? Уж, конечно, не Малыш и не поэт-коммерсант. Хоть, может быть, еще выпишутся — бывают чудеса на свете...

Нет, и на этом календарике дьяволица какая-то зад подняла. Неужели на каждом? Священники, поди, и в наш век говорят, что грядет Апокалипсис и Великая блудница. Какое там грядет? Она давно заселилась, рассыпалась тут. Крупно, мелко, экранно, трактирно, эстрадно, плакатно...

Часослов точно был где-то в кипе журналов. Неужто уже не найти?

Да что йог-то понимает в наших колоколах и часословах? Да полно — этого ли он с тебя спрашивал?

Хари Кришна, Хари Рама! Где моя деревня, где мой дом родной?..

Нет, едва ли и этого он ожидал.

Ложись-ка лучше. Вот так. Господи, помилуй мя, грешного, и избави от чужих проблем. Можно мне их не решать, не получать вознаграждение? Грант мой насущный даждь мне днесь!.. Да и гранта не надо! Ни хлеба, ни чи-

стой воды, ничего, ничего... Пусть крутится круг, еще немного прокачусь да и сойду...

Шихматову приснилось величайшее, грандиознейшее совокупление тысяч прекрасных женщин и уродливых, до неразборчивости загорелых мужчин на дне морском. Во сне он был силен, как никогда наяву, и перетекал от группы к группе, наблюдая с жадностью за всем, что творилось по соседству...

Женские груди порою отрывались от своих хозяек и, медузами странствуя меж тел, подплывали к Шихматову и влеклись по нему, ублажая. Входы наложниц были мягкими раковинами — чутко трепещущей, мерцающей красы. И эти сладостные, с подводным колыханием пещерки томно странствовали тоже... Всюду царствовала волнистая и сумеречная невесомость, почти устраняющая тяжесть используемых Шихматовым тел. И поэтому любая, самая сказочная и окаянная поза становилась сейчас же возможна.

Тут-то Шихматов и заметил маленькую, огненно-золотую рыбешку, вьющуюся посреди подводной оргии. И вилась та свободно и неподчиненно общему томлению волн. Само ее солнечное золото смотрелось очень странно в глубоководных и вечных сумерках Эроса. А золото рыбешки было таково, словно горячее солнце совсем рядом и по мелководью бьет в упор. (Шихматов еще каким-то науч-

ным краешком мысли смекнул, что солнце бьет сквозь все водные пласты, как будто через гигантскую лупу, фокусирующую лучи только на этой рыбке.)

Одержимые подыгрыванием ему тела прелестниц, их медузы и раковины пытались его удержать, но Шихматов выпутался из их упругого невода и неудержимо потек вверх — за той рыбкой, вьющейся выше и выше...

Он чувствовал уже роковое отсутствие воздуха и свою кровь, распирающую вены, когда выскочил-таки на поверхность...

Солнца не было. То есть он позже увидел его — в аристократической седине облаков — далеко-далеко: маленькое и чуть размытое движением своим в облаках, как путеводная рыбка.

Над брустверами правого берега поезживали на жеребцах, разодетых в старинную сбрую, гривастые сербы в доспехах и широко, претенциозно крестились на восток, отмахивая кружевными рукавами... Ударил пушечный залп — от брустверов отошла цепочка седых королевских дымков, и Шихматов, едва успев выпростаться из реки, кинулся снова в Дунай.

В несколько молодецких гребков он достиг противоположного берега. Но встав на том берегу в рост, вмиг удостоверился, что не берег это, а лишь малый островок в низовьях

какого-то устья. В немалой злобе бросился он дальше вплавь, ухватился за гранитный парапет, подтянулся и... взялся за чугунную лапшу сфинкса.

Полез. Но чем выше он лез, тем дальше простирался сфинкс, подымался на дыбы. Одной рукой Шихматов ухватился за широкий выступ пупка идола, перекинул локоть, и тут со страшным свистом прилетевшее двенадцатифунтовое ядро стукнуло сфинксу в живот. На мышцах живота подпрыгнув, ядро поскакало по груди и животу изваяния прямоком на Шихматова. Тот с плачем завопил. Раздираясь по чугунным лепесткам, заскользил вниз и, оттиснувшись в прессованной толще подушки, понял, что — вот и все, конец фильма, слава Те, Господи, штора светла, и вполне осознана одна необходимость: встать, сходить...

Но не успел добрести «по своим делам», как на стуле возле туалетной двери, прямо под рукой Шихматова, грянул телефон.

— Да!

— Алмазик, я же сказал ясно — (Тот самый обволакивающий любовью голос!) — помолись перед сном именно тому, во что веришь. А ты развел какой-то модернизм. Разве можно так?

— А как? — простонало что-то изнутри Шихматова.

— Я еле вытащил тебя. Уж больше не кокетничай и в бисер не играй...

Голос тут стал удаляться, точно отходила в аппарате старая мембрана. Последнее, что удалось расслышать, было:

— И не унывай...

Заварив в чашке покрепче цейлонского чаю (производства ООО «Люто» в п. Измайлово МО), Шихматов звякнул Малышу.

— Ну, как там смедитировал? — без обиняков поинтересовался Малыш. — Удачно? Как в лучших тибетских домах, я надеюсь?

— Как в худших, — признался Шихматов.

— Ну и брось эту хрень! — резюмировал друг. — Езжай ко мне. Тут есть у нас с Родионом идея получше!

— А кроме идей ничего у вас нет? — спросил по привычной аллюзии на словосочетание «у нас есть» Шихматов.

— Это само собой! Без этого откуда же идеи?! — гоготнул Малыш под близкий аккомпанемент смеха Родиона.

Родионом звали давешнего недокиллера. Тоже приглашенный собственной мишенью в ресторан, Родион явил себя довольно компанейской и душевной личностью — и рассудительной, и миролюбивой, просто с чуть более, чем у других, западающими под надбровье глазами. Выяснилось, что он воевал в Приднестровье и по этой причине был при-

нужден мгновенно побрататься с Малышом. А осушив со старлеем по «полной фронтовой», уже совершенно освоился в новой компании.

Ресторанный сумеречный зал был расколот широчайшими, чуть шевелимыми лучами скрытых ламп, отчего казалось: зал этот лежит под водой. Погуливали равноускоренно и бесшумно официанты меж столиков. От их движения подрагивали листья редких, продуманно-случайных пальм — похожих среди матовых поверхностей на древние водоросли.

И в этом подводном раю Евгений Осипович спрашивал у Родиона, обнимая его, яко библейского льва агнец:

— Ведь ты ж, засранец, мог меня убить?

— Да не вопрос! — кивал снайпер с явным состраданием.

Все же взгляд выпивающего Родиона становился все более тяжел и безнадежен. И как ни крути, это уже был печальный взор убийцы, жалеющего себя только за то, что видит снова рядом с собой человеческое существо. За то, что может хоть сейчас «по производственной необходимости» прибрать и этого.

Из ресторана совсем развеселый Малыш, не желая расстаться с «братэлла», повез снайпера к себе. А теперь вот по телефону Шихматову и говорит:

— Приезжай! У нас с киллером есть идея.

VI

— Решили все-таки босса мочить? — с порога спросил пьяниц радиофизик. И занялся тем, чем занимался по приходу каждый раз: начал отцеплять Улисса, мигом вскарабкавшегося по его штанине и куртке, облобызавшего старого друга и принявшегося обрабатывать его когтями вглубь. Приходилось каждый раз с великой осторожностью, дабы не вскрыть живого мяса, отжимать от себя расчувствовавшегося хищника и потом долго отпугивать от ног.

— Так что, все-таки босса решили мочить? — пошутил Шихматов, но тут же выяснил, что это он не пошутил.

Малыш, сам мастер огорошить собеседника безцеремонностями всех сортов, вдруг как-то потерялся. Прикусил губу и ушел на кухню — как в себя. Там он молча набулькал в стаканчик Шихматову водки. И только тогда глянул на него с досадой уличенного.

— Ну, в общем-то и выхода другого нет. — Старлей «замахнул» свою стопку, казавшуюся в его лапище наперстком. Покривился до слезы. — Судя по твоим рассказам, Ленка — стерва еще та. Вряд ли она на дно легла не по своей воле. А значит, ее надо брать на живца... То есть не на живца, а именно наоборот. На мертвеца! Женьку замочат — сразу вынырнет. Наследство-

то нешуточное, надо полагать. И защитить его надо будет вовремя от батальона — не меньше, я думаю, — прочих наследников... Так что вот так. Женькина охрана уже Родькино ружьишко нашла, оно в полном порядке.

Родион с чувством разминал пальцы, сидя на продавленном диване.

— Да вы что? — медленно вскипал Шихматов. — Вы чем тут траванулись?

— Напротив! Мы здоровы и сильны, как никогда! — заверил друга казак. — И убеждены: Женьке тоже идея понравится!

— Где понравится — в гробу?!

Малыш и Родион сразу из уличенных и суровых стали не в меру веселыми.

— Ведь поверил! Купился, малец!

— Так идей нет? — перевел дух Шихматов.

— Что, не подошла? — усмехался Малыш. — А подойдет ли боссу, мы сейчас узнаем. Двигаем к нему, это не телефонный разговор... Хватит гулять! Похмелка — вообще кратчайший путь к алкоголизму! — морализировал он и впрямь убрал бутылку в холодильник. Подобные высказывания и в особенности сопровождающее их действие были на этой кухне редчайшим явлением, свидетельством необычайной серьезности помыслов.

— Хотите чаю — в темпе пейте чай, — добавил казак, заметив жующего что-то Шихматова. — И скачем швыдко до батьки.

Пока Шихматов, не успевший позавтракать дома, попивал чай с хлебом, Малыш пел «Ой да не вечер, да не вечер» и сек топориком мороженую рыбу для Улисса, а Родион все собирался с духом, чтобы погладить зверя. Улисс же, видимо, чувствовал это и приглушенно рычал.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I

Облака внизу... Боже! До этого мгновения она, несмотря на весь свой опыт в области тантрической любви, считала понятие полета (он же улет) только льстивой метафорой, священным трюизмом... Да вот же — внизу облака. Пусть в каком-то клепаном кольце они, которое, видно, еще предстоит как-то духовно, любовно порвать... Только как?.. Ведь сама как пушинка — блаженно-безголовая в этом невероятном полете...

Но этого и хочет тантра!

Ух, силы шактийские! Кажется, в нее вошел весь ашрам!.. Она возносилась, возносилась — превращаясь в невидимую и для «третьего глаза» соринку... И в этой высшей пугающей точке будто увязала в семенную белизну — слепую, тайную...

Она все-таки очнулась — в пустой белой комнате. И первое, что поняла (вернее, не по-

няла), была жара. Влажная жара — как в Сандунах. Но Сандунах, очень технологично проветриваемых и эксклюзивно благовонных.

Она лежала на жестковатой кровати в чем мамка родила. А по углам кровати возвышалось по танцующему существу из кости.

Предчувствие простого и доброго сюрприза охватило ее, как в утро праздника в детстве. Тихо сойдя на пол и привстав на цыпочках, Елена заглянула в высокое оконце без стекол и рам. За оконцем тем отцветал и осыпался тропический сад.

— Хари, хари! — внутренне она всплеснула руками. — Я в Индии!

Все ее тело было покрыто тончайшей, ртутно-поблескивающей пленкой пота. В висках — восхитительно пусто и чисто. Будто и не пили, не кумарили вчера...

Индийская галлюцинация с жасмином и бамбуком за окном была так хороша, что не хотелось ее отпускать. Но любопытство — желание пощекотать себя поверх миража и реальностью — взяло верх. И Елена, завернувшись в простыню, приотворила дверь.

Пошла по темному ветвящемуся коридорчику, толкнула еще дверь и... Чуть не топнула босой ногой от разочарования. За дверью находился зал, обставленный компьютерами, секретерами и всяческими шкафчиками в де-

ловом америкосовском вкусе. Наподобие офисов друзей ее мужа: казалось бы, очень представительно и дорого, а на самом деле дешево и безрассудно...

Впрочем, к ней от своих компьютеров повернулось несколько дочерна загорелых мужчин — тоже в белых простынках, искусно заколотых по левым плечам.

«Все же — чья-то из мужниных партнеров деловая дача», — неуверенно решила она, молча возвращая ненужный ей зал за коридорную дверь.

Отправившись назад, она вмиг заблудилась. Шлепнула несколько раз босыми ступнями по теплomu камню темной лесенки... Впереди синевато пламенела вертикальная полоска... Елена откинула мигнувший дырочками полог и вдруг оказалась на улице.

Ждала она прохлады, ветра или иной мгновенной свежести, но — стоя на утопающем в широкополой зелени крылечке — Елена плыла в той же мягкой горе жары, что в комнатах и коридорах. Плыла в изумлении перед темно-зеленой, местами чуть желтеющей стеной парка, насажденного невообразимо кем в этом секретном Подмоскovie!..

Толстенный попугай на ближней ветке приветствовал ее поднятием панковского хая и проговорил кое-что крепким алкоголь-

ным голосом. И проговорил, пижон, определенно по-английски.

Елена пошла по цветам, по песчаной дорожке меж двух этих стен — шершавой серой и бархатистой зеленой.

И тут впереди среди кустов промелькнул ее гуру — рядом с кем-то мускулистым и незнакомым. Гуру — в шортах с линялой полоской. Незнакомый — в загаре и искусной простыне.

Елена замедлила шаг, чтобы вникнуть в негромкую их речь. Донеслось отчетливо лишь:

— Сразу не надо. (Это гуру говорил.)

И черно-белый незнакомец растворился в зеленой стене. А гуру подошел к какому-то полотну, висящему на стене дома, и отогнул краешек.

Подойдя сзади, Елена заглянула тоже за его плечо. Гуру смотрел в пустую комнату с резными богами по углам кровати и столбел. (А она-то в комнате думала, ковер на стене как ковер).

Она закрыла учителю ладонями сзади глаза. Тот вздрогнул так, что ковер оборвался и повис у него на руке. И она неизвестно чего испугалась.

— Сестра...

Обвила его шею руками, и он не отстранил рук, хоть учителя нельзя обнять по сво-

ему почину. Священная энергия Шакти. Все строго порционно. Но сейчас... Что это, что?!

— Индия, Леночка. Одна из ее великих провинций. Подарок тебе — к Дню Сарасвати...

— Да хватит же, нет, нет, это чья-то дача, санаторий, Крым! Экзотику пересадили. Даже мой муж так умеет. Нагнать пару... Ну не говори правду, не говори, где мы. Пусть длится это стерео. А где наши все?

— Из наших здесь только я и брат Владимир-Свами. Он в городе сейчас... Пойдем-ка.

Он за руку повел ее меж нешироких стволов — коричневых, чуть выгнутых бивневидно, безветочных до самой вышины. Лишь в вышине на бивнях обмирали вычурные опахала...

И этот парк вдруг оборвался.

И на горизонте, за разновеликими камнями, словно остановившими и размазавшими желто-сизую реку по равнине, явилась надменная ломаная линия гор — синеватых и пятнистых, радостно-одиноких и молчаливо-дружных, как стая присевших леопардов.

Тенистая лужайка перед входом в ее комнату была уже безупречно сервирована. На шелковых полотнах, брошенных прямо на цветы, стояли легкие кувшины с крышками в виде слонов и других более сложных фигурок.

Вперемешку с кувшинами стояли, полусветски клонясь, вполне современные бутылочки «Камю». Меж чаш жались фужеры. Посреди плодов — лиловых, как вишня, персиков, страшенных бананов и чищенных, здоровых, как мозги, орехов — извинительно валялись баночки немецкого пива, в капельках по борту, только что из холодильника.

Присев рядом с гуру на ковер, взяв наугад какой-то плод, Елена уже наслаждалась жарой, пальмами, иссиня-пламенными небесами и знать пока не хотела ни о фирмах, любезно предоставивших ей это турне, ни о его незамеченных транспортных средствах. Не хотелось разрушать эту иллюзию шальной телепортации. Пусть, пусть еще побудет в ней и над ней этот прозрачный смерч расплывшегося Шивы! Пусть — как будто!

Гуру представил ей нескольких, явившихся прямо из растительности, черно-белых мужчин — просиявших обритыми наголо головами. Их имена, которые Елена тут же и забыла, звучали некоторые по-индийски, некоторые по-английски. Но под углом к груди каждого пошатывался костяной амулет — в виде гордого фаллоса.

И все они (конечно же, кроме устойчивых фаллосов) склонились перед гостьей. Затем, сотворив легкую молитву, сели, где стояли, на ковры. Елена, спохватившись, после всех

подпрыгнула и, дожевывая какие-то каленые зернышки, что-то такое тоже сотворила.

Когда гуру увидел, что его подопечная насытилась, он предложил ей общую любовь — так сказать, для лучшего знакомства с «братьями во Кришне». Но то ли имел-таки место небольшой стресс, то ли подустала от телепортации Елена, но общая любовь у нее не пошла. Может, это горы — неразмываемыми призраками оставшиеся за банановым леском — как-то действовали...

А может быть, заминка оттого, что почему-то рядом не было ее близких товарищей (вполне даже можно сказать — братьев); таких же заблудившихся и одичавших в той московской, полурусской жизни. Духом нищих. И Елене преданных всеми частями тел, но прежде всего — настрадавшейся и одинокой душой. Именно так она чувствовала каждого из них и любила и не жалела для них ни себя, ничего... Они вместе взлетали, бывало, и вместе знали — куда. А теперь предложение гуру звучало каким-то... не то что предательством... Эти бело-черные и бритые тоже, наверно, еще те «засранцы» или даже в тысячу раз лучше, посвященной... Но едва ли бедней и добрей.

Что они понимают-то, господи?!

Она вдруг ощутила себя провинциальной русской девочкой, испугавшейся сетей раз-

врата. («Разврата»! — так подумала она за последние лет пять в первый раз). Она чувствовала себя так, когда первый ее муж, восторженный затейник и дурак, подстерегающий с болезненной сноровкой все злые токи человеческой природы, впервые предложил ей группен-секс со своими козловатыми друзьями. Тогда это действительно воспринималось как грех ею — никогда не православной. (Родители — обычные «совки».) И грех, и разврат нестерпимо-сладкий — впрямь развотроивший что-то, какую-то скучную нравственность... И что-то еще...

С каким напевным визгом раздиралась на мире тогда заповедная божья броня! С каким вкусным хрустом потоптаны были цветы, что под этой прозрачной броней подвенечной!

Даже сама ревность тогда выжимала из себя болезненную сладость. И уже вскоре не мучила, а разрешалась неистовым и утонченным салютом разврата — для посвященного в это секс-месиво...

А совсем еще недавно ходили рука об руку по лесу, и дятел стучал, и ходили по ягоды, потом по грибы, и аукались влюбленными на зависть голосами, и пророчила им дожить до золотой свадьбы кукушка, а дятел им что-то свое домовито отсчитывал, и в электричках читали стихи и обсуждали блаженные мелочи быта, и дома по телику им попугай кричал

еще по-русски и о русском: «Да здравствует государь-император!...»

Все, все порушил и назвался — первый муж. А она-то бестолкового его учила отличать неядовитый гриб от ядовитого... Впрочем, что ж все на него-то валить? И сама, наверно, не все ядовитое вовремя умела отличить, и сама хороша была, и соблазнительна...

Раскосый темнокожий паренек стал убирать грязную посуду с ковров. Паренек не был обритым, а даже довольно вихрастым. Вместо простыни на нем укручен был лишь складчатый набедренный ком — а ля Маугли — и на руках сидели белые перчатки, что при худобе официанта делало его похожим сразу на фокусника и на пройдоху-кота. Но убирая с ковра, парнишка держал очи долу. Не было в нем и следа самоуверенной доброжелательности бритых братьев.

Елена хотела притянуть заморыша к себе, но тут гуру ударил ладонью по ее руке, не успевшей дотянуться до набедренного кома.

— Куда?! Неприкасаемый! — пугнул в шутку гуру.

Странно, но только тут до путешественницы дошло наконец, доскакало, допрыгало, что это — страна Индия. Глотком ледяной водки покатилося по крови ее чувство реальности.

За тридевять небесных волн, ломаных и гнутых горизонтов — родная полурусская столица. И последний муж, входящий в «десятку» богатейших москвичей, ревнивец, трудоголик и аскет — задыхается во сне по неизвестной причине... Ученый Алексей (фамилия неведома, но почему-то точно, что не Байрон) сквозь смех жует газету с опечаткой объявления и покручивает за ремешек ее сверкающий мобильник, словно Вишну — колесо сансары.

В общем пора, погостила — пора и честь знать. Ох, стало быть, вылетать... Это мысленное «вылетать» невольно известило о том, что и сюда всяко припер самолет. Вот оно что — облака, окольцованные иллюминатором.

Она сразу встала и пошла взглянуть в последний раз на горы...

Но сам вид этих с божественной невозмутимостью поджидающих ее леопардов, воссевших с высокими углами лопаток, неожиданно успокоил.

К чему так скоро уезжать? Не прикоснувшись ни к чему, не приблизившись... Ничего, Евгений Осипович не помрет. Целый сонм секретуток, врачих и адвокаток. Чай, посадит ночью подежурить около себя кого-нибудь — чтобы, ежели что, растолкали-воскресли. Тем более уж здесь-то я ему, котеечке моей, лучшего брахмана найду. Пусть всей здешней

шамбале отдаться ради этого придется. Чтобы сразу вылечил или научил бы дурака, как медитировать нормально!

Она решила тут же, не откладывая, об этой печали рассказать своему русскому гуру, а там уже и углубиться в Индию. Но прежде всего позвонить, позвонить — успокоить Евгения Осиповича, заю мою, позвонить...

В отдельном кабинете, уставленном божествами и волшебными камнями желанья, увешанном пучками ароматных трав и картинками с тематическими любовниками из «Митхуны», гуру ей протянул телефонную трубку. И видимо, от полноты любви несколько волнуясь, сказал:

— Так пусть же и он прилетает. Давно следовало присоединить близкого третьей чакре твоей человека к нашему Братству Любви.

И пальчик Елены, уже начавший набирать номер мужнина мобильного, обмер. В общем-то, если и не приглашать, Евгений Осипович прилетит раньше, чем «Хари Кришна» успеешь пропеть. О, муж прозрачный и несчастный, все-таки любимый. Наивно-румяный бандит и аскет... А тут даже телефонная трубка в руке — в виде матового фаллоса, концом к губам.

— Конечно, поначалу ему будет трудно... И непонятно, — отчасти понял ее колебания гуру. Как посвященный начальной, Серебря-

ной, ступени он мог читать мысли на близком расстоянии. — Никто же ему не прикажет взлезть сразу со всеми. Шактизм — терпение и постепенность.

Нет, вообще, все они неплохие ребята, шактисты. И устремленные и мудрые. Только немного лобовые... Не аукались они, подика, с первым и единственным любимым в темном и живом, страшном и добром, смешанном русском лесу. В бельчатом-игольчатом, бескрайнем. Не обманывала их, наверно, хитрая и щедрая кукушка...

Елена вернула учителю нахальную трубку.

Но уже на другой день в одном из прохладнейших окаменевших влагалищ высокогорья, куда все они, русские и аборигены, с наслаждением вошли, гуру — словно в избытке счастья — ей сказал:

— Нет! Тот, кто изучает великие учения Индии по книге — как же мало он поймет! Твой супруг полжизни потерял, что до сих пор не побывал здесь!

И знакомый нехороший холодок под грудью вдруг ей напомнил о себе.

— Если здесь деньги кому-то нужны, так я потом договарюсь, — посулила она отрешенно. — И он пришлет.

Гуру, еще не изведавший всех граней ее простоты, побледнел и обиделся. И он сказал, что плевал он на деньги, что для восхождения

по винтовой лестнице Сансары деньги — сплошная помеха и что больше ни слова не скажет он неблагодарной сестре ни о муже ее, ни о деньгах. Даже если на блюде они с мужем припрут ровно два миллиона «лавэ» и на коленях упрашивать будут принять этот вклад на нужды по распространению учения Шакти, он еще (и Шакти вместе с ним) очень подумает, чиста ли эта лепта!

Несмотря на его гневную отповедь, придумалась именно Елена: да повезло ли ей в жизни с учителями хоть раз?

Впрочем, программа мероприятий, предложенных Елене ее новыми братьями, была насыщенная и эксклюзивно-волшебна.

Общая трехразовая медитация и путешествия в священные пещеры на джипах, беспечно бросаемых на милость Вишну в предгорье. Посещение ближнего буддийского монастыря, каковой представлял собой несколько крошечных пагод, втершихся в скалы на расстоянии мили одна от другой...

Путешествие души Елены на Луну и Марс, заставившее биться тело в легком трансе...

Питье горячей сомы с зернышками конопли на донцах кубков и предсказание будущего...

В сущности, программа эта быстро приобрела вид совершенно пуританский, что наво-

дило, конечно же, на размышление о некой, пусть косвенной связи всех мероприятий с желанным приездом Евгения Осиповича.

Божественный эрос Шакти — душа ашрама — взял тайм-аут. Телефонных фаллических трубок на глаза Елене более не попадалось. И даже амулеты на шеях у братства претерпели изменение — вернее, изменили направление. Все как один, целомудренно и равнодушно, амулеты «смотрели» теперь вниз.

Центр общего внимания был перенесен на атрибутику, карабканье по горам, собирание магических растений и бесконечные рассказы о подвижниках из этих мест. Елена взирала на лунные кратеры со скачущими по ним в неимоверном количестве душами лунных зайцев — потомков того легендарного зайца, что прыгнул некогда в костер, чтобы накормить в пустыне Шакьямуни Будду. Шакьямуни за подвиг сей и поселил славного зайчишку (вернее, его вечную духовную часть, оставшуюся после съедения) на светлую Луну. С тех пор душа зайчишки вымолила себе и подругу, с тех пор жизнь на Луне бьет ключом. Маленькие души зайчат выются меж мертвенных кратеров и горя не знают. Частенько сигают они и на Землю, когда там рождается в пушистой плоти кто-то из сородичей.

Это именно лунные зайцы нагоняют по лунным ночам злую тоску на волков. Людей

же, которым кармой суждено стать наиболее ретивыми охотниками, зайцы превращают в лунатиков с самого детства. Так борются они за сохранение своей популяции на Земле — приводя заклятых врагов в полную для этой вражды непригодность. Но почти все лунные зайцы унаследовали доброту их пращура, и гибнут люди-лунатики на своих ночных путях редко. Пока человеческий разум в них спит, их водит по залитому лунным светом миру душа лунного зайца — не боящегося ни высоты, ни расстояний. (Ведь на Луне невелика гравитация, и разбиться, скача с кратера на кратер, просто невозможно.)

Много интересного открыла для себя Елена в эти дни — и с лунными зайцами играя, и посещая сны мужа, которые тот под утро забывал. Но разгонявшая каждый раз сонм его коммерческих партнеров и любовниц, она — несмотря на все старания своих новых друзей — так и не призналась ему, куда делась, и не позвала за собой.

Она побывала и в странном будущем, и в страшном прошлом планеты. Видела первую январскую метель, что закруживала шеи динозавров и раскачивала их, как стволы пальм, потерявшие упругость. Слышала тоскующий предсмертный вой рептилий по всей охолонувшей в одночасье Земле...

Елена и рада была своему внезапному пуританству, окруженному светлой грядой этих гор — как бы ударенных гушей небесных вестей и пророчеств под видом солнечных горячих лучей.

Радовалась и огню звезд. Казалось, это был тот же свет дня — только бьющий по ночам сквозь дырчатую дверь-ковёр на небе. Кланялась и самому здешнему воздуху, полному незримым и счастливым населением...

Такие зыбкие и совершенно неясно куда звавшие чувства похожи были на ее первую, школьную еще, любовь. Он, тот любимый (и любящий до сей поры, кстати), не знал, что делать с ней, своей Еленой, ни в школе, ни потом. Он, впрочем, даже и не пробовал, ничего напоминающего даже «школьный секс» не предпринимал, хоть она одно время пыталась подбодрить, слегка намекала... Но после этого и ей и ему становилось боязно и пусто, хотя до этого и звезды рассыпались между ними, как из рукава, и свято населенный кем-то воздух вокруг них струился. И весь мир не брел рядом — третьим лишним, а исправно раскидывал мощные крылья, летя куда-то вместе с ними и клубясь от превращений на лету.

Но когда оба они убедились, что того единственного превращения, необходимого ячейке общества, совершить не дано... она

вышла замуж и с горя даже устроилась зачем-то в банк мужа, а он женился и уехал в Приднестровье — защищать на контрактной основе православие. Уже не вспомнить точно, от кого.

Когда он вернулся, в глазах его еще обширней рассыпались звезды и крылья мира вынесли их на причудливейшую высоту.

Не зная, как его удержать, остановить остывание вселенское в его глазах, она спросила:

— Ты привез какое-то оружие?

— Еще какое, — сказал он.

— Не поедешь пока больше никуда? Постреляешь здесь в моего мужа?

— Что он опять натворил?

— Да отношений-то уж нет... Просто он собирался в Париж со мной. А все никак. Пугнуть его просто отсюда... Я заплачу тебе как модному киллеру.

— Только деньги вперед, — известил он, совсем погашая вселенную в темных глазах.

Так их связали — и, надо признаться, теснее, чем все прочее прежде, — деловые отношения.

Несколько раз за последние дни Елена вспомнила и о Шихматове. И как-то странно — как об идеальном для себя, пожалуй, муже. Радиофизик ей ни в чем не потакал, и

все-таки его впалая грудь — кажется, пустая и светлая, лишенная совсем ядовитого ядра эгоизма, — создана была для того, чтобы к ней навеки приникать заплутавшим гостям.

Нищий и рассудительный, немного старомодный, но широкий. При случае способный на взрыв. Не такой ли и нужен был ей изначально? А все остальное — минутная легкая зыбь?..

II

На пятый индийский день вся культурная программа вдруг застопорилась. Обещанная с вечера поездка в дальний монастырь не то была отменена, не то оттягивалась. (Думалось сначала: по техническим причинам.) С утра Елена, столь же внезапно, как обогретая вниманием ашрама, теперь забытая, слонялась по пустынным медитационным залам. Два раза она искупалась в открытом бассейне, съела пару апельсинов на веранде, стилизованной под хижину в джунглях...

И наконец наткнулась на охранника — она их различала по особым бесхвостым тюрбанам и улыбкам, обезоруживающим особенной бессмысленностью. На вопрос: «А где все?» — охранник ответил на твердом английском, что, мол, на саммите, но проводить на

этот саммит Елену напрочь отказался и пропал в листве.

Обошла на цыпочках второй, административно верховный и просто верхний этаж здания. Приникала ко всем росписям по стеклянным дверям кабинетов — наконец улыбнулась удача. Рассмотрела — сидят. В трансе, что ли, глубоко? С прямыми спинами и закрытыми глазами... Но перед каждым на столе — газета.

Затем долго и нервно бродила и с крышки ледника при кухне спугнула случайно мальчика в белых перчатках. Мягкой жестикуляцией ободрила его и на уверенном уэльсско-бирюлевском диалекте попросила стянуть для нее из комнаты, где совещаются во сне, одну газету. Мальчонка сквозь испуг поскрипел перчаткой: мани, мани...

Елена так и хлопнула себя по бедрам: в первый раз хватилась, что нища. Сумочка с косметикой и баксами, верно, осталась в машине, машина в Москве, Москва в России. Порастеряно буквально все по дороге многогрешными этими ашрамцами, грузившими в каком виде не ясно Лену, будто в новогоднем фильме, в самолет.

В слабой надежде Елена взяла за руку отрока и, содрав перчатку, завела его ладонь под свою сорочку и возложила на грудь. Служка замер, потом застонал по-цыгански, пал пе-

ред ней наземь — не отрывая горячей и взмокшей руки... И разразился рыданиями.

Затем, еще рыдая, он встал, обежал здание, как кошка взобрался по сандаловому дереву и запрыгнул в окно. Шлепая босыми ногами по полировке, прошел по столу между погруженными в транс людьми высшей варны, собрал со стола все газеты и — защелкнув их, будто жемчужной скрепкой, зубами — принес несравненной богине своей.

Газета, столь успешно используемая для медитации, оказалась «Московским комсомольцем», вышедшим на днях. Вчера или позавчера, Елена здесь часы не очень наблюдала.

Кроме одной, оставленной себе, все газеты она повелела поклоннику доставить назад.

Быстро — уже радуясь кириллице заголовков — пролистала газету и особенного ничего не нашла. То же, что и обычно. Вот адмирал такой-то... родился... участвовал... был награжден... инспектировал и что-то такое заметил... а после взорвалось, и все заметили, и вот теперь его понизили в должности. Вот язвительное обозрение о Путине и Буше, а «политическую ситуацию на вашем обеденном столе формирует какой-то Ум-пса, ароматный товар»... Тьфу... Так. Еще раз, повнимательней и с самого начала... И тут маленькая черная рамочка в углу страницы выстрелила,

попала прямехонько в сердце — и разорвалась чернотой. «Скоропостижно... Бизнесмен-патриот... Навсегда останется в сердцах коллег...»

— Мы не знали, как сказать тебе... — произнес, расплываясь туманом, гуру. С предельной осторожностью полез краешком туманного полотенца к ее глазам. — Мы молились, хотели стать ближе к душе его. Ближе, полезнее. Но едва ли мы сможем стать ближе тебя.

— Я хочу... ближе... — попросила, вздрагивая еще, она.

Тогда ее гуру, Вадим Свами, химик по мирскому темному образованию, встряхнул колбочки длинных своих пальцев и повел реакцию:

— Жест безмолвия разума... Та-а-ак. Жест равновесия... Останавливаю мысль и извлекаю боль... Ничего, ничего, еще раз... Мир и тишина в ментале...

Тут, выйдя из-за русского учителя, здешний воздел розовые сильные ладони и окутал сном. И из сна в сон понеслись облака — точно пухлые зайцы и тощие, тянутые, как пастила, динозавры... И все они — было замечено — кружились вокруг горного отрога с потемневшим храмом, покрытым изваяниями густо, как ракушками. А в храме том, в блистающем гробу с золотыми богами на пуантах по углам, лежал Евгений Осипович

и читал Елене свое завещание, по которому так выходило, что он требует и поручает жене захоронить себя в духовном сердце Индии — на прародине истинной веры его — а именно в... Евгений Осипович тут осекся: сквозь древнюю крышу храма сначала капал и вдруг ливанул струнно дождь... Забарабанили по алтарям разжиженные зайцы, забулькали и запищали рассыпавшиеся на мелких ящериц в падении с небес динозавры.

«А гроб с телом сразу направить в про...» — сквозь писк и плеск, барабаны и литавры пытался рассказать Евгений Осипович, отфыркиваясь и отчерпывая воду белой туфлей из гроба. «В провинц... пандж... арх...» Вода поднималась, заливала уже ему рот, и Евгений Осипович сорвался с места и закружил во гробе над святыми алтарями.

Но вода под натиском тропического ливня поднималась, и вилась в ней, легко обманывая лязгающих челюстенками ящериц, одна золотая гупешка... Зайцы, спасаясь, целыми выводками сигали в гроб. Евгений Осипович вдруг разорвался на голубоватую панночку в саване и на бородатого деда Мазая с багром. Гупешка плавником плеснула юной ведьме золотой воды в лицо, и в этот миг Мазай так вмазал панночке веслом, что Елена очнулась...

Здесь гиду, погрузивший ее в этот сон, валялся на ковре с золотящейся отметиной на лбу. Гиду-химик и один местный индус приводили его в чувства. Полотенце для стирания слез с Елены вновь было задействовано — уже как вентилятор.

Валяющийся задышал и сел на пол... Перенапряжение, бывает. Непросто это — за три моря сходить, поглядеть. Хорошо, что хоть главное успели понять. Пусть супруг и не договорил — где именно... Демоны Круга Кармических Наваждений ужасно мешали. Есть, Леночка, такой райончик приграничный в Царстве мертвых. Но три дня пройдет — и покойный уйдет еще глубже. Уже и не найдешь... Но видимо, муж твой, Елена-Каур, был сильно духовен — хоть и на ошибочном окольном пути. О важном, о судьбе посмертной тела говорил. Уж не о пути контрольного пакета акций, не о суете.

Звони. Наверно, в офис прямо. Там, верно, гражданская панихида сейчас.

— Елена Дмитриевна! Где вы?! — из-за трех морей ясный голос Герки, мужнина подельника. Ясный и не в меру обрадованный. Гад же ты, Герка, хоть бы ради приличия радость таил, небось уже в кресло друга-начальника метишь?

Но спросила все так же тихо, сдержавшись:

— Гера, как это произошло?

Тот даже как будто не сразу и понял, о чем разговор. А может, это просто звук запаздывал — все-таки другой бочок Земли, часовых поясов сколько-то там разделяет.

— Скоропостижно, — наконец ответил Герка.

— Ночью? Во сне? — спросила, замирая духом, совестью.

— А?.. Да, да! Совершенно верно! — опять с запозданием и опять обрадованно, будто припомнил диагноз.

Все. Камень вечный налег. Навечно кровью черной изнутри умылась совесть.

— Герочка, ты, пожалуйста, проследи: гроб с телом чтобы в Пан... хонт... — (Она с трудом прочла название индийского города на бумажке, поданной учителями. Повторила с улучшением несколько раз.) — Первым же рейсом! Это Женя в Индии похоронить завещал. Я здесь встречу, все сделаю... Что? Ну конечно — «с кем-нибудь». С кем надо. Нет, Гера, сам не приезжай.

Гера уже, надсаживаясь, кричал в трубке. Он кричал и «Елена Дмитриевна!», и «Где вы сейчас конкретно?», и «Приезжайте сами, сначала надо организовать все здесь!..» А она, пальцами прижимая откалывающийся висок, повторяла уже, как заведенная, следом за химиком:

— Это все — лишнее время. Гера, вы не маленький. Мне здесь еще место подыскать...

— Ну хорошо, — наконец сумрачно согласился Гера. — Первым же рейсом отправляю. Но все ж таки дайте мне на всякий случай ваш подробный адрес.

Она вопросительно взглянула на учителя, но тут связь прервалась.

— А подробный зачем? — сказал Вадим Свами. — Мы же встретим.

Здесьний маг давно сидел на стуле, а не на полу, и обтирался краем своей тоги. Темное, мокрое насквозь полотенце тяжело висело на створке окна. Маг глазами на Елену не смотрел, но словно был весь наделен такой пристальностью, что даже, как хотите, как-то нарушались здешние обычные тактичность и доброжелательность.

Выйдя из комнаты и уже начав спускаться по лестнице на первый свой этаж, Елена вдруг остановилась. И бесшумно прокралась назад. Дверь была чуть приоткрыта.

— Слушайте, — говорил русский химик аборигену, обмахивающемуся «Московским комсомольцем», — может, еще разок попробуем?.. А то мало ли что? Вишь, баба-то какая взбалмошная. Уж я не знал, что и делать... Еще разок в Кайю Бардо не сходите? Чтобы уж наверняка?

Но здешний замотал лощенной головой и лег опять под окно на пол:

— Чтобы уж наверняка, ничего больше пробовать не будем, — изрек он на чистейшем русском языке, разве что с легким цыганским акцентом. — Ты ей, конечно, лихо завернул про демонов. Но смех смехом, а в Кайю сейчас я не один работаю. Как ни странно. И что-то-там не так...

Теплый порыв сквозняка распахнул дверь, и оба учителя одновременно увидели свою ученицу с трепетно соединенными под грудью руками.

— Вы что-то забыли, сестра моя? — спросил, помолчав, здешний учитель. Спросил вновь на английском наречии.

— Да, — по-русски ответила его сестра. — По морде вам обоим дать.

Поднявшись, учителя быстро заговорили друг с другом совершенно по-цыгански. Может быть, это и был санскрит. И только тут в тоске Елена поняла, что выжить в этой передрыге никаких ее знаний не хватит — ни языков, ни боевых искусств.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

I

Ну и вот в одно ясное сентябрьское утро, в утро — между прочим — понедельника, в аэропорту Домодедово к самолету, стоящему на самой дальней, самой запасной взлетной дорожке, был подан сияющий гроб. Этот гроб с золочеными (а кто ж знает, может, и золотыми) рантами так сиял, что летчик, кутивший у трапа, раньше времени надел солнцезащитные очки.

Хоть и не было никаких официальных сообщений по этому гробу, почти весь персонал аэропорта твердо знал, кто умер и куда летит.

Сопровождали усопшего в последний путь трое в глухих черных костюмах и зеркальных очках. Один — громила с рыжим саквояжем, второй — сильно поменьше, с дипломатом под мышкой, и третий — тоже довольно тщедушный, с волосами, собранными на затылке в конский хвост. Был там и еще народ в смо-

кингах, но народом оказался провожающим, потому как не полез за гробом в самолет.

Трое же сопровождающих, войдя в короткий и пустой салон, зеркальные очки поснимали, и громила оказался донским казаком Малышом, тот, что поменьше, был Шихматовым, а совсем малой — убивец Родион. Мигом в руках у каждого явилось по новенькой отвертке, и не успел забушевавший моторами Ил разогнаться по взлетной дорожке, пассажиры отвернули дорожные болты по углам гробовой крышки, и во гробе том сел покойный бизнесмен Евгений Осипович. Он достал сигареты из кармана и, улыбнувшись всем приветливой загробной улыбкой, закурил.

Надо сказать, идея Малыша не сразу покойному пришлась по душе. Собственная гибель могла негативно сказаться на делах. Но Шихматов подсказал: да надо просто-напросто предупредить конфиденциально основных коллег и деловых партнеров, что, дескать, последует такая шалость — исключительно личного свойства. Тогда Евгений Осипович успокоился. Но лишь на миг. Уже в следующий миг он сообразил, что даже предуказанная имитация его кончины, как ни крути, ударит по его положению на рынке ценных бумаг. В третий миг босс уже знал, что не ударит, а напротив — акции его концерна только подрастут. То есть сначала упадут, как

при любой легкой панике (и посвященные на этом наварят), а потом в случае видимой гармонизации процесса, может быть, даже прилично подскочат. Причем процессом этим вполне реально можно и из гроба управлять... Однако в миг четвертый бизнесмен понял, что он этим вообще не будет заниматься, поскольку здесь может образоваться несколько непредсказуемых воронок. И вообще все это чересчур напряжно, ребусно и как-то уже для него несолидно.

Значит, все делать надо проще. Пустить оплаченную мульку в несколько газет — заведомо блажных и желтых, их-то Ленка и читает. И сидеть спокойно — обеспокоенным серьезным людям отвечать по телефону: а кого вы слушали-то? Трубку первым самому не поднимать. Посадить секретарей в засаду.

Как способ своего «ухода в мир иной», стрельбу по себе Родьки-киллера, на которой настаивал с похмелья Малыш, Евгений Осипович сразу отмел. Тут всего-то делов — дать пару газетных уток. Что ж, ради этого теперь прикажете еще и пару офисов взорвать?

Понятно, гроба никакого изначально тоже не планировалось. Напротив, целый день перед выходом свежего «МК» следствие шло и иными путями. Чуть даже не подключили милицию, но на органы правопорядка у Евгения Осиповича обнаружилась устойчивая ал-

лергия. Тем более подпустить чужих, да еще с «чистыми руками и холодной головой», к своей интимной жизни — да Боже упаси.

В ГАИ, однако, обратились и таким путем нашли в аэропорту Внуково припаркованную Ленкину «Аудишку». В оной — кувшинки топтанные и небезызвестные Шихматову. Также какие-то ленточки, а по кувшинкам и ленточкам без труда бы, конечно, нашли весь злополучный шактийский ашрам, если бы ашрам тот как в Язу не канул и никто б о нем, даже в Центре культуры Востока и посольствах Индонезии и Индии, не слыхал буквально ничего.

Пригорюнившиеся сыскники уже решили завернуть в кабак на Малой Бронной. Вот тут-то из офиса и позвонил шефу на мобильник Гера и размытым голосом сообщил...

Евгений Осипович и восхвалял, и материл Геру десятиэтажно. Восхвалял, потому что супруга жива и здорова, а материл, что не выведal точное ее расположение, а Гера только и делал, что выводывал, Гера достиг того, чего никто не мог: аэропорт Пхан... абрх... идж... в общем, тут точно записано. Вот и заказывай, Гера, себе пока гроб.

Но в итоге гроб заказали все-таки Евгению Осиповичу. Опять-таки убедили похмельные Малыш и Родион с примкнувшим к ним трезвым Шихматовым. В самом деле —

можно, конечно, летать и без гроба. Но кто его знает, в чем там, собственно, в Индии (мать честная — в Индии!) дело? Кто есть «ху»? И вообще что за игра идет? Может быть, Елена Дмитриевна и встречать самолет-то не явится вовсе? А ее поверенные или, наоборот, — какие-нибудь злые «правоверные», умыкнувшие ее, встречать как раз будут и мгновенно раскроют без гроба обман? Или они откуда-нибудь будут хитро наблюдать. Так что даже охраны с собой нельзя брать много, а гроб надо брать обязательно.

Круг посвященных в свой семейный кавардак Евгений Осипович и так не хотел расширять. А круг этот на данный момент — кроме правой руки босса, Геры, в полном объеме посвящения составляли трое. Этим-то троим, не считая заводи́лы-покойного, и выпало путешествие. Именно радиофизику да казаку, да стрелку Родиону — конечно, представляющему из себя кота, только частично вышедшего из мешка, но уже всем симпатичного.

— А как же Улисс? — вдруг хлопнул Шихматов кулаком Малыша по колену. В боссовом лимузине они подъезжали уже в смокингах к Малышеву подъезду.

Казак призадумался. Действительно, надолго ли это турне — неизвестно. Волчья степная интуиция подсказывала казаку, что очень может быть, что и надолго. Соседи бо-

ятся Улисса как огня. Малышевы девки тоже. На чье же попечение оставить друга?..

Дружбе этой скоро должен был исполниться второй год. Тогда же, года два назад Малыш распрощался со своей невестой, не вынесшей казачьего свободолюбия. Но то была совершенно особая история, не поддающаяся уже ни описанию, ни воспоминанию самого Малыша. Уже в день расставания с любимым человеком Малыш не понимал, как мог он столько времени бороться со своим личным казачеством и каким именно чудом надеялся в этой изматывающей борьбе победить.

А на другое утро настал такой миг, что казак не в силах стал и минутой долее оставаться в своей осиротевшей в одночасье «гостинке». Шкафы, картины и диваны бросались в тоске на грудь стенам. А стены, обняв угловато предметы свои, сотрясались от плача...

Или это повсюду блестел конденсат невмещаемого облака печали по ушедшей навсегда?

И Малыш отправился в известном только Богу направлении. Надо сказать, что тоска об утрате была столь велика, что даже выпивать казак не стал, посчитав этот вернейший путь на сей раз до смешного безнадежным. С повисшими, безвольно тяжелыми руками, с покосившейся саженью плеч шел он куда глаза

глядят — незаметно для себя сбивая с легких ног прохожих. И на Садовом кольце, на жутком, унижительном для чести пешехода переходе к метро «Баррикадная» остановил своим мощным печальным движением весь поток машин, обычно здесь драчливых и скандальных, а тут даже и не пикнувших.

Вот в районе «Баррикадной» казака и занесло, кажется, впервые в жизни в зоопарк. И точно выдавливаемый страданием куда-то на обратную сторону пространства, с повисшими руками ходил он среди сонных медведей, глуповато-восторженных газелей, замкнутых — думающих свою крамольную думу — волков, отрешенных рысей, юрких горилл и макак. Мультяшных орангутангов, невольно и метко пародирующих казака. Огибал мертвенных крокодилов, пустомель-попугаев, спесивцев-верблюдов...

Они все — то ли в упрек, то ли в насмешку Малышу — жили по двое, если не по трое. И только в широком пустынном вольере на берегу искусно протекающей среди его камней речонки на камешке сидел одинокий енот. Это происходило вопреки тому, что на табличке, на стенке вольера, официально указывалось: «Кавказские еноты (две особи)».

Как выяснил Малыш у служителей — действительно, еще не так давно енотов было два. То есть нынешний совсем недавно овдо-

вел. Енотиха была намного старше мужа. Сначала она стала его ни за что ни про что вдруг кусать, потом впала в спячку, прерываемую лишь для истерических нападений на своего енота, а потом и померла.

Малыш тут же в зоопарке с лотка купил еноту полный пакет сэндвичей, сладостей и сдобы. И зверь, из пакета доставая правой лапой по одному эти кушанья, поступал с ними так: осматривал со всех сторон; и очевидно, если чистота продукта его не устраивала, он тщательно такой продукт в своей прозрачной речке промывал. И только после этого употреблял, бесшумно и аппетитно прикусывая и весело поблескивая огоньками черных глазок на потчующего казака. Только однажды глазки зверя блеснули виновато — когда ему пришлось извлечь из сэндвича бифштекс и в речке тихонько от кетчупа выполоскать.

Хоть как енот зверь был довольно крупен, половину предложенной снеди он отнес в свою пещерку. Затем енот быстро выстирал цветастый опустошенный пакет и вернул очарованному Малышу.

Малыш рассказал еноту всю свою жизнь, историю последней разлуки — наиболее подробно. И зверь истово, не отрывая взора от опечаленных, немного телячьих очей Малыша, выслушал его до конца. После этого оба с

минуту наблюдали друг друга в ошеломленном молчании.

Уже в густых сумерках Малыш, зацепившись носком одной туфли за штырек провода сигнализации, окунулся с парапета в вольтер. Казак сгреб одной рукой лохмато-полосатый ком, подтянулся на другой руке вспять, и друзья покинули территорию зоопарка, чтобы не возвращаться сюда никогда.

Имя свое Улисс обрел почти случайно. Как-то Шихматов подсказал казаку, что для завоевания столичного Парнаса следовало бы кроме Пушкина с Некрасовым ознакомиться и с более близкой по времени литературой. И припер другу суму с «джентельменским набором» модернистских книг, каковые не прочесть современному литератору недопустимо. Прочтя заголовки (надо сказать, дальше этого дело не слишком продвинулось), Малыш понял вдруг, как будет зваться его новый домочадец.

Лаконичное латинское имя Одиссея сразу приглянулось Малышу — скорее римскому, воинственному духом. Понравилось оно и явно одобряющему лаконизм еноту. Именно «Улисс»! Точно выплеск тугой тетивы и посвист стрелы, ясновидящей цель!..

Небольшой по сравнению даже с полугодовой овчаркой, Улисс шутя воцарился на прилегающих к своему новому жилищу тер-

риториях. То есть удерживал в страхе и повиновении не только дворовых котов, но и терьеров и стаффордс. А соблюдал паритет разве только с японскими бульдогами.

Гордости Малыша не было предела. Обещания хозяев других четвероногих, живших по соседству, «затащить по судам» только льстили его самолюбию.

Шихматов смеялся первое время, не понимая, почему другу не приобрести уж сразу ризеншнауцера или добермана. Малыш и сам понимал, что поэту-десантнику больше подошел бы пес — огромный и горячий, со стальной хваткой. Но дело в том, что у юного Малыша уже был такой. Вместе они представляли захватывающей красоты механизм для растерзания встречного и поперечного... И вскоре Малыш благодаря четвероногому другу угодил под суд.

Отчим, пожилой слесарь из касты «иного-родных», чудом откупив пасынка от суда, сек его нещадно посреди станицы — привязанного к козлам. А после отобрал и продал пса и отправил Малыша в военное училище. Видимо, с тех самых пор в подсознании казака как-то соединился всякий помысел о великолепных собаках с предчувствием слепой социальной опасности.

Раз в неделю Малыш, открыв над раковиной воду, запирали Улисса на час в ванной. По-

началу тот рычал, отчаянно вцарапывался в дверь, но затем, поуспокоившись, перестирывал всю грудку грязного белья, набросанного за неделю Малышом в ванную комнату. Так что — в данном постирочном смысле — казак неплохо устроился и без денщика или супруги. Малыш пробовал даже обучить енота гладить, но тот сразу обжигался и шипел в гневной обиде.

И когда Шихматов в ночь перед вылетом в Индию спросил: «А как же Улисс?» — казака полоснул, как саблей, стыд. Он-то сам совсем забыл о верном друге, в последние дни вспоминая о нем разве что по прачечным поводам. Конечно, будь на месте Улисса какой-нибудь другой енот, небось давно бы они расплевались. Но благодаря золотому характеру Улисса Малыш долгое время и не признавал своего все более хамского отношения к «мелкому». Улисс души не чаял в Малыше. Порою даже вопреки откровенно циничной реальности зверь верил в донца. К тому же всегда в доме было полно их друзей (и врагов — во дворе), так что УлиССу природный его такт и деликатность не позволяли прилюдно на друга надуться.

Теперь же Малыш — предварительно поблуждав комнатой, поделав наклоны в раскачку — сел вдруг на стул против УлиССа и все равно не знал, с чего начать. УлиСС, как обыч-

но по вечерам, сидел на своем табурете, привинченном к полу (это чтоб не барабанил табурет ножками об пол, когда Улисс с остервенением вычесывал блох).

— Мне нужно отъехать — насколько, не знаю... — начал, как получилось, Малыш. — И не к бабушке в станицу. Вообще невесть что там такое... Ну, расшаркаюсь перед соседями, чтобы тебя навещали. Хотя сам понимаешь, какие с соседями у нас отношения... Но нет, это — нет, не проблема...

И тут Малыш, кажется, первый раз после неизвинительной вечности забвения глянул другу в темные и чистые глаза. Глянул с прежним уважением и полной честностью:

— Или... поедешь со мной?

И между человеком и енотом — от головы к голове, от зрачков к зрачкам — просквозила братающая тончайшая молния. Ею как сдержнутый с табурета, Улисс в два прыжка пересек комнату и ткнулся легким честным лбом в лоб Малыша.

II

Визы благодаря «загробному» влиянию Евгения Осиповича всем выправлены были мгновенно. Ученый, единственный (кроме Улисса) не имевший загранпаспорта, был неприятно удивлен тем обстоятельством, что и у

Малыша, и у Родиона таковые нашлись. Но и Шихматову перед самой таможней заветная книжица была вручена.

Для Улисса приобретен был красивый и вместительный, как домик, — с вентиляцией и биотуалетом — кожаный фибровый саквояж, а для Евгения Осиповича — тяжеленный гроб. Надо сказать, что гроб Евгения Осиповича ни биотуалета, ни поддува никакого не имел, и спешно пришлось за отдельные деньги высверливать под фланцами отверстия. Тем не менее с «положением во гроб» коммерсанта не возникло никаких проблем, тогда как Улисс ни за какие коврижки не хотел садиться в домик.

Конечно, енот великолепно разместился бы и на плече Малыша, к чему и был привычен, но в нынешнем путешествии не хотелось бы навлечь на себя лишнюю пресс-конференцию. Потому и куплен в магазине «Кошкин дом» сей саквояж как неизбежность для Улисса в наиболее щекотливые моменты странствия.

Шихматов, наконец, вспомнил о давней их с Малышом шутке. Нечаянно было замечено, что при ускоренном прокручивании магнитофонных кассет, когда голоса на пленках становились дребезжаще-бойкими, игрушечными, Улисс, как сумасброд, начинал носиться по квартире в поисках незваных кар-

ликов. И теперь кассетник был без ведома енота погружен в его домик, и едва взметнулись в нем с писклявой бодростью, заблажили на неукротимом своем марш-броске чужеземные карлики, Улисс азартно закружил по комнате. Настигая нахалов, он скользил по паркету неуспевающими за мчащимся енотом когтями... и вдруг ворвался в домик-саквояж.

Через пять минут все путешественники неслись уже в предутреннем свете востока. Окрест маялись глуповато при разлуке с ночью фонари, и шоссе за лобовым стеклом пошатывалось от бессонницы...

Евгений Осипович, уже во гробе, едва поместившемся в его кадилак, ворочался и явно нервничал. Улисс, которому пока позволено было чуть высунуться в ставни домика, несколько поуспокоился.

Накануне Евгений Осипович всем купил по мобильнику — так, на всякий случай, для надежной связи. Когда они зашли для этого за боссом напрямиком в агентство МТС, поблескивающее жидкокристаллическими мониторами и улыбками умненьких юных сотрудниц, Шихматов спросил у Евгения Осиповича, почему буква зеленая на табло электронном горит, и босс мрачновато ответил: «Значит, жди. Когда красная загорится, выйдут и по морде нам дадут». По всему было видно, Евгений Осипович нервничал.

В самолете в гробу сидя, он сразу закурил, стряхивая пепел на ковровую дорожку. (Хорошо, хоть енот держался молодцом, терпеливо отдавшись знакомой напасти табачного дыма.)

Под иллюминаторами проплывала Русь. И пассажиры, глядя сверху на нее, помалу забывали, почему Русь прежде, где-то внизу, казалась им страной растрепанной и блеклой. Проплывавшая сейчас под ними территория, в самой покинутости своей, стала вдруг величественной и разумной. Реки шли, огибая плотные места, в стороны полюсов. Леса отбегали все дальше от скверных труб в дебри глухого пространства... Вся низовая природная даль казалась давно подготовленной для освоения и доброй работы, но работы, подвигаемой племенем особой мощных и терпеливых — уж никак не той суетной и перелетной компанией, прильнувшей сейчас к иллюминаторам на стремнине своей высоты.

Шихматов все таращился — хотел распознать, где Ока и приток ее Клязьма. Там, к устью ближе, далеко внизу — деревня его бабки с дедкой, где прошло все детство. Катнули семимесячным из города в блаженную ту глухомань, через которую и по сейчас проходит явственно живая ось Земли...

Только, кажется, Клязьму уже пролетели. Но вспомнившаяся ось Земли — своим сияю-

щим лучом-копьем — все-таки дотянулась и кольнула сердце.

Шихматов некоторое время не поворачивался от окошка к товарищам — никуда не глядя, только чувствуя, как бесшумная, единственно важная в его жизни слеза медленно змеится по щеке, как по неживому камню.

Когда слеза прошла, он огляделся. Странен стоял гроб и, как гроб, странен стоял самолет — подрагивая на мертвенной высоте...

Родион-убийца, глянув на него, вдруг открыл дипломат и достал коньячишко «Мартель», из припаса Евгения Осиповича. Все сделали по крупному глотку. Потом по-настоящему крупному...

Мало времени спустя Малыш и Евгений Осипович уже читали друг другу поэмы собственного сочинения. Шихматов же, чтобы окончательно развеяться, рассказывал Родиону (покуда за шумом двигателей босс не слышал) о своих приключениях с Еленой. А Родион слушал с тяжелыми и безнадежными глазами убийцы, жалеющего всех и себя.

И Евгений Осипович, и Малыш читали «под Бродского» — то есть нарочно без чувства, толка и расстановки, гудя всеми словами слитно — на одной самолетно-заунывной ноте. Поэтому от чтения их доходил только та-

кой общий смысл, что Малыш пишет про то, как казаки и другие настоящие пацаны и патриоты скоро всей толпе воров и бизнесменов устроят конец света, а Евгений Осипович пишет как раз против народа — о том, как презирает он всю эту неимущую безмозглую толпу и не отдаст ей за здорово живешь всего, что заработано его ретивыми компьютерными пальцами и такой же головой, и сам задешево не дастся в народные лапы. Все боссовы стихи выдержаны были и по ритмике, и по семантике в едином стиле, только в некоторых из них словом «сброд» назывался не народ, а толпа конкурентов и соучредителей.

Странно, но несмотря на столь зримый антагонизм их стихов, Малыш и Евгений Осипович искренне восторгались поэзией друг друга. Возгласы «ух, супер», «гениально» и подобные то и дело покрывали шум моторов. Может, в этом шуме, сквозь пафос своей декламации поэты просто плохо слышали друг друга? Но возможно, оба каким-то шестым чувством улавливали: в их поэзии общего, глубоко родственного куда больше, чем противоречий — временных и чисто внешних. В сущности, и Малыш, и Евгений Осипович писали об одном — о неизбывном противостоянии поэта и толпы. (Пусть толпы их имели разный социальный

статус, но оставались и в том, и в другом случае ничтожными толпами — не достойными служителей муз.) Хоть казак и выступал за народ и против воров, а Евгений Осипович за бизнесменов и против народа, сама поэзия — что превышает земной логики и всех бранных выгод и смыслов — поэзия кутала обоих в особое, несказанное парнасское облако. И в этом облаке они, даже вдвоем невероятно одинокие, противостояли современной им цивилизации без совести и чести, технотронной и пещерной, и... *et cetera*, *et cetera*.

Все смолкли, скорее почувствовав, нежели заметив, что Родион — своим пустынным ястребиным оком — начал вдруг впивать пространства за иллюминатором.

И все, придвинувшись, увидели совсем близко внизу дивные горы — точно гипсовый оттиск, свежий и сложный, многорукого невидимого существа. Путникам даже почудилось, что они подлетают к какой-то новейшей планете...

Дальнее облако вдруг расплылось солнцем, и чуть ли не все мельчайшие, неосмыслимые зазубрины «гипсовой маски» стали на какое-то мгновение ясны.

— Зайцы, — пробормотал Родион.

Шихматов решил, что ослышался. Поэты почтили усмешкой охотничью шутку.

III

Здание аэропорта порадовало глаз российской обшарпанностью и Индирой Ганди на торце — зовущей, точно Родина-мать, в нелегкий путь от Ганга до Берлина.

И числа не имеющий табор цыганский сразу у трапа обкликал и обтер со всех сторон. Впрочем, в одеяниях таборян отрадно преобладал белый цвет. В этом парном молоке только ягодой покруживало красненькое, синенькое, складчатое, дольчатое. Покруживало — ополаскивало жарко рукава и брюки, и гроб с Евгением Осиповичем, и ступенчатый вокзал. И, разумеется, никто не встречал.

После таможни помаялись минут пятнадцать в сутолоке у дверей вокзала под не ведавшим жалости солнцем. Потом — еще десять минут у забора в отдалении, в сутолоке даже большей, потому что в символической тени... А потом и осенило: прошли и Евгения Осиповича перекатали в сам вокзал. И вовремя — босс уже подвывал: гроб помалу раскалялся.

Присевший — как бы шнуруя ботинки — Малыш спросил возле позолоченного фланца:

— Атаман, ты как?... Может, выйдешь? Явно кидалово какое-то...

— Еще пять минут ждем! — глухо реагировал Евгений Осипович.

Аэровокзал овил вошедших странников божественной прохладой. Все, кроме босса, тут же напились ледяной газировки и под мерное жужжание кондиционеров расселись вокруг гроба на корточки. На блистающую крышку набросали горой свои фракы. А вскоре и попадали на ближние стулья, неожиданно освободившиеся...

И вот жара — сквозь вертушки дверей, сквозь пламень оконных стекол — помалу наваливалась, настигала и здесь. И терпеть ее уже не было сил...

Тогда-то старичок в кресле напротив — с мокрым полотенцем на темени, а в остальном так высушенный, точно сидел в наброшенном на кость тончайшем неводе морщин, — начал учить, как жару эту терпеть. И учил он на неторопливом, отчетливом английском — так:

— Ваши кончики пальцев — холодные... Ваши руки — холодные... Ноги — холодные...

И в нечаянной прохладе русские заснули. И приснилось им... Впрочем, что им такого интересного приснилось, все они забыли — потому что, почти одновременно очнувшись, вдруг увидели, что полированного гроба рядом больше нет.

Не было ни дипломата с коньяком и документами, ни фраков с мобильниками по карманам, ни домика с Улиссом. Не было, само

собой, и старика напротив. А вместо этого всего стоял огромный бык, украшенный гирляндами жасмина и уже сделавший кучу на полу.

Ринулись опрашивать близсидящих (спрашивали на дополняемом лихой пантомимой английском) и выяснили, что не видели те, кроме быка, абсолютно ничего. В быке же, даже с кучей, ничего нет страшного: он посвящен кем-то богу Вишну и ждет в аэропорту, когда Вишну даст добро его рейсу на небеса. Быку в общем-то все равно, где ждать...

Малыш побагровел, сжал кулаки: да кого ж тут было прессовать? Поди, и впрямь они не видели, и давно все ожидающие поменялись! Кто ж их, ариев-карманников, запоминал?.. Это во всем Шихматов виноват: ведь читал, читал, а вот забыл, забыл и не предупредил товарищей, что у индуистов воровство почти не грех! Тут ухо не в пример вострей держи, чем на московских вокзалах — а уж там бы не уснули! (Даром, что предкам тех, родных воришек читана Моисеева «противоугонная» скрижаль.)

Родион, вспрыгнувший на спинку стула, вцепился в ноздреватую колонну ногтями и заметил за тюрбанами и полотенцами одну пилотку. Кинулся, путаясь в краях разматывавшихся полотенец:

— Полис! Полис!.. Гроб! Вот смотри — прямоугольный, большой, биг, сквеа! Ищи, раджа твоя капурная, ищи!

Цыган-полисмен улыбался безмятежно и жемчужно. Еще он проглотил целиком, только капнув на хлопчатую гимнастерку, эскимо.

И тут вышло нечто внезапное. Гортанно закричал вокзал. Полотенца и сорочки издали — и все ближе, ближе — приходили в замешательство.

Сначала трое русских ничего не понимали. Пока не увидели, как вдоль колонн, от соседнего зала к ним отчаянно мчится Улисс. С горящими и будто подкрученными бусинами глаз Улисс подскакал и, сделав вокруг своих торжествующий круг, кинулся обратно. Уже ведя своих по следу вора и обидчика.

За ними, чихая и брызжа из носа мороженым, побежал и полицейский.

В переходе, у стены с орнаментом из свастик, мальчишка торговал из-под полы мобильниками Малыша и Родиона (шихматовский был уже продан), а также их галстуками и кормом Улисса. Рядом стоял и распоротый Улиссов домик-саквояж. Второй малец, зажав подбородком какую-то дудку, уже сажал в домик небольшую, вяло взбрыкивающую кольцами змею.

Только гроба с Евгением Осиповичем здесь не было. Взятые с поличным пацаны

сообщили, что в момент своей счастливой кражи у господ туристов господа туристы уже гробами не были богаты.

В голубоватых очах полисмена ясно читался внутренний вопрос: сказать ли всем «пройдемте» или же не говорить? Малыш вручил ему сто баксов, после чего тут же, на месте, и было учинено полисменом следствие. Явились неведомо отколь к нему несколько штатских помощников — не менее цыганистого вида, и мгновенно следствие, как на жаре эпидемия, распространилось на весь аэровокзал.

Установлено было, что несколько человек видели, как возле девятой вертолетной площадки другие несколько человек в красных тюрбанах (сержант объяснил, что скорее всего это люди из секты раджваров) втискивали ослепительный гроб в вертолет, который и взлетел незамедлительно. Другие клялись, что у выхода в город солнечный гроб втискивали в лимузин (кстати, опять-таки люди в красных тюрбанах). Наконец женщина — вся в развевающихся покрывах, только один покров был подоткнут между ног, — ожесточенно сообщила, что гроб промчали на цепи семь демонов с красными крыльями. Причем к узлу той цепи за кольцо подвешена была граната, и кто-то, попробовавший отворить гроб изнутри, гранату увидел и укрылся в обителище своем навечно...

У пострадавших на глазах эти свидетели явно создавали новую песнь эпоса «Махабхарата». Русские только скрипели зубами. Но, помыслив, решили, что красные тюрбаны и крылья раджваров кочуют из показания в показание неспроста.

У сержанта поинтересовались: где именно в городе эти раджвары живут? И вот тут сержант твердо ответил, что как раз в городе-то они не живут из принципа. Их дислокация — на севере, в Кошачьих горах.

Путники вздохнули чуть свободнее — хоть вертолет объяснился. Впрочем, нахмурился опять Шихматов, как знать, не «светились» ли всюду похитители с гробами и красными шапками специально? Дабы следствие направить по ложному следу. В таком случае, наоборот, надо бы узнать, какая секта водится в горах, прямо противоположных раджварским, и туда уверенно направиться!

Хотя, — грузились на жару друзья, — данный логический ход уж какой-то совсем лобовой для таких коварных похитителей. Значит, скорее всего эти самые раджвары и есть! А открытые красные тюрбаны — их очередное изощренное коварство!.. Или, может, как одна из наиболее воинственных сект (про это тоже сержант рассказал), раджвары таким образом бросают русским вызов. Вот, дескать, они мы — возьмите нас!..

Малыш в спешном порядке приобрел — через того же полицейского — у других вокзальных деятелей три кольта и с десяток гранат. Им предлагали и из водопроводной трубы резаный гранатомет, но Родион с Шихматовым отговорили казака: на гранатомет ушли бы все их баксы — аванс, любезно выданный Евгением Осиповичем на карманные расходы. (В дипломате валялась; конечно, одна из безразмерных дисконтных карт босса, но «стволов» на нее никогда не возьмешь. Отовариться по ней можно только в легальных шопах, где без лицензий об оружии не заикайся.)

Пришла еще идея — купить или арендовать прямо в аэропорту вертолет. И вертолеты были. Но после самого поверхностного их обзора казак заявил, что на таком стрекозле-долгожителе (1960 года рождения) лететь, да еще во враждебные горы — безумие чистое. Да еще по жаре такой, что перегрев двигателя или проводки может наступить с непредсказуемостью давешнего грабежа.

Пока шли к автостоянке, вились рядом цыганята с вышитыми номерками на трусах, желающие понести поклажу дорогих гостей. Но каждый получил решительный отказ, сопровождаемый рычанием Улисса.

На автостоянке первым помахал им преклонных лет водитель в новеньком «Пассате». Но Шихматов вспомнил вовремя из детекти-

вов, что именно в первую машину садиться в таких ситуациях не рекомендуется. Странники, уже привыкая к пеклу, дождались второго предложения.

Оно поступило от хохочущего по неизвестной причине молодого человека в красном тюрбане и изрядно битом джипе, с задорным визгом затормозившем перед пассажирами. Узнав, что их путь лежит в земли его предков, и увидав пачку «зелени» в руках у Малыша, водитель окончательно развеселился. Буквально брызжа счастьем, он начал подпрыгивать в кресле, давить все рычаги и кнопки разом, отчего его машина заходила ходуном, точно готовясь разлететься на множество маленьких битых машинок.

Родион на заднем сиденье рассадил подбородок о крышу енотова дома, когда джип наконец сорвался с места и чудом не столкнулся сперва со священным быком, потом с грузовиком, потом смел дворниками с лобового стекла пальмовый лист и двух налетевших вместе с ним мартышек-мармазеток... И вылетел на раскаленный проспект, рвущийся сквозь клубы белой пыли в золотую даль.

IV

Впоследствии Шихматов раздумывал серьезно о том, как же могло случиться, что

столь дружные в начале предприятия, стали они так непримиримо враждебны друг другу? Когда конкретно это началось?..

Не тогда ли, когда каждый из них — втайне от другого, в ясной глубине души своей — замыслил остаться на этой земле, сказочно жаркой и мистически прохладной? Или когда каждый догадался о том, что и собрат принял то же решение? А может быть, в те шальные часы, когда Индия их обернулась и не Индией вовсе?

Ведь еще все было иначе, даже когда раджвар-шофер, возликовавший вначале, с первыми же трудностями сник (или гашиш у него кончился?) и начал ломить цену, а потом и вовсе заявил, что не поедет дальше в этом пекле, дикости, вброд по крокодилам...

Когда потом шофер просил, чтоб отпустили хотя бы его одного без хозяйского джипа, и катался в песке перед Малышом, наступившим ему на руку с газовым баллончиком, и уступал автомобиль уже по самой бросовой цене, тогда-то был пик их единения. Все с гордостью вдруг ощутили, что — русские, что умеют любить эту кишашую тварью и божеством Индию куда сильнее, чем неблагодарный ее сын. Что поедут и пойдут по этой земле до конца и останутся в ней с весельем своих пращуров-первопроходцев, когда-то в свой по-

лушубок запахнувших одну шестую часть суши земной.

Одно было досадно, и после никто из них не любил об этом вспоминать. Изредка просыпались они в холле аэровокзала на горячих стульях, и тут все для них начиналось сначала. Порою они просыпались даже накануне вылета в квартире Малыша: Малыш на полу просыпался, Шихматов и Улисс — на топчане, Родион — в лоджии на раскладушке. Все, как и были положены.

Мрачно вато, не глядя друг другу в глаза, ехали они на присланном за ними лимузине в аэропорт — ибо билеты были взяты, Евгений Осипович лежал уже в своем гробу, и выхода другого не было. По пути каждый подзабывал свой сон, и все для него начиналось сначала — смутно по ходу дела припоминаемое.

Малыш было подумал, что это его затерявшийся великий дар предвидения прорезался. И прорезался, видать, в таком качестве и объеме, что распределился равномерно и по его лучшим товарищам. «Убить тебя мало, — товарищи сказали ему, — если это твой дар. Но едва ли. Потому как вместо того чтоб вспоминаться острее, сны все быстрее забываются». Пробовали записывать по пробуждении: только при виде бумаги и авторучки память будто слизывал священный бык сухим подробным языком.

Лишь горы в иллюминаторах становились все инопланетней и подробнее. В просветах кустарника по склонам кувыркались зайцы и подскакивали, сразу увеличиваясь... И снова клонило в мерцающий колко и жалобно сон...

Все-таки они продвигались вперед. При последнем оазисе цивилизации — бензоколонке и двух киосках — раза три запасались продуктами, пока не догадались взять ящик черного чая. Чуть что, костер у колеи разведя, чифирили и чувствовали себя поувереннее.

Продавший путешественникам чай индус сочувственно улыбнулся и погладил сонного Улисса. Жена торговца, выбивавшая ковер невдалеке, тоже подошла и с ободряющей усмешкой поведала, что определяет по особому оплыву щек скитальцев, что хворь их пройдет уже к вечеру. Это общая беда всех европейцев, сующихся сюда. Это горы их морочат. Женщина похвалила нынешних приезжих за упрямство. Большинство же замороченных здесь, на краю долины, возвращается. И возвращается сильно больным особой лихорадкой Джорх, сиречь Бессмыслицей, и начинает у себя в Европе во время припадка писать непонятные картины и пьески, заражая остальных. Главное же — веря в разумную цель — пересечь край долины. Так что не будет преж-

девременным поздравить нынешних гостей с выздоровлением.

Муж индианки только одобрительно кивал во время ее рассказа, но затем тоже поздравил туристов, сказав по-европейски то, что знал:

— Янки гоу хоум!

Но получив приличный тычок под ребро от жены, муж быстро поправился:

— Сенкью плиз хинди руси пхай пхай!

Шихматов замороженно смотрел в сторону невидимых еще, но уже не пускавших его гор.

— Духовный антигравитон! — шепнул он, по научной дисциплинированности поспешив сформулировать понятие, прежде чем понять. Торговка расхохоталась обидно и мужа втокнула в киоск.

Выздоровливающие продолжали путь. Изгнав труса-шофера в раджварской повязке, Малыш сел за руль и углубился в нежнейшую темно-зеленую гущу кустарника, грозящего совсем закатать в свой каракуль дорогу. Но вскоре в кустарнике стали мелькать успокоительно индусы с корзинами. А ветерок, летящий над каракулем, был при всей жаре столь бодр, что путники почуяли себя вдруг совершенно излечившимися.

Не сразу, но все-таки закономерно было у людей в кустах узнано, что кусты вот эти, соб-

ственно, не что иное, как созревшая плантация индийского чая. Поскребли затылки и понюхали из только что купленного ящика и от куста, хотели уже ящик выметнуть в кювет, да... поохотали и оставили. На память о веселой продавщице и обо всех хитрых делах, которые здесь были, есть и будут.

Чайная плантация вскоре перешла в лес, взмывший в несколько ярусов крон — наподобие пагоды или ступенчатого ядерного взрыва. Впрочем, лес тот оказался перелеском.

У выезда в чисто поле нагнали двух женщин с тяжкими корзинами в руках.

— Ведра полные — к удаче! — крикнул им Шихматов, не помнивший, как «корзины» по-английски. Малыш притормозил.

С белыми улыбками женщины протянули им корзины. Родион приподнял пальмовый лопух на одной и побледнел, как заказанный. Корзинка до краев полна была струящихся одна вокруг другой кольцующихся змей.

Оказалось, женщины идут на праздник Наг-панчми. Это такой великий праздник змей. И женщины с утра ходили в лес по змеи — будто по грибы...

Подвезя индианок с их бесценным грузом, русские странники оказались в довольно обширной деревне с крышами из пальмового листа. На главной деревенской площади сто-

яли три иконки. На одной из них Вишну, бог добра и закона, возлежал на кобре в волнах мирового океана. На другой могущественный Баларама, брат Кришны, под сенью многоголовой кобры посиживал и улыбался с мерцающей таинственностью чистого добра... И не было уже нервов и сил рассматривать, кто там на третьей! По селу ползали змеи! — среди им расточаемых похвал и рассыпаемых цветов!..

Всюду под свечками выставлены были чашечки парного молока. Дети, таская змей за хвосты, пугали змеями друг друга и утомленно хохотали — словно от долгой щекотки.

Улисс, поначалу совсем ошалевший, все сидел у казака на ручках и даже прятал свой нос другу за ухо. Но потом он по привычке и в опасной близости крупной заласканной кобры свободно вылакал две плоски молока.

— Не бойтесь, русские, не бойтесь! — хохотали местные. — Сегодня наши змеи не кусаются!

Необычайное радушие всех селян этой долины стало вскорости делом привычным. Пастухи остерегали русских от ночевки в поле — куда с наступлением тьмы могли прийти из леса леопарды. Напротив, в полдень неглубокие речонки можно было на бродах переезжать «прямо по крокодилам». К полудню разморенные рептилии становились не опаснее лягушек.

Вскоре Шихматову уже казалось, что он — точно карлик, взыскуемый Улиссом, — разъезжает на игрушечной машинке среди бабушкиных фикусов, лимонов и орхидей по бадейкам, оконным горшкам. Сбывалась одна из его детских комнатных грёз.

Один раз Малыш на привале отломил от какого-то кустика, почти и не заметного в тени бамбуков, легкий перчик. Разломил — и посыпались отменные бобы какао, как в рекламе той.

Возле селений толстые деревья — спирально набухшие молочными железами — все обвешаны ведерками, стеклянными банками, что русские березки весной. А уж знаемых плодов земли! И кокосов сразу поразбили, и за бананами лезли — как в той рекламе, где еще потом одна девчонка...

Так и девчонки здесь тоже потом... Ведь сами тянут. Нет, не всякая, конечно, но та, что тянет, — тянет по-бурлацки. И притом порусалочьи льнет. Ну и с Малышом Шихматов оскоромились. (Конечно, наградили шоколадных девок по-купецки.)

Родион же реагировал престранно: от души бил тех, которые тянули, в скулу и в переносье и таким манером даже многим темные носики их своротил. Уж Малыш с Шихматовым не знали, как и быть с ним — и совестили, и материли, и Малыш раз шарахнул его

так об каучуковое дерево, что если бы дерево было какое-то иное, так под ним могилу бы пришлось копать. (Много позже и совершенно случайно Шихматов узнал, что несколько изуродованных Родионом девок вскоре поступили в Дели в университет.)

Мелколесье — с тоненькими, как соломинки, пальмами и низенькими кедрами, с пасущимися недалеко припыленными слонами — перемежалось рощами каких-то специй... Деревни встречались все реже. И Родион первым различил на горизонте рваную миражную цепочку гор.

В селении секты джайнов эти самые джайны разметали легкими щеточками перед путниками дорогу, бережно сменяя в сторону жучков и муравьев, и славил Малыша, едущего по-черепаши, но проклинали Улисса, пикирующего время от времени с машины на скопления жучков у обочины.

И все бы ничего, да узкая грунтовая, кое-где посыпанная гравием дорога сменилась шаткой колеей, в начале желто-земляной, а после шумно-травянистой.

Впоследствии русские странники никак не могли понять, отчего их не насторожили, а только преувеличенно радовали явные признаки цивилизации, вдруг ставшие наведываться на их путь. Приходилось рискованно объезжать какие-то котлованы и карьеры, от ко-

торых несло за версту не то скисшим кокосом, не то давлеными крокодилами. На одном пригорке высился в злой ржавчине даже отбойный молот — давно остановивший свое сердцебиение, словно в слепом порыве медитации уславший свою душу на Луну...

Но друзей с толку не сбил и экскаватор в песчаной пустыне. Пустыня та перемела дорогу, что твой февральский снег, и в конце концов заставила машину бросить. Крупные пыльные муравьи по песку сновали во всех направлениях и сразу ошибочно облепили ноги путешественников. Впрочем, была ли в том ошибка муравьев, сказать трудно, так как никакой их разумной деятельности не прослеживалось. Одержимые просто бешеными скоростями муравьи абсолютно ничего здесь на себе не носили и не собирали, и чего хотели кроме того, чтобы носиться вот так, не поддавалось уму. Может быть, у них все уже было — можно теперь и поноситься в кайф.

Сперва с отнюдь не джайновским ожесточением русские пробовали муравьев с ног сметать, но когда стало понятно, что усилия их только кроют лишним потом, так и двинулись по колено в помешанных муравьях. Шихматов, самый близкий к помешательству, предположил, что сии насекомые питаются энергией солнца. Здесь этой энергии в избыт-

ке, потому-то она частью и преобразуется в их бег.

Из джипа забрали с собой только несколько пакетов с постной провизией да большой термос холодной воды. И кляли себя, что вовремя не насобирали кокосов — самых технологически-удачных термосов с ледяным питьем. Улисс, вываливший язык наружу, представлял собой переходящий вымпел в руках и на плечах друзей...

И если бы не синеватые прохладные горы вдали, конечно, повернули бы назад. Горы казались уже так торжествующе близкими... И когда они казались уже совсем рядом, стало ясно, что до них брести еще с неделю. То есть не дойти совсем, и надо теперь умирать от жажды и отека мозга... И тогда-то все-таки вперед пошли — и на очередном растрескавшемся по всем швам пригорке все вскрикнули вдруг и счастливо проматерились, а Улисс даже от восторга сиганул на землю — прямо к скорым муравьям.

На восток лежало черное и явственно влажное поле, переходящее вдали в зеленое. Здоровенные птицы — все белые, похожие издали на негативы грачей, — ходили пашней. Горы дурного песка светили справа, у края радостного поля. И неутомимый экскаватор, расширяя поле, грыз и грыз пустыню и отваливал ее на самосвал.

— Гив ас вотэ! — возопил, подбежав первым к мелиораторам, Малыш.

— А вота! — ответил тот, что в самосвале, кивнув на канистру, вкопанную в землю при начале черной полосы.

Черты лица мелиоратора — хоть и был он черен от загара — выдавали европейца. Тем страннее прозвучал его акцент, упрощающий английскую речь до предела, гениально убирающий всю ее спесь.

— Италияно? — предположил Малыш, надеясь все-таки на нечто лучшее.

— Кретино италияно! — покивал, закуривая и усмехаясь, шофер.

Экскаваторщик, высовываясь из кабины, приподнял землистую кепку:

— Рашен хелп! — и подумав, добавил: — Ви а.

Малыш обнял земляков. Как по волшебству, явились (все же теплые) три бутылки «Туборга», и все русские расселись в широкой тени грузовика.

— Мы тут от советских времен! — бодро рассказывал экскаваторщик, назвавшийся Петром. — Вишь, песком тут плодородный слой заносит, а мы чистим! Индусы очень поначалу радовались. То в рупиях, а то и в баксах заплатят. Сейчас-то рупий поустойчивее рубля нашего, хотя тоже — тот еще хрен, на полшестого.

Друзья с наслаждением дышали в тени МАЗа родной речью и потягивали пиво, с трудом удерживаясь от того, чтобы не употребить его в один глоток.

— А как пошло там у вас... Ну, у нас, ладно. Хотя — у вас, конечно. Всякие реформы, перестройки-перекройки, ворье пришло... Мы с Пашкой хотели вернуться сначала — тем более, что наши положили с прибором на этот контракт. А индусы возьми и выкупи технику — и заключили контракт с нами лично. Ну, мы и остались. Кореша пишат — вообще жизни нашему брату в России сейчас нет. Один шивалингам на всю Русь стоит.

— Что-что?

— Да вон тут в храме Шивы за горой — на самой середине храма — этот самый шивалингам и стоит, метра три высотой. Хрен по-нашему. Хрен бога Шивы... Знак плодородия и прочего добра. Высотой — метра на три. Они тут окрест ему только и поклоняются... Вот мы и говорим, в России шивалингам этот только сейчас появился. Вот вам и в новинку. А тут он стоит давно. Только ему и молятся все. На День бога Шивы все бабы прислоняются к нему... Кстати, с собаками к нему нельзя.

— Да это енот.

— А-а! Извини, обознался... — бросил пустой бутылкой в белых попугайчиков Петр. —

Тут всех перепутаешь... Так а вы что же пехом чешете?

Малыш сообщил о заносах песка на дороге.

— В том году такого еще не было, — поскреб щеку Павел. — Ничем этот песок здесь не остановить. Вон и здесь — пару урожаев соберут, и снова заметет. Просеки садить надо, поливать...

— Ага! — перебил менее спокойный Петр товарища. — Садить-поливать да смотреть потом, чтобы три пальмы джунглями не стали за полгода!.. Нет, если работать, все, конечно, сделать можно. Сделали же мы этим... в Средней Азии. И каналов нарыли, и белых городов настроили — кстати, в их же стиле. Ты сравни — вот что Афган сейчас по телику показывают — пустыня пустыней! — А что Узбекистан? Так кабы не мы, в Узбекистане этом был бы сейчас тот же Афган!

Душевный разговор с патриотами-эмигрантами затянулся до вечера. Говорил в основном Петр;

— Осатанеешь тут с этими шивалингами. Хоть с русскими людьми поговорить. Пашка хоть семью перетащил в Бомбей, а от меня, еще в России когда жил, ушли все... Машину вы правильно бросили, вам тут надо брать слона. Для слона этот песочек... — Петр

употребил трехсотлетней русской крепости слово. — Мы вас до ближайшей деревни добросим, где слоны есть.

— Народ-то здесь приветливый, — вставил для поддержания беседы Шихматов.

— Да не жалуемся! Не фундаменталисты какие-нибудь. Хорошо им тут! Только работать не любят. А и то сказать, чего им тут работать? Летом жара, зимой теплынь! Ни путевой крыши над башкой, ни одежды особой не надо. Так — листьев сверху набросал, от хищников огородился колями. Витамины там, кофе, кокосовое молочко, куры всякие — само все в рот идет. Так что, если сильно не напрягаться, калорий хватает. Если кто-то и работает тут или какой бизнес крутит — так больше от нечего делать, чтобы только скуку разогнать.

Контрактники-мелиораторы не очень-то расспрашивали гостей о целях их путешествия. Видимо, с ними и так было все ясно — туристы. Таких бездельников за десять лет немало перевидели — и соотечественников, и иных, сдвинувшихся на буддизме или индуизме. И подробностями их мировоззрений и маршрутов давно не интересовались.

Белые попугайчики, увязая в подсыхающих комьях земли, собирали червей или низехонько, уже тяжело, отлетали к ближнему

подлеску. Некоторые, не в меру разговевшись, падали тут же — в тень комка покрупней.

— Как вы живете-то тут?— спросил Родион. — Как в танке? Связь-то держите с большой землей?

— Всяко, — ответил быстрее Пашка. — Через две деревни отсюда — вертолет раз в неделю прилетает.

Петр тут захохотал чему-то, Павел почему-то поддержал, и дальше рассказывал, смеясь, уже опять Петр:

— Все деревенские его считают до сих пор винторуким воплощением Шивы! Падают все навзничь! Что вертолетчик скажет, то и делают! Да им тут чем больше богов, тем спокойней. Нас вон с Пашкой тоже в их синклит определить давно хотят. Вы, говорят, как Вишну, землю нашу оживляете. И если, значит, сойдете живыми теперь в нашу землю... Представляете, мол, если дадите себя заживо в этой земле, что расчистили нам, закопать — так будем вечно почитать вас, стихи петь на ваших могилах, храм сделаем вам, ну и так далее. Во дела! Мы с Пашей, понятно, кричим: мы на красоту такую не согласны. Сами зарывайтесь, если делать нечего! А надо, так мы вас легко закопаем — машина хорошо работает. И «Ямщика» на кургане споем...

— Слышь-ка, — давно пробовал перебить Малыш и перебил. — А что это за вертолет? Откуда прилетает?

— Да хрен его знает! Лет пять назад из Дели он летал. Потом, понятно, страна развивается, свой аэропорт стал в Пахтонге. А теперь еще где-то ближе сделали — за этими сопками. Да мы не вникаем. Все одно на гусеницах наших туда не пропрешь... У них, тем более, вечно какие-то разборки: то одни в желтых тюрбанах прилетят, то уже новые — в красных. Вот сикхи хорошие были ребята, типа хипарей — волосатики, наполовину мусульмане они, наполовину буддисты. Прилетят, бошки свои в святой речке помоют и носятся по деревне на слонах — сушат волосы, хохочут... Пива всегда нам с Пашкой привозили. А эти, новые в красных тюрбанах, — угрюмые какие-то, гордые... Водки, идиоты, среди лета привезли. Мы, говорим, что вам — совсем алкаши, по такой жаре водку хлестать? Вы хоть соображаете?... Смеются: пей, Иван! Ах, мать их, совсем за каманчей каких-то нас держат...

— Когда они должны теперь прилететь? — спросил Шихматов.

— Да уж давно бы должны. Могут и сегодня. Кстати, у них многие и по-русски шпарят... Хотите, оставайтесь на ночь — постелем вам в вагончике, сами на крыше ляжем. Чай,

тигры по такой погоде не придут... Да ваш зверь даст знать, если что. Почует — с ним не страшно.

Увидев серьезную тревогу на лицах гостей, Петр расхохотался — провокация, мол, удалась.

— Ладно тебе, — пожалел земляков Павел. — Мы ночами все равно не спим, сами почуем.

— И то! — одобрил Петр. — Сыграем теперь в покер, раз компания... Только про Россию не рассказывайте, душу нам не бередите. Пусть она для нас останется Россией — такой, как мы помним.

Пока не смерклось, соотечественники резво собрались, расселись в МАЗе и отправились в «ашрам» мелиораторов, стоявший где-то на краю полей, возле той восторженной деревни. Черные поля вдали уже светлели от жары и сухоты, после пошли зеленеть и розоветь закатно по загравкам. В полях царило чистое безлюдье. Раз только заметили несколько крупных дикобразов, уничтожавших редьку и фасоль, и когда для интереса гостей Петр притормозил, заинтересованный Улисс ненадолго примкнул к ним.

Наконец повеяло речной прохладой, и блеснуло тысячью значков бесконечной санскритской насечки на зеркале в береговой потемневшей оправе.

V

Какое-то тонкое кощунство сквозило в помигивающих дисках, образованных винтами вертолетов, с упругим и ритмичным фырканием налетавших от священных гор. То были новенькие «Черные акулы»...

Деревенские и впрямь пали ниц — в трепещущих от ветра вертолетного одежках. Даже Родион и Малыш подались вперед, любуясь русской оборонной техникой.

Из двух вертолетов, севших посреди майдана, вышли несколько полубогов — в соответствующих положению национальных платьях. На малиновых компактных чалмах раскачивались мушкетерские перья. Полубоги потрепали по затылкам и плечам распростертых вассалов и с легкой ненавистью посмотрели на трех европейцев, стоящих нарочито прямо, да еще с енотом, на коровьем взрытом берегу.

Несколько деревенских, принявших без накладных у богов-вертолетчиков какие-то ящики, начали поочередно воздавать кумирам славословия. Восхваляли их и на размеренном английском, и на стремительном родном.

Откуда-то явились вдруг семеро голеньких мальчиков младшего школьного возраста — все с сияющими саблями. Вразнобой отсалю-

товали и вставили сабли лезвиями себе в рот. Тут один бог начал из кувшина по сабельным лезвиям в мальчиков лить что-то неимоверно ароматное. После чего, потыкав каждого жезлом, увенчанным мягким ежом, ребенка с миром отпускал. С иголок капало густо-зеленым. Покрывающиеся зеленкой мальчики смеялись от щекотки...

Церемония явно подходила к концу. Что-то уже следовало предпринять. И Родион пошел к богам, встал на одно колено, вставил «колыт» себе в рот, потом, подумав, вынул и сказал так:

— Слава индийским учителям и вертолетчикам! Да здравствуют красные тюрбаны!.. Думаю, у вас здесь все в порядке, если винторукие «Акулы» — символ русской мощи — здесь!.. Пусть у вас высокая духовность, пусть метелочками направляют здесь жуков и змеи не кусаются! Но значит, всю жизнь я правильно догадывался, что ни одна духовность без стальных акул не устоит!.. И покуда вы прикапывали здесь свои вечные ценности, мели жуков и добру учили змей, мы держали щит меж двух враждебных рас. Своею воинской и инженерной мыслью мы защищали вас от цивилизации Дикого Запада. Не смея оставить нас в тылу, когда-то европейцы отошли к своим пустыням, и великая слава Востока была спасена. Мы и сейчас поглощаем своими

просторами нашествие их похотливых орд и, вынужденные вести совершенно особое существование, остались в стороне от вас. И оставаясь азиатами, мы не принимали участие ни в одном из великих движений Востока... Но положа руку на сердце, не находите ли вы что-то значительного в теперешнем положении России, что-то такого, что поразит в будущем наших историков?.. Да здравствует же единение Духа и Глобального щита, заслоняющего этот дух от посягательств западного хама! Да сможет дух вызреть спокойно и расцвести чудным цветом своим!..

Селяне косились на богов. Те же с непроницаемыми лицами выслушали Родиона не перебивая, затем один покрыл докладчика большою епанчой, расшитой кобрами, цветами и красными свастиками. И провел в ближайший двухэтажный полушалаш-полутеремок.

Другие боги в это время вопросительно глядели на Малыша и Шихматова — после слова Родиона несколько оторопевших. Первым отреагировал на этот взгляд Шихматов.

— Все это, конечно, спорно, — сказал он, не зная радоваться или горевать, что Родиона увели в шалаш. — И мы не так сильны в английском, как наш друг...

— Ничего, говорите на хинди... то есть я хотел сказать — на русском, — на чистейшем

русском поправился один в тюрбане с брошью в виде зайца.

— Мы не так, как наш друг, сильны в историсофии, — замялся Шихматов. (Малыш мерно лупал глазами.)

— Говорите! — приказал бог с зайцем.

— Да это вы говорите сначала, куда нашего друга повели! — не выдержал Шихматов. — Нет, мы уверены, конечно, что с ним ничего дурного не случится. Лично вам у нас нет повода не доверять. Но все ж таки...

— Есть мнение, — улыбнулся собеседник, — что ваш спутник кармически принадлежит к нашей варне Великих воинов. Сейчас это выясняется.

Тут несколько листьев верхнего яруса шалаша-теремка сухо треснуло и сорвалось вниз. Следом на маленький балкончик вышел Родион. Одной рукой он срывал листья с крыши, со своего горла — удушливую епанчу. Из другой его руки вываливался небольшой пустой фужер...

Перевалясь через балкончик, Родион рухнул в песок перед входом и начал скрести скрюченными пальцами, грызть зубами траву и песок, и колючки.

Малыш и Шихматов ринулись к нему, но были взяты в стальные тиски — поразившие своею сталью при столь явной худосочности Варны Великих воинов. Между тем варна и

далее вела свою игру спокойно и невозмутимо. Тот, что провожал Родиона в помещение, из помещения этого вынес и начал втыкать полукругом в песок подле отравленного морскую раковину, серп, молоток, счеты с белыми (по-видимому, костяными) костяшками и небольшой индийский меч — тирпан... Плывающим оком Родион взирал на все это, бессильные губы его, кажется, уже звали Господа... Но в тот момент, когда следом за счетами и молотком поплыл перед ним меч с крестовиной рукоятки, поверженный вцепился в него, как карбонарий на эшафоте в крест священника. И вцепившись, привязался к мечу и светлеющей еще ниточкой взора и что-то начал быстро и беззвучно лепетать. Молиться?..

В тот же миг вскрик ликования сотряс толпу богов и деревенских. Вся толпа начала пританцовывать. Тиски, в которых пребывали Малыш и Шихматов, были ради этого танца ослаблены, и русские — разбросав перед собой толпу аборигенов — подбежали к другу. Тот уже вставал. Глаза его помалу прояснялись.

Опираясь на товарищей, Родион тут же обильно поблевал. Уже совал и клизму с золотым наконечником один из богов...

Минут через пять — бледный и глянцевитый от благотворного пота — новый член Вар-

ны Великих воинов, слабо улыбаясь, восседал на хвосте «Акулы» и принимал от кого полагалось восхваления. Подмигивал растерянным друзьям.

Тот же индус с зайцем отвел Шихматова и Малыша потихоньку в сторону и сообщил:

— Разумеется, как большинство европейцев вы не знаете собственной кармической варны...

— Почему это? — перебил его сразу Малыш. — У меня, например, почти такая же. Уж если не великих воинов, то и не маленьких. Все мои деды и прадеды были донскими казаками. А это самая что ни на есть варна воинов, только в России... А Шихматов род ведет тоже от какого-то татарского мурзы — завоевателя Руси. Хоть пока он — по радиофизике...

— А это могло бы быть весьма кстати, — заинтересовался вдруг туземец. — У нас там что-то в вертолете с электрической частью...

— Нет-нет, — пресек его надежду Шихматов. — Прикладная радиотехника — не моя стихия. Я занимался фундаментальной наукой.

— С оборонным уклоном, — добавил по делу Малыш.

Но индус уже обрел прежнюю невозмутимость.

— Все это очень хорошо, — он улыбнулся нарочито терпеливо — получилось, покровился. — Однако наша варна строго соблюдает чистоту своих рядов. Подвергнуть вас той же проверке, что и вашего спутника, мы уже не можем. Вы наблюдали ее со стороны и проникли в ее смысл. Вам заранее известен благоприятный для вас выбор. Так вот. Вас ожидает иная проверка. Каждый истинный воин варны должен уметь обходиться в походе (или же в длительной осаде) без женщины. И не просто обходиться, но и не желать ее. Ибо женское коварство явилось камнем преткновения для множества великих стремлений. А чтобы уверенно без женщины уметь обойтись, воин должен уметь пожелать и взять своего строевого товарища. А также уметь и отдаться ему. В этом-то вашем умении мы и хотели бы сейчас убедиться.

Малыш в мгновение налился краской. Шихматов медленно бледнел, но успел вовремя остановить вихрь негодования казака.

— Видите ли, великий воин, — сказал он, оттирая чуть в сторону дышащего грозой друга движением плеча — показавшимся вдруг самому довольно сексуальным. — У нас в России не принято осложнять коллегиальные отношения между... воинами вещами подобного рода. Нам уж проще соблюсти полнейшее

безбрачие... Уж вы наливали бы всем сразу отравы своей!

Вокруг них село уже стояло полукругом. Родион сидел в захлопнутой кабине «Акулы» и увлеченно дергал за какие-то рычажки — и конечно, этой дикости, предложенной его друзьям, не слышал и не предполагал.

— Полное воздержание считают у нас лучшим украшением в походе, — доказывал Шихматов.

Но воин с эмблемой зайца (заяц на эмблеме был, кажется, чем-то вооружен) не верил уже ничему:

— Рассуждаете-то вы как представитель варны брахманов — жрецов и просветленных. Но ряд признаков подсказывает мне, что вы к ней не принадлежите... — На загорелом лице воина по-прежнему терпеливо скучала улыбка всезнания. — Таким образом, все ваши посылы — суть посылы лицемера и дилетанта. А теперь окончательно я вам сообщаю: если вы недостаточно мужественны, чтобы немедленно возжелать друг друга и соединиться в любви, или ваша воля недостаточно крепко управляет органами тела, вы тем самым расписываетесь в полном отчуждении от нашей варны. И я попрошу...

— Да пошел ты в варну! — изрычал тут Малыш и, тоже довольно нежно отстраняя друга, двинулся на собеседника. Улисса, покачивав-

шегося все это время в мешочке за его плечом, казак быстро перевесил на Шихматова. — Нашли, блин, рикшей зачморенных — ж... им лизать!..

— Если вы сей же час не докажете свою принадлежность к какой-либо варне, — не сробел вертолетный бог (только бесстрашие его становилось все более нарочитым), — будете квалифицированы как неприкасаемые и препровождены за Бхиару! — Бог был с телосложением гребца — сухощавый, да широкоплечий. — Здесь священная земля воинов Ария, а не ростовская конюшня!

Родион, как видно, чем-то крепко заинтересовался в кабине и не думал взглянуть на земляков. Шихматов сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул, но Родион и тут не среагировал, зато Улисс — и без того уже нервничающий на плече — мстительно хватанул его зубами за ухо.

Малыша пятеро — причем не богов, а деревенских — теснили к сандаловым воротам поселения. Все теснившие были вооружены, как по мановению чьей-то незримой воли, саблями. Шихматов, одной рукой держась за прокушенное ухо, другой придерживая напряженного енота, побежал следом. Причем радиофизик сразу же заметил несколько недвусмысленно обнаженных клинков и за своей спиной.

— Давайте договоримся! Хоть с нашим дайте нам поговорить! — кричал теоретик, выискивая взглядом красный тюрбан бога-гребца. И выискал — тот маячил уже на каких-то тюках у забора и крикнул Шихматову в ответ на его просьбу:

— Воин варны с лицами, не имеющими права пребывать на священной земле варны, может говорить лишь с разрешения (Шихматов не понял кого) и вне заповедной территории!.. Ждите за рекой, если хотите!

Тут голос индуса пресекся. Он смотрел уже отчетливо гневно в сторону ворот. Шихматов тоже обернулся — ломая шею, чтобы разглядеть за людьми, что там...

А там Малыш с ярым криком: «А ну-ка, без рук — раз я неприкасаемый!» — швырнул одного вышибалу в тюрбане через бедро и, проведя классический болевой прием, извлек из разжавшейся кисти саблю. И саблей этой очертил вокруг себя в воздухе круг — символ своей «неприкасаемости».

— Вы совершенно правы! — с видимым усилием над собой одобрил бог-гребец, направляясь к Малышу. — Воины долины не должны были именно касаться вас и будут за это наказаны. Уходите с миром. Это оружие можете взять, — кивнул он на саблю в руках Малыша. (Малыш сразу в пику ему швырнул саблю на землю.) — Берите, берите — в хо-

зьяйстве пригодится. Все равно оно уже вами осквернено, и никто не сможет им воспользоваться... Не держите зла, попробуйте меня понять. Ваша сила и сноровка налицо. Но поверьте, мало облепиться горой мускулов, — с презрением оглядел суховатый гребец ахиллесово телосложение Малыша, — и посетить несколько занятий самбо, чтобы стать истинным воином.

Малыш, подумав, подобрал саблю — сказавши:

— Ну ладно, тогда на фехтование еще похожу...

И демонстративно отвернувшись от осквернившейся варны, Малыш и Шихматов с Улиссом неспешно вышли за ворота, с сухим потреском за ними тут же и закрывшиеся.

— Да, и в Индии не без уродов! — сплюнул сквозь зубы Малыш. — А это что? Тебе чуть ухо не оттяпали?

— Брат взбесился, — хмуро передал ему Улисса Шихматов. — «Неотложку» вызывай, а то мы все тут скоро кусаться начнем.

— Спецназ бы сюда лучше, — возразил казак, заходя по колено в речной ил.

Но не успели они перейти вброд Бхиару и подняться на горку, где виднелся вагончик Петра и Павла, работающих и сегодня в дальнем поле, как за спиной из деревни пошло ха-

ракетное ритмичное фыркание, и один трепещущий, как колесо сансары, диск вознес свою машину в небеса.

— Сделали дело — гуляй смело, — горько комментировал Малыш этот полет. Но вертолет, не разворачиваясь, покачался, пролетел над речкой да и опустился на ровный песочек перед ними метрах в тридцати.

Откинув дверное стекло, Родион выкатился из кабины. И побежал, дико заворачивая ноги на речных камнях и весь в брызгах, к друзьям.

Малыш и Шихматов, уже собравшиеся орать «ура», разглядели, что в открытой кабине есть еще краснотюрбанный воин, и не стали сильно радоваться. Подбегая в летчицком шлеме и епанче с цветами, змеями и свастиками, спутник кричал:

— Вы куда?!

Потом он запутался вовсе в змеях и свастиках и упал в брызгах на мелководе.

— Заставь дурака Шиве молиться... — сквозь зубы процедил Малыш.

— Вы куда? — спросил Родион.

— Туда, куда послали! Это ты в высшую лигу прошел, а мы вот дисквалифицированы за неспортивное отношение к педерастии.

Из кабины высунулся незнакомый полубог — ласково смотрел на беседующих.

— Что ж ты мотор-то заглушил? — продолжал Малыш. — Дал бы этому по тюрбану — так сейчас вертолет у нас был бы...

— А что с ним делать? — резонно не понял Родион. — Я еще и взлет толком не отработал.

— Еще?.. — переглянулись Шихматов с Малышом и Улиссом. — Ты что же, с ними остаешься?!

— Это наш шанс, — понизил голос Родион, а сам оглянулся и помахал вертолетчику, искренне скалясь. (Тот ответил на приветствие еще более ослепительной улыбкой и отечески погрозил новому члену варны пальчиком.) — Я выпрошу у этих воинов, где Ленка. Вот чую, здесь что-то нароется... Вы ждите в вагончике. Жаль, что они с вами так... А меня, я так понял, вообще хотят богом сделать каким-то. Намекали, что... и, дескать, по всем признакам им видно это... что во мне могла воплотиться одна из монад бога Баларамы, когда Шива его раскромсал. — Глаза Родиона горели, и голос подрагивал в чистой отраде. — Так что будут дальше проверять, и если что, у них буду на бога учиться...

— Ну что ж, большому кораблю — большое плаванье, — поздравил Малыш. — Если что, ори громче. Вагончик мы поближе перегоним... Так, на всякий случай.

— Да, вот еще что, — спохватился Родион. — Они говорят: пока не нашли настоящее твое

старое имя, мол, выбирай любое из имен великих воинов земли, где в этот раз родился. Но чтобы на ту же букву, что и Родион...

— А чем тебе Родион не нравится? — удивился Малыш. — Был такой знаменитый боец против бизнесменов престарелых.

— Ну, я ж серьезно... Думал, думал, никто на «рэ» в башку не идет. Одни Александры да Димитрии...

— Ладно, мешок кофе за тобой, — сказал эрудированный Шихматов. — Будешь Рюрик, первый рыцарь на Руси, родитель русской армии и государства...

VI

Поразмыслив, вагончик никуда двигать, конечно, не стали. Еще до возвращения Петра и Павла из пустыни оба вертолета ушли в сторону фиалковых гор. И как пить дать, в одном из них отбыл незнамо куда и брат Рюрик (в миру Родион).

Вагончик не следовало перемещать с горы еще и потому, что — как пояснили мелиораторы — в низине было ощутимо больше земноводных и пиявок и прочей красочной гадости. Причем вся эта совершенно излишняя живность недолюбливала холм, ведь на нем, в непосредственной близости к вагончику Петра и Павла, находилась пещерка, в коей про-

живала старая питониха. Деревенские прозвали ее Мудрой — в честь ее полузабытых уже юных танцев, мудрами и называемых. А Петр соседку еще ласковей — Мудряшей — величал. Домоседка Мудряша была стара, блекла и беззуба, как теща Кисы Воробьянинова, да к тому же еще и довольно коротка. Но до мелкой живности в низине пока это не доходило. Живность была не каторжная, чтобы каждое столетье менять приобретенный однажды с таким трудом и кровью рефлекс.

Впрочем, начиная от Мудряши и заканчивая прибрежными ящерками, все здесь по определению было заласкано и закормлено густым молоком из некрашенных блюдец. И не только на человека, но и друг на друга смотрело истово, с душой и попыткой сознания.

А ночью звезды горели почти такие же, как бабьим летом в России. Друзья лежали на крыше вагончика, и Малыш жаловался и кричал прямо Большой Медведице:

— Ну что это за голубая варна?! Как он сказал? «У нас не донская конюшня»?!.. Почему это я по майдану его не размазал всего?!..

— Знаешь, а ведь они правы, — сказал вдруг Шихматов. — Кто мы такие?.. Да будь мы кем-нибудь, да разве бы плутали сейчас в этой азиатчине?.. Смириться надо. Это ведь самое трудное — смириться, понять, что ты

никто... Ник-то. Ни пропасти, ни варны на нас нет... Прав полубог — какой из меня к лешему радиофизик. Теоретик хренов. Осточертело все. Раньше ни денег не надо было, ничего... Интересно было. Чувствовал: Бог ведет, что ли. Что-то покажет, расскажет. Может быть, и меня самого. А потом Бог как-будто задумался: стоит ли? И у меня тут екнуло: хоть кафедру-то получу? Потом гранты, премии там... И осточертело. Или сперва осточертело, а потом — гранты?.. Не знаю. Вот, скажем, Аристотель. Он же общую теорию относительности хотел создать. В том смысле, что замах тот был. На всю структуру мироздания. Как, поди, он мучился — умный же грек был. Знал ведь, что дурь, выдумку пишет. «Предпосылки» не созрели... А и мы все сейчас так!

— Ну перестань, — сказал тихо Малыш. По голосу слышалось, что хмурится казак под звездами. — Ну, надоела тебе эта физика. Ну и что?!.. Сам же говорил — наука только внешность истины. А где Бог начинается, наука умолкает... Помнишь, ты мне читал пару рассказов, что сложил еще в детстве. Очень хорошие. Ты классный прозаик, поверь — как поэт говорю... Ведь ты же с молодых ногтей меня натаскивал на всякий символизм и андеграунд, просвещал. Я ж темный был...

— Послушай... — вдруг вскинулся и поднялся на локте Шихматов. Малыш тут же сел и взялся за рукоять сабли. Но вокруг все так же млели джунгли, зрели звезды... Внизу лопотала отчетливо, но непонятно Бхиара. Со всем этим постоянно соглашались совы, вполне одобрявшие и отдаленные удары кувалды по цепи экскаватора, слетевшей где-то на дороге.

— Послушай, — говорил Шихматов. — Вот я подумал... Ну вот чтобы вот так философствовать, нужно лежать здесь, у черта на куличках? Я вдруг представил: мы в моей или твоей московской хате, почитали Гессе или там кого-нибудь и точно так же умничали бы... При чем вся эта экзотика?

— А как же? — снова сел начавший было укладываться друг. Шихматов уже приблизительно знал, что он скажет, но оттого-то и с жадностью слушал.

— А как же? Экзотика — проверка всех на свете философий. Пусть приключения — избыточность поступка. Но в этой избыточности и гарантия верности и понимания, и... Ведь вот — Россия... Великая литература, музыка... Философия. Да было бы это также велико — без экзотики? Без этих пространств — взятых, почитай, все приключениями? Были бы те же Достоевский и Бердяев? Без казаков, которых докатило до Аляски?.. Философия,

брат, поверяется только экзотикой, а та оборачивается на поверку философией! — Казак легко вздохнул, чувствуя, что с ним не собираются спорить. — Так что гордись. Что мы здесь.

— Уже горжусь.

Белый мех на животе спящего Улисса ровно вздымался в свете ночи. Кувалда в полях замерла, и еле слышно загудел мотор...

— Пускай модернисты в словечки играют! — прилег опять Малыш. — Пускай их сквознячками, что между словечками, носит. Пускай в прорехи между терминов вгрызаются да в них же и проваливаются. В тартарары! — Это только казалось, что казак прилег. На самом же деле он оседлал «любимого конька». — Им же не жалко ничего! Потому все так лихо у них и получается! Они ж не любят и не берегут того, что за словами. Да и лихо их — на уровне песочницы. Все, что не любил, — не понял. Это все песок.

Мысли эти рождены были еще лет пять назад в посиделках Малыша то с современными ему поэтами, то с Шихматовым, теперь узнающим свои мысли удивленно. Оказывается, Малыш все это время их в себе носил, да еще прикармливал метафорами со своего баштана.

— А нам, почвенникам, без экзотики никак. Никак нам без земли — и своей, и чужой.

Мы — в этой почве вечной, в прадедовских травках. Была эта травка и будет, и тайна ее велика есть. Тайна эта, раскрываясь, только расширяется. Поэтому нам смерть не страшна. Поэтому и нету для нас ни «мирового абсурда», ни уныния, ни холода вселенского... Так что лежи и грейся — когда еще выбрались бы на юга?.. — Казак перевел дух, погладил Улисса — который, будучи привычен к ночным прениям, и не вздрогнул. — Хотя, как выясняется, и в Индиях свои модернисты да геи. Нет, ну что за дела?!.. Тоже воины, мать вашу! Да у нас в станице до сих пор хранятся в сундуках рубахи резанные. На Семик их деды надевали. Хлебнут полынного с чилимом настоя, задрожат, «Казачий Спас» прочтут и в раж особый входят. И один прыгает в круг. А те — из круга — и давай его рубать! Но тело его как железо делается! Только рубаха одна летит в клочья. Вот рубахи те, как ордена, для бахвальства доблестью с тех дней и сохраняются.

— И ты эти бои видел?

— Да нет! Я родился, когда эта традиция давно ушла. Вместе с прадедами, что с Врангелем в Константинополь уплыли. А кто и оставался из этих полынных бойцов, все сгинули потом в ГУЛАГах... Я эти рубахи нечаянно в чулане, в сундуке нашел. Ну, и допытался от матери... Ей я верю, она ж ведьма.

— Да, ты говорил.

— И бабка ведьма. Знаешь, я в детстве такие сны видел — про те времена, когда не было еще меня. Как будто вспоминалось...

Друг обернул к Шихматову округлое свое лицо — с носом от Николая Васильевича и колдовскими глазами, кроме которых, если б Шихматов был женщиной, ничего бы ему не было нужно.

— Когда еще не было меня на земле — ух, что мы творили! Знаешь, насколько мир больше, чем видимо здесь?.. И-и! Сильно больше. И что мы только ни выделявали... А они были уже отчасти людьми — мать и бабка. И когда днем совсем в мир людей уходили они, я скучал. И решили они тогда меня взять и родить. Вот... Я, когда родился, многое конечно же забыл, но многое и помню... Ах, как хорошо!

— Ну что, что? — не дышал Шихматов.

— Ах, как хорошо!.. — Малыш надолго замолчал. У теоретика сна ни в одном глазу уже не было.

— Да ладно, — тихо вздохнул наконец казак и повернулся на другой бок. — Потом как-нибудь. Пока я, как словами рассказать, не знаю. А может, я потому и поэт. Все подбираю, подбираю слова к этой красоте... и не могу подобрать. Потом, как бабка померла, я туда окунался за ней, но мать сказала — пока, мол, не надо. Здесь быть кому-то надо. Под-

страховывать, что ли, друг друга — и здесь, и там, понимаешь?

— Не понял, ты помереть, что ли, хотел?

— Да ну тебя, тупой! — отвернулся насовсем Малыш, только ворожейный глаз успел полыхнуть раздраженно. — Может, хоть в Индии что-то поймешь. — И закутался с головой невесомым покрывалом.

«Изоврался весь, и стыдно стало, — предположил о Малыше Шихматов. — Тот еще приколист... А все же хорошо без водки так посидеть, поговорить. Жаль, редко получается».

Вновь вдалеке зазвучал молот Петра (или Павла). И все вокруг так было хорошо, что Шихматову вдруг в это не поверилось.

— Слушай, — ткнул он коленом в твердую икру друга. — По-моему, лучше сегодня не спать.

— И захрапеть среди бела дня — за компанию с этими энтузиастами? — отозвался уже квелым голосом Малыш. — Когда еще они доедут.

— Тогда спим по очереди. Мне пока не спится, но через пару часов я тебя разбужу. Хоть как. Хоть ногами.

— Только не фаллосом воина, — предупредил Малыш, уже сонно пошлея.

От нечего делать Шихматов позвонил в Москву.

— Наконец-то! — вскричал утренний голос Германа в мобильнике. — А я боссу звоню каждые пятнадцать минут! Он не отзывается, а ваших-то номеров что-то нет у меня. Ну, как там дела?

— Так, отдыхаем... Здесь кайфно.

— Босс рядом?

— М-м... Рядом со своей женой.

— Слава Богу! Поэтому, наверно, и мобильник отключен!

— Именно поэтому.

— Ну, вы передавайте ему, что я жду указаний.

— Да мы все тут гордимся тобой.

Звезды такие русские, сентябрьские, цвели над головой, что Шихматов уснул. А когда он проснулся от взмывающего солнца, ему показалось, что джунгли желтеют. И солнце сияло, как в воздухе детства — совершенно новое, точно вместе с ним родившееся.

Казак спал, выпроставшись из-под покрывала. Капризно воротил нос сразу от солнца и от енота, посапывающего и пушащегося на его плече.

«Еноты же не должны столько спать? — подумалось Шихматову. — Никак нельзя поэтам доверять животных. Из кого угодно делают полнейшего кота».

В полуверсте, за узенькой Бхиарой, огражденная тростником и бамбуковым забором

деревня молчала, как форт. Бхиара золотилась. Помалу раскипался в полях, как масло на сковородке, крик попугайчиков...

Шихматов, даже не очень жуя себя за то, что уснул, спустился на землю. Достал из-под дерна глиняную корчажку с молоком и отправился — долить в змеиные плошки, а заодно и помыться на берегу. В такое утро казалось, даже в форте не будут против его омовения. Не ругнутся, не выстрелят...

Все блюда на заветных камнях оказались уже полными. Шихматов, подивившись, что ни змеи, ни хорьки не пили, хотел отхлебнуть — проверить, не скисло ли с вечера молоко, но тут заметил за кустами какое-то цветное движение. Две деревенские женщины в сари и мужичок в застиранном тюрбане наливали из кувшинов в плошечки, предварительно выплеснув старое молоко.

«Все-таки молодцы! — покивал им русский путешественник. — Политика политической, варны варнами, а свое земное дело, долг перед родной природой они никогда не забудут. Он вечен, он единственен, наверно, этот долг».

Дабы не озадачивать их своим политическим присутствием, не мешать благому деланию, Шихматов обождал, пока дальше пойдут. Селяне уже возвращались. (Совсем недавно, видимо, прошли мимо вагончика от

Мудряшиной пещерки.) И вскоре ниже перешли Бхиару вброд.

Шихматову показалось, что обычно безмятежные движения индусов теперь торопливы. Впрочем, мало ли там почему? На какой-нибудь праздник пора.

Спустившись к речке и присев на камушке, он с наслаждением умылся. А потом и вовсе скинул подвернутые брюки и, ухватясь за два камня руками, распластался в холодной волне, борясь с жестким течением.

Потом он хотел достать в тихом заливчике самую огромную кувшинку, но побоялся испачкаться в иле — оттого и ощутил свое с кувшинкой единение. Она ведь тоже, из темного ила вырастая, рвется в чистоту вод и небес. Словно учится высокой форме и хочет принять образ индийского царства небесного...

Зная, что скоро настанет жара, Шихматов сразу на мокрое тело надел чистую майку и шорты, подарок Петра. От московской траурной экипировки на нем остались теперь лишь кожаные итальянские туфли, в которых и в Индии ничуть не потела нога.

Форт на том берегу молчал, не праздновал и не работал. Наверное, смотрел сквозь щелки между бамбуковых кольев на нахального неприкасаемого. Шихматов по этому случаю станцевал на берегу: игриво покрутил перстами и запястьями и подвигал головой парал-

лельно плечам. И послав форту воздушный поцелуй, без тропинки пошел назад в гору.

Суматошное движение в ближней траве привлекло его внимание. Он даже не вздрогнул — решив, что возится маленькая обезьяна. Но тут же споткнулся о бездыханного маленького попугая, взлохмаченного и об одном крыле. Второе крыло лежало тут же — как и попугай, никем не съеденное, лишь убитое...

То развиваясь, то свиваясь, серая кобра катилась клубком по траве. Почуввав человека, она с разгону напряглась — всей своей кожей велосипедной шины затормозила о камни. Но не брызнула прочь, как всегда, а сразу надула свой зоб и опять же — не сумев застыть перед броском — только пошатывалась маленькой точеной головкой с глазками, светящимися почти человеческим безумием.

Шихматов, спохватясь, бросился наутек. У него вмиг пересохло в горле, хоть после купания он выдул целую корчажку. Но тут все... Ему, карабкающемуся вверх, блеснуло молоко в нетронутой пиалке. Воровато зыркнув по сторонам, неприкасаемый схватил пиалку и одним духом осушил ее...

Да что уж это?..

Сливочный ликер.

Вот как, значит!!! Вишну! Мама дорогая!!.

Пробегая мимо пещерки Мудряши, он разглядел, что площадка перед входом перевернута. На широком листе вздрагивали беленькие капли. Шихматов лизнул их — так и есть, такой же алкоголь!

Неприкасаемый выломал из эбенового дерева ветку побольше, ободрал сучки — сделал рогатину. И весь сотрясаясь от осознания подлости форта, явно обеспечивавшего себе перед Родионом алиби, ринулся по тропинке дальше вверх.

Лишь бы Малыш с крыши вагона пока не слезал! Спи, родной, ну еще три минутки поспи!..

Песчаную тропинку пересекал длинный извилистый след — точно мотоцикл на песке занесло. Но Шихматов от реки бы услышал треск мотоцикла...

Мелким шагом, уже задыхаясь, он взбирался в гору... Вот уже вагончик показался на сломе горы... И Малыш — просыпаясь — вскинул на воздух богатырские руки, гаркнул, сел и, увидев взбирающегося Шихматова, замахал ему рукой.

В тот же миг ближний к вагончику куст словно выстрелил. Словно масляный и камуфляжно-пестрый ствол пушки (он же — снаряд) вмиг винтом обернулся вокруг Малыша, и все это сооружение, бия хвостом, обрушилось с вагона в пыль.

Шихматов и лез, и бежал — часто спотыкаясь, расшибаясь, потому что не умел глаз отвести от происходящего. Малыш завопил, напрягая из последних сил все мускулы, что Геракл под Лернейской гидрой. Короткая серая стрела — Улисс — с крыши вагончика ударила в пьяную гидру Мудряшу. И впилась в питониху под ее головой. Мудряша на миг ослабила свои кольца, и Малыш с багровыми полосами на торсе выкатился на траву.

Мудряша извернулась, чтоб сбросить Улисса. Тот оскользнулся с чешуи когтями, но челюстей не разжал — мечась над нею, как пушистый шарф или бунчук на древке. Малыш хрустнул суставами, прицелился и прыгнул — хватая Мудряшу за молотящийся хвост, но так получил хвостом, что отлетел и ахнулся спиной о жестяную стенку. Вагон гуднул, как ржавый колокол.

Улисс давил и давил питона, но шкуру не мог прокусить. Змея же, скача по камням, никак спяну не могла обернуться вокруг мелкого животного. Но наконец, догадавшись, прижала Улисса к камню, а хвостом уперлась в вагон.

Шихматов орал что-то небу и джунглям, подбегая, когда в руках у Малыша полыхнуло наконец стальное лезвие и, завращавшись, превратилось в пульсирующий огневой язык. Малыш сек по всем правилам, кидая тяжесть

тела от бедра до кисти, с оттяжкой мизинца, — и вмиг превратил Мудряшу в несколько гнущихся и скачущих поленец. Томатные гейзеры били из них на все стороны.

Казак поднял поленец со змеиной головой — самое длинное. Под ним остался на земле Улисс, разжавший окровавленные десны. Малыш плюнул Мудряше в ледяные минеральные глаза и отшвырнул поленец с головой в кусты.

Тогда Малыш и Шихматов, тоже покрытый испариной, точно сам бился с гидрой, склонились над Улиссом... Малыш попробовал взять своего спасителя на руки, но Улисс открыл от боли рот. Хоть и не было звука, Малыш понял, что от боли. И с крайней тоской и осторожностью положил друга снова на землю. Улисс лизнул его руку. Потом енот попробовал дышать, но вмиг затуманил глаза и обмяк весь. Еще не соглашаясь умирать, он несколько раз еще приоткрывал рот — может, для звука, может, для воздуха... Но видно было, что и того для него здесь уже не было.

— Что это?.. Господи, что это?!.. — Малыш обхватил лицо руками и лбом ткнулся в землю рядом с его головой.

Шихматов в беспомощном негодовании пнул два остывших масляных поленца и ушел за вагон. Когда он сумел вернуться, Улисс уже не дышал. Чтобы как-то отвлечься от этого

ужаса, Шихматов кратко рассказал Малышу о причине безумия змей.

Малыш встал, потом лег рядом с Улисом, прижался ко всему пушащемуся сонно телу его в последний раз, и лежал так — с открытыми глазами и перекошенным ртом — неведомо сколько. Когда встал, испачкал рукой правый глаз и блестящую щеку. И сказал:

— Похорони, Лешка, я не смогу.

Потом Малыш взял саблю и стал быстро спускаться с холма. Что взял он саблю, Шихматов — сам с прикушенной губой и комом во всю грудь до горла — не видал. И только минут через пять, выходя со штыковой лопаткой из вагончика, увидел он уменьшенного Малыша, переходящего Бхиару. Верней, перебежавшего...

Бросив лопатку, теоретик начал вниз прыгать по камням. Клясть себя в сердцах «вечным тормозом»!..

Он увидел, как отворились ворота, и двое в шароварах и тюрбанах, белозубо скалясь, что-то говорили Малышу. Затем одним движением, заметным только к завершению, полоснул Малыша по животу своей саблей. Шихматов как вкопанный встал на горе над своим упавшим сердцем... и не понял, почему в ту же минуту оба раджвара стояли на коленях с красными фонтанами вместо голов, а в

следующий миг лежали между воротами и своими откатившимися головами.

— Дурак... Андрюшка... Ну, дурак... — стонал Шихматов, в брызгах перебегая Бхиару.

Начиная от распахнутых ворот и дальше, валялись так и эдак исполосованные, с головами и без голов, в гранатовых лужах раджвары. Звонкое соло стали в окрестной тишине летело уже с дальнего края деревни. Шихматов побежал туда. Женщины и голопузые дети смотрели из-за лачужных столбов, из-под полотняных навесов на него в немом ужасе и, встретив его взгляд, тут же исчезали.

Наконец с другого конца улицы на него пошел сходящийся внутрь смерч тюрбанов, блестящих тел и сияющих сабель. В эпицентре смерча мелькал и пропадал Малыш, и смерч таял на глазах. Шихматов, подбегавший под крышами козых загонов, видел, что каждый туземец фехтует профессионально, и редкий из них в ту или иную секунду не полоснет своей саблей Малыша. Но на Малыше, вертящемся, как бес, не было ни царапинки. Его горелая кожа даже, казалось, поджила. И более того, приобрела какой-то голубоватый металлический оттенок, а руки до плеч и ноги до колен синели, будто измученные невыносимым вращением... В ту самую минуту Шихматов почувствовал, что чуть ли не страстно влюблен в Малыша... Так

чист и целен был в этой адской и райской картине его образ.

Раджвары секли на удивление безрезультатно. Каждый удар их не по клинку, а по телу противника становился роковой ошибкой для ударившего воина. Ибо в тот же миг саблю — уже не удержанную вражеским клинком — Малыш погружал в тело раджвара, как в масло.

Где-то через пять минут мужского населения деревни в верховье Бхиары не существовало.

Малыш — с какими-то полыми, седыми глазами, будто глядящими внутрь, — сел медленно в пыль посреди улицы. Шихматов, подойдя, в дивном оцепенении смотрел на его синие ноги и голубоватую грудь... И тут понял, что Малыш не дышит. Шихматов не нашел ничего лучшего, как приказать другу:

— Дыши!

Зрачки Малыша поворочались с усилием и сфокусировались на Шихматове. Казак открыл рот и мускулами живота начал подымать и опускать грудь, и Шихматов с облегчением почувствовал, что воздух по чуть-чуть стал в друга заходить. Скоро и руки, и ноги Малыша обрели цвет телесный, и на них на жару нашла буйная дрожь... А когда дрожь прошла, Малыш обратился окончательно в прежнего Малыша, мученика-поэта и эпику-

рейца-донца, да просто друга — не требующего для себя иного назначения. Под его птичьим носом повисла прозрачная бляшка.

С горы, из-за Бхиары донесся шум сильных моторов. Петр и Павел возвращались из пустыни, наивно предполагая завалиться в своем богохранимом вагончике спать.

VII

Забросав кузов МАЗа ряжеными трупами, мелиораторы в один рейс отвезли их на курган, указанный вдовами. Шихматов вместе с Павлом и Петром и женщинами носил в гамаках и на хозяйственных носилках погибших к машине. Малыш стоял на коленях перед сандаловым Господом Брахмой, предварительно повесив на него свой нательный крест, и молился за упокой души павших в битве раджваров. Казак просил для них Небесного Прощения. Раза два скрепя сердце он даже попросил прощения себе, с существенной оговоркой — «если я тоже в чем-то виноват».

— А в чем он, собственно, виноват? — сказал утомившийся и закутивший Павел. — Сказано: «Если ударят по одной щеке — подставь другую». У него убили одного енота, он, может, им и другого бы подставил, но ведь другого же енота не было?..

— Да ты не путай! — закурил и Петр. — Как соблюл совсем другую заповедь — положи душу за други своя.

— Ну, кончай перекур, помогай! — раздраженно метнул свой окурок Пашка. — А то тебе лишь бы на други своя хрен положить!

Когда тела крестьян-воинов на священном кургане на деревянных настилах были возложены в три яруса и на все стороны ошестинились параллельные белые колья, помост стал похож на специальную ладью с взметнувшимися веслами — пускающуюся в торжественное плавание.

Женщины и дети начали готовить факелы, и Шихматов предложил мелиораторам подальше отойти. Он помнил из своего деревенского детства, какой дух дает при обжиге только один заколотый кабанчик. Но Павел и Петр убедили земляка задержаться.

Женщины полили мужей из кувшинов душистым маслом, усыпали свежими цветами и какими-то сухими травками и лишь затем подсунули факелы под настил. Затем все встали по периметру этой открытой скудельницы — провожать умерших в небеса... Огонь поначалу совсем был не виден от яркого солнца. Только странное тонкое благоухание сильней взяло за сердце...

— Все-таки великая культура, — бормотал Шихматов.

Дым свился заушными кольцами и уже на высоте нет-нет да и вздрагивал вознесенным огоньком... Той или иной души?

— Кстати, — вспомнил Шихматов. — Они разве не должны тоже с мужьями сжечься?

И тут же нескольких женщин со счастливыми лицами, связанных натуго, их односельчанки катнули по веслам в огонь... Несколько раз выгнувшись, те предвечно замирали.

У Шихматова и восторг, и отвратительное пламя животного сочувствия объяли сердце.

— Да они не все сожгутся. — Павел пригреб палкой от костра небольшую головню и, присев, прикурил. — У которых ребятня остается без попечения, без какого-нибудь родственника-мужика, — тем нельзя. Они — потом, когда детей на ноги поставят... А таких теперь-то большинство.

— Найдем своего босса, я договорюсь, — сказал Шихматов, — он детей в Суворовское, а потом в МГИМО определит.

— Да? — поверил Петр. — Так я скажу остальным бабам. Пусть тогда все смело жгутся.

— Брось ты хоть сейчас свой лапотный стеб! — взмолился Шихматов и пересел ближе к Павлу. — Смотрите, великое какое смирение! Казачина им такое учинил — а они ни слова, ни проклятия...

— Вообще да-а, — кивнул Павел, с покойной грустью глядя на павших ниц перед костром женщин. — Хотя одна... Ты-то помост здесь делать помогал, когда мы с Петром последнюю партию грузили. Ну и видели: одна на твоего казака саблей махала. Казак-то молится, а она ему сзади лезвие к шее приставила — читай, мол, отходную. Он было уж начал, да тут другие бабы набежали, отобрали саблю у нее. Говорят: если они за кошку нам такое сотворили, так чего же будет, если человека их убьем?.. Так что смирение оно тут смирением, но и восточный расчет.

— Не понял, — повернулся Шихматов, уже сделавший пару шагов в сторону сандалового Брахмы на площади. — Вы что же, когда баба Малышу оружие к башке приставила, просто стояли и смотрели?! И не защитили земляка?..

— Что значит — не защитили? — взглянули на него Петр с Павлом с двух сторон. — Мы же из земледельческой варны.

— Знаете что... — Шихматов у обоих с губ снял «мальборины» и пометал в огонь. — В Россию вам пора.

Шихматов начал спускаться с кургана. Он невольно спускался кругами: мудреный запах дыма, богатый и терпкий, лишь чуть сладковатый, хотелось вдыхать и вдыхать. Прозрачный огонь бушевал, и в нем лежали обуглен-

ные и невыразимо прекрасные женщины — прекрасные неохватимо чувством и умом. Шихматову казалось, что это лежит и горит одна женщина, та единственная, которую он, не зная об этом, всю жизнь любил.

Две уродливые, недостойные, живые, встав по краям костра, запахнули дым тяжелым мокрым покрывалом. Отбросили, опять запахнули... Облако дыма, пошедшее вниз и вширь, охватило Шихматова жертвенным благоуханием, тлением, клубящейся тяжестью жизни и смерти... Путешественник заплакал и встал на колени. Две женщины отбросили покров, и дым снова пошел вверх.

«Они так помогают покойным проститься с землей, — подумалось Шихматову. — Дым по земле, по мне, — и снова вверх... Опять я останусь один — с этим чужим песком, с этой южной парадной травой, со змеями и саблями...» Снова дым окутал и ушел. А вот ушел — не успевший дойти до Шихматова. Нет, в самом деле, что ж традиция такая означает?

Маяыш по-прежнему стоял посреди майдана. Смерден же был тот майдан — весь в собаках, лижущих темневшие на земле пятна... Теоретик отсюда еще раз озадаченно глянул на курган с погребальным костром. Отсюда было лучше видно, какой черно-фиолетовой прямой колонной дым уходит в небеса. Точно незримый скульптор, лепя бесконечно и ка-

призно, примерял к колонне всяческие завитки. И сама колонна то и дело рвалась. Втянувшись в небо, снова нарастала от земли... И тут Шихматов совершенно точно понял смысл такого прерывания колонны дыма, последнее значение вдовьего немого колдовства.

Он опустил тихо, чтобы не испугать, руку на плечо Малыша (Малыш все равно вздрогнул) и сказал:

— Пойдем-ка. У нас там, помнится, в вагоне где-то пистолеты есть. Почистим. Сейчас вертолеты прилетят.

VIII

Можно было «старым казачьим способом» уйти в джунгли. Но тоже, хоть они и невысокие здесь, не очень хотелось бы. И Малыш, забрав серебряный свой крестик у Брахмы, сказал, что каков приход, таков и поп, то есть едва ли полубоги-вертолетчики ощутимо превосходят воинским искусством деревенских фехтовальщиков, и что он перещелкает полубогов из «Стечкина», как мух. Важно только правильно выбрать огневую позицию, а он это умеет.

На вопрос Шихматова — не достаточно ли уже на берегах Бхиары крови, Малыш ответил, поморгав усталыми янычарскими глаза-

ми, что, конечно, уже крови хватает, и как только ему отдадут Родиона, он, Малыш, к полубогам претензии больше иметь не будет и их отпустит с Богом по дворам.

— А что делать, если они прикроются Родионом, как живым щитом? — сообразил Шихматов.

Да едва ли. Родиона они вроде залюбили. Хотя кто их знает, хитрых чертей. Ну, закроются, так им же хуже.

Малыш после победы над деревенскими стал самоуверен крайне. Обследовав холм вокруг вагончика, он пришел к выводу, что лучшей боевой позиции, чем бывшая пещерка Мудряши, им не сыскать. Из-за каменистого естественного бруствера пещерки хорошо простреливались и полянка перед вагончиком, который предположительно должны были в поисках русских окружить полубоги-автоматчики, и тропинка, ведущая от реки в гору. Отсюда открывался вид и на горемычное селение, и на прерывистый сигнальный дым костра — еще уходивший ввысь простенькой туземной «морзянкой», и на слепящую глаза Бхиару.

Даже в полдень в пещерке Мудряши было прохладно, и мелиораторы, хлебнувшие еще по дороге к укрытию змеиного ликеру, обнялись в темной катакомбной глубине и разом захрапели. И Шихматов, тоже мало спавший

ночью, решил минут двадцать вздремнуть, но вмиг проснулся, когда Малыш быстро тронул его за плечо.

Прикинув к камню рядом с казаком, он увидел, что дым почти замер, на майдане, за домами, неподвижной саблей полыхает лопасть вертолета, в Бхиаре лежат, ухватившись за камни и наслаждаясь, как он давеча, голые люди... А по тропинке, между манговых кустов, мелькает бирюза. Там подымался в гору Рюрик-Родион — в новой епанче и совершенном одиночестве. Он лез бережно и тяжело — точно нес на плечах важный груз. Он не оглядывался и не смотрел ни вверх, ни по сторонам, и капельки пота на лбу Родиона лучились каким-то от него отдельным, красноватым золотом.

— Что-то здесь не так, — сказал Малыш и сунул «Стечкин» за пояс. — Алексей, сиди здесь и держи кусты на мушке... А я поздороваюсь.

Он быстро перетек собой бруствер, покидая укрытие. Пригибаясь к кустам, чтобы раньше времени не выдавать боевую пещерку, обежал вагон и двинулся, уже не спеша, Родиону навстречу. Но не успел сделать казак и двадцати шагов, как Родион — глядя прямо перед собой на камень — сказал так:

— Неприкасаемый, остановись.

Родион был уже достаточно близко, чтобы разглядеть и лучистые капельки пота на его лбу, и ящерицу, истово замершую перед ним на камне. И все-таки голос его... Голос вообще не мог быть так слышен, если человек там не кричал, не пел и иначе не напрягал никак голоса. Но он не напрягал.

Малыш выпрямился под игольчатым кустиком тсуги. Тогда Родион-Рюрик бросил свою ящерицу и тропинку и начал с легкостью Гермеса взбираться кустами левей. И встал — хоть и не ближе к Малышу, зато на одном уровне с ним — над маленьким кедром.

— Ну что, сынку, — тогда крикнул казак, — помогла тебе твоя варна?!

— Ты нашел хороший повод убедиться в этом, — ответил Родион так же негромко, но слышно. — Ты убил слуг варны. Но довольно крови. Чтобы тебе не пришлось причинить более зла ни одному моему брату, я пришел к тебе один. Дела твоим нет имени и оправдания...

— Бог мой, что они с ним сделали, — шептал Шихматов, взводя на своем «Стечкине» курок. Обнаженные раджвары расположились в речке и на камнях ее поудобнее, словно готовились к зрелищу.

— Я не хотел бы губить попутчика и соотечественника, — объяснял Родион, ставший Рюриком, и капли на его лице стояли непод-

вижно. — Но то, что со мной, больше этого, то, что во мне, выше этого.

— Братка, очнись! — крикнул Малыш, делая шаг к нему. Но братка быстро выпростал из епанчи руку — вытянул ладонью вперед, и Малыш отшатнулся: точно невидимый брусок золота ударил ему в грудь — отчасти даже и приятно, а больно.

— Делаам твоим нет имени другого, кроме как — война. Но даже она выше европейских предрассудков. Ты — раб своего жалкого и скупого Бога, я — воин своего и когда-нибудь займу его место...

— Они убили Улисса! — крикнул Малыш ему в последнем отчаянии. — Мудряшу натравили на него!..

Рюрик побледнел и вдруг погорбился под кедром, стало заметно, как велика ему углатая епанча. Несколько крупных капелек, не выдержав, потекли по его щекам. И тут же Шихматов заметил, как несколько раджваров сорвались с камней и понеслись, нелепо молотя по волнам руками, вниз по Бхиаре.

Шихматов понял, что миг этот — кризисный и переломный, пан или пропал. Он отбросил пистолет и, выдавившись из расщелины, закричал — стараясь кричать понахальнее:

— Генерал, блин, песчаных карьеров! Ты хоть Елену нашел?!

— А то! — по-человечески отреагировал Рюрик и сам испугался.

— А муженька ее?! — хохоча прокричал и Малыш...

В общем, зря он это прокричал.

Рюрик медленно и нехорошо распрямился. И повторил:

— Это война.

И тут Малыш вспомнил свой давешний сон. И Рюрик сделал то же, что и в сне. Он будто стал прозрачен — Малыш то ли это видел, то ли чувствовал, — от таза у Рюрика внутри распрямлялась, вверх винтом расходясь, золотая змея!

Одно кольцо змеи подбрасывало вверх другое, и верхняя кольцевая чакра — самая ясная и плоская, отточенная по краю как бритва, — пройдя сквозь глаза Рюрика, уже летела в Малыша!

Во сне Малыш при этом, словно в детстве от летящего ремня отца, зажмурился... А потом видел кружащийся и прыгающий, небесно-травно-каменистый-сучковатый мир: это катилась, подпрыгивая, по склону его голова, срезанная дьявольской чакрой.

Но теперь, наяву, за один миг вспомнив это, казак успел помочь себе лишь тем, что стерпел и не зажмурился, ибо ясный взор — первое достояние и спасение на войне. Он не зажмурился и потому принял кольцо бритвы-

чакры глазами. Он именно втянул ее глазами, ослеп и, падая вперед, отпустил — диск вернулся к полубогу...

Змея в Рюрике медленно гасла. Он повернулся к Шихматову и сообщил:

— Он был рабом своего нетерпеливого и слабого Бога. А я — воин своего, бесстрашного и щедрого, и со временем займу его место.

Шихматов онемело моргал и кивал. Рюрик повернулся и начал спускаться в низину. Раджвары запели на реке, иные и затанцевали. А иные прямо на виду у всех занялись любовью на мелководье у самого берега... Сзади в пещерке Мудряши тяжело всхрапнул Петр. И Павел пхнул его сквозь сон кулаком в бок — спи, мол, нормально.

Шихматов, втягивая голову в плечи, хоть и дела до нее, кажется, никому уже не было, покрался к тому месту, где у дерева тсуги упал Малыш... Но никакого Малыша там не было.

Подле мягко-игольчатых лап тсуги, в полуметре над землей рябило небольшое сиреневое облачко — издали подобное выводку диких ос, спящих на весу. А когда Шихматов близко подошел, оно резало глаз своей мерцающей структурой — маленьких голографических квадратиков и шариков, крестиков и пирамидок, из которых состояло. Теоретик потрогал в отчаянии облако (рука прошла насквозь без заметных последствий) — и как-

то почуял и смекнул, что это и есть теперь живой Малыш. А может быть, какая-то одежда Малыша, еще хозяина недалеко отпустившая.

Похожее чувство было, когда он разбирал одежду после смерти деда и, дотрагиваясь до вылинявшего сукна, чувствовал дедову оберегающую руку — точно еще ведет деда, опирающегося на палку, по его живому саду, по старой тропинке к машине, которая увезет деда отсюда навсегда.

Шихматов лег на землю рядом с облаком — в странном оцепении, которого не было в те времена, когда он ложился рядом со своими мертвыми, еще не приученный к смертям их.

Через ноги его переползали термиты и змеи, щекотали шею какие-то жуки, невдалеке упал кокос, подальше прошумел вертолет — унося воинов с их новообретенным богом. Потом вышли мелиораторы из пещерки, чихая с непривычки спать на камне. Вскоре Павел врубил радио в вагончике, а Петр закричал: «Турист, чего ты там разлегся рядом с пчелами?!» — и скрипнул дверью, тоже, видимо, уйдя домой.

Подымался жаркий ветер. Затрепетало тсуговое дерево, зашуршало хвоей. Шихматов взглянул на облако Малыша — ветер для него, похоже, и не существовал.

Шихматов встал все же, пошел в вагончик и перекусил с мелиораторами джоваром с рисом. По радио играла светская легкая музыка из индийских фильмов, в сущности, чуждая этой земле.

— Видишь, и нет никаких вертолетов! — сказал Павел, собирая одна в другую грязные миски, чтоб сполоснуть их в Бхиаре. — Я ж говорил, они раз в неделю только прилетают... А твой амбал-то где? Где казак-то, спрашиваю? На разведку поскакал?

— По всей видимости, — согласился печально Шихматов.

— Тихо! — перебил их Петр, грозя болтунам одной рукой, а другой подстраивая радиоприемник. — Погода! — Вместо танцевальной музычки покатила — ледяной водичкой вокруг отчетливых камней — английская речь...

— Ну, слава яйцам! — Петр и Павел ударили вдруг по рукам. — Муссон! — объявили они не успевшему за каменистым говором Шихматову.

— Мы отчаливаем в город! — разом поднялись из-за стола мелиораторы. — А то послезавтра тут уже болото будет! Чего доброго, и этот спальный вагон уплывет!.. Вы с нами или как?.. Вас спрашиваем — до города с нами хотите?

Шихматов вздохнул обреченно:

— Пчелы не хотят.

— Тоже мне — юные натуралисты! — удивился Петр и начал быстро закидывать какие-то шмотки из угла в рюкзак. — Просто «В мире животных»!

Павел выключил приемник и тоже зашвырнул в рюкзак.

Шихматов вышел на воздух в раздумье, нащупывая в кармане шорт легонький мобильник. Глянул искоса и на «пчел», но там под деревом, без всяких «пчел» сидел Малыш, покручивая головою, как с похмелья.

Увидав подбегавшего друга, он пролепетал только:

— Воды дай попить...

Шихматов кинулся было обратно, но понял, что этого сделать не может — в темном страхе потерять чудесное видение. И сказал: нет уж, пойдем вместе — там попьем!

— О, качки пришли! — приветствовал Петр шатнувшегося на пороге Малыша. — Водки? Пива?..

Малыш ухватил остывший чайник и, мощно двигая кадыком, стал пить прямо из носика.

— Правда, что ли, вы из-за этих пчел остаетесь? — переспросил Петр Малыша.

— Из-за каких пчел? — не понял казак, с трудом отрываясь от чайника.

— Ты не в курсе, что ли? Вон у елки целый рой висит!

Малыш вышел с чайником, обошел вагончик, крутя головой. Еще немного попил и спросил у ходившего за ним по пятам Шихматова: «Ну и?..» И тут же, на глазах у теоретика, превратился в тех же «пчел». Где стоял, с чайником вместе. Шихматов сел на горячую землю и ударил по ней. Явившиеся Петр и Павел, уже с рюкзаками, сказали:

— Е-кэ-лэ-мэ-нэ! Как пчелы-то придвинулись!.. Ну ничего — скоро их муссоном сметет!.. А где казачок, пошел, что ли, к речке — воды в чайник набрать? Вы, вообще, смотрите — мы тоже тут ждать-то, валандаться долго не можем! А то дороги развезет — так на полпути к Панджабу влипнешь...

— Ну езжайте, езжайте! — отрекся от мелиораторов неприкасаемый.

— Ну смотри. Тогда мы вам плитку и баллон газу оставляем. Ну, чайник, значит, тоже, там еще посуда есть, пшена осталось полмешка, вот вам еще «Мальборы» блок, одеяло... — метал Петр из рюкзака. — Деревенских только не пускайте никого в вагончик. Их там первых зальет... Вот... Ну, ладно — оставайтесь с Богом! — крикнули мелиораторы уже на бегу, далеко огибая повисшую осиную стайку.

Шихматов посмотрел с горы, как дернулся, выстрелил серым дымом и покатил, поша-

тивная кузов, русский грузовик. Вскоре уже — как мальчишечья игрушка меж бабушкиных фикусов — он шел вдалеке по дороге.

Порывшись по углам жилища, обнаружив топор и ножовку, Шихматов отправился к подлеску и начал рубить темный сал. Следовало над Малышом, на период муссона, поставить хотя бы грибок. Из сала же — как путешественник давно подметил — поделаны здесь все деревни.

Снаружи сал был мягкий, будто даже гниловатый, но чуть глубже оказался твердым, как кремнь, и с Шихматова, пока он одно деревце срубил, семь потов сошло. Но вскоре к нему присоединился и Малыш, и хоть был он молчалив и мрачноват — дело пошло веселее.

Несколько раз ни с того ни с сего Малыш становился сиреневым роем (причем прямо в подлеске). И Шихматов остро жалел, что не прогнал его сразу назад. Но Малыш заново являлся, помогал строить настил над собой, пил воду и неукротимо развоплощался опять. Наконец Шихматову пришло вдруг в голову, что настила никакого вообще не надо: Малыша — при очередном обретении им головы и ног — следует просто загнать в вагончик и уже не выпускать. Это и впрямь удалось. Во время этого последнего явления друга Шихматов приметил, что являющийся из роя кубиков,

крестиков и пирамидок Малыш в первый миг как бы сиренево-прозрачен и одет во что-то прозрачное, но никак не напоминающее здешнее его одеяние. Мерещились какие-то кисточки и аксельбанты, высокие яловые сапоги... По сторонам рта у безусого друга свисали прозрачно-пушистые хвостики, как у Богдана Хмельницкого или Тараса Бульбы. Стремглав все это исчезало. Утверждались черные шорты, вырезанные из фрачных брюк, заказанных Евгением Осиповичем в лучшем Доме моды, а также драная полосочкой, будто для ловли мух, сорочка, ножовка и чайник в руке.

Впрочем, при очередном появлении ножовка и чайник не вернулись. Зато над головой казака секунду призрачно колыбался веер перьев ирокезских...

Заварив чайку покрепче, Шихматов поджидал очередного возвращения друга. Дабы немедленно открыть консилиум. (Цель — диагностика этого редкого и уже, очевидно, хронического заболевания.) В вагончике быстро темнело. Теоретик затеплил две ароматические свечки, отцепив их от общей свечной груды, сваленной под койкой, и выглянул на улицу...

Клубясь самым драконовым образом, с востока шли темнейшие тучи. И горы на востоке сливались уже с синей темнотой.

Первые капли легонько кольнули лицо... И грянул гром, индийский гром! Шихматов так нечаянно подумал, что услышь этот гром Тютчев, Пастернак или Малыш, слагавшие каждый в свое время стихи о мелодическом российском громе, сейчас бы просто потерялись и позатыкали уши. Еще вспомнил он, как дед рассказывал, что в бытность командиром артиллерийского расчета всегда во время канонады приоткрывал рот — выравнивая тем самым звуковые тиски с обеих сторон барабанных перепонки, чтобы они не лопнули.

Пройдя к краю холма, Шихматов попытался разобрать, что делают сейчас за Бхиярой в селении... И тут рухнул муссон — теоретик будто попал сразу на дно реки или озера и не захлебнулся только чудом. Мокрый до последней нитки трусов, но веселый от внезапно оживившей влаги, он запрыгнул в вагончик и увидал за столом Малыша — тоже с разинутым ртом. «Тоже, блин, солдат!» — подумал ревниво Шихматов, сплевывая хлябь небесную.

О врачебной беседе не могло быть и речи. Свечки дрожали, в стенки царапались суслики и обезьяны, в щели покосившихся дверей просовывались плоские головки змей. Малыш, напившийся из заварного чайника, опять развоплотился, и Шихматов заплакал.

Три мартышки отвалили наконец дверь. И виновато — по стеночке, по стеночке... Затем змеи. Затем суслики... Но никто никого не кусал и не ел. Не то змеи были уже все твердые, не то в честь потопа настало великое перемирие. Гроза помалу уходила, а ливень рушился, что водопад. Малыш, вновь явившийся, все же собрал змей по вагончику в одну вязанку и отнес в дальний угол со словами: «Береженного Бог бережет». Затем он сел за стол и тоже расплакался. Чуть уняв гневные всхлипы, он сказал: «Сейчас пятерых турок посадил на кол». Потом встал на колени перед маленькой, шоферской, иконкой Николая Угодника над койкой и закричал: «Господи, ну почему я такой окаянный?!»

Там он и зароился вновь. Лишь на другой день собравшись из роя, казак пораздвинул ноги и, нагнувшись, с интересом осмотрел у себя шов на штанах между ног. Шихматов догадался и сочувственно спросил: «Теперь — тебя?..»

К утру дождь начал редеть и стал обычным добрым ливнем. С трудом деря босые ноги из грязи, Шихматов сходил на край холма и увидел, что деревня — кроме нескольких самых высоких домов — затоплена по уши, то бишь по крыши. Несколько женщин в лодках, с острогами, плавали вокруг этих крыш по кипящей воде и кого-то ловили. По оврагу меж-

ду холмами катил жирный поток селя, грозя уже покрыть и размытую могилку Улисса... И Шихматов оценил, как выгодно поставлен Петропавловский вагончик.

Ночами теперь теоретик страдал от прохлады, мерзковатой особенно при такой влажности, и на всю ночь врубал для обогрева газовую плитку — над благодарно обвивающими его ноги змеями. Варил джовар с рисом и кормил всех своих домочадцев. И вскоре — быстрее, чем ждал, — сквозь дождик проглянуло солнце, а ночью холм осыпали волшебным мерцанием родившиеся светлячки.

Мартышки первыми упрыгали куда-то, подъев половину рисовых припасов, частью и змеи ушли...

Под благословенный шум дождя Шихматов теперь спал круглые сутки, наслаждаясь теплом и безопасностью. Рядом с роящимся другом и добрым зверьем он почувствовал себя как в родном и старом деревенском доме в детстве — между близким чудом и еще более чудесной, просторной реальностью... Ему и приснилась детская Россия — уютный долгий дождь и дедов-бабкин дом... Ожившая, сгустившаяся влажной красой и любовью земля.

Вот выглянуло солнце, и они с дедом закрыли книжку и пошли на реку... По берегу шел цыганенок и заглянул в их бидон — мно-

го ли наловили. Вся правая окончность деревни — где-то дворов двадцать — была цыганская. И Алеша, если бы не рядом дед, конечно б убежал, увидев цыганенка. Хоть этот, кажется, был не из самых задиристых, но каждого из них окружала какая-то опасная тайна. И лучше было убежать.

— Эх вы! — сказал рыбакам цыганенок. — Одни ерши!

— Яныш, — сказал ему дед, — а ты уроки выучил? Завтра спрошу!

Шихматов понял, что цыганенок из дедова класса и, может быть, сейчас начнется долгий разговор учителя с учеником, и заранее заскучал.

— Конечно, выучил, — весело отвечал Яныш. — Только я завтра в школу не приду! С батей телят поведем на базар.

— Отвечай сейчас, — сказал дед.

— Как же — без глобуса? — удивился Яныш.

— Глобус наш всегда с нами! — похлопал дед ладонью по земле. И рука его с темными старыми венами и сухожилиями зримо сливалась с великой землей, изборожденной жилами корней. И целиком вся земля, точно эта рука, стала вдруг так дорога Шихматову и так любима, что прозрачна. Он встал на четвереньки и смотрел сквозь земной, невероятный шар на его невероятную изнанку — ост-

ро мерцающую и закругляющуюся со всех сторон в безрассудной дали.

В голубоватую дымку океанов заплывали перевернутые континенты. И красноватые, синие и золотые прожилки — не то реки, не то неразведанное человеком золото — чуть слышно на обороте плоскогорий и равнин позванивали в сладостном замедленном вращении. Порой иная жилка начинала сильнее звенеть и набухать. Иная же, напротив, быстро поджималась.

— ...А здесь материку уже перекрыты все пути, — давно отвечал урок Яныш. Он водил по той или иной земной далекой жилке лучиком лазерной указки, словно какой-нибудь спутник Земли.

— А почему так вышло, Яныш? — кивал дед, сидя на перевернутом ведерке над бездной.

— Рано или поздно мы начинаем служить англичанам или янки и на этих новых дыхательных землях... Когда земле уже совсем не дышится, американцы улетают домой, а мы просто куда глаза глядят уходим... Эти земли называются до сих пор Индиями. Как когда-то — пока не открыли ее и не подменили — Америка... Они добиваются, чтобы земля не жила, не дышала, и тогда уже насовсем приезжают и ее называют Америкой. — Цыганенок все-таки путано очень рассказывал.

— А чего хотят русские, Яныш? — спросил дед. — Чего хотят индусы и цыгане?

— Индусы и цыгане... — замялся цыганенок. — Они хотят сразу и жить, и умереть... А русские не знают, что хотят. Или наоборот — это индусы? Я запутался.

— Ты правильно запутался. Умник ты, Яныш... Пять с минусом.

— А за что — с минусом?!

— А не ругай ершей! — хитро засмеялся дед.

Яныш шутливо прыгнул на учителя бороться и понемногу слился с дедом. Покатившееся с дребезгом по хрусталию ведерко сорвалось вдруг в пропасть с медной ручки на дверях вагона... Шихматов гуднул сухим горлом, сел и окончательно проснулся.

На пороге вагончика стоял худой до изумления, но очень стройный и веселый человек. Человек, как и полагается тут людям мужеского пола, был полугол и жутко загорел. Он имел покрытые до колен бежевым селем ноги, на которые сама по себе лилась вода из рухнувшего с дверной ручки закопченного ведра. (Каждый раз, вывешивая это древнее ведро под дождь на раскрытую дверь, Шихматов поминал новый чайник мелиораторов, закинутый другом куда-то навеки.)

Тюрбана никакого, слава Богу, на индусе не было. Кажется, пришелец был молод,

только сморщен и потерт, как старый. А может быть, и стар, лишь прям и плечист, как молодой. Вроде это был индус. А может...

— Какие проблемы? — еще не вставая, сонно спросил Шихматов. Хотя по лучисто-улыбчивому лику гостя ясно видно было, что чего-чего, а проблем у него никаких.

— Конечно, твои, — ответил на русском пришлец, и теоретик вздрогнул. Гость заглянул в полупустое ведро у ног и еще так сказал: — Немного же ты без меня, алмазик, рыбы наловил.

По-русски он говорил очень чисто, разве что с мягким цыганским прононсом. Но главное было не в том. А в самом звуке его голоса!..

— Господи! Наконец-то! — вскочил Шихматов с койки. — Где же ты был?!.. Ты мерещишься или пришел?!

Вместо ответа йог Золотая Рыбка указал на свои облепленные жирной грязью ноги. Затем он аккуратно поправил ведро в грязи под небольшим «грибным» дождем и молодого запрыгнул в вагончик.

— Непросто было ведь найти тебя. Особенно, когда земля пульсирует, а ты не дышишь вместе с ней... Пришлось подождать дождичка — когда станет тебе потеплей и ты вспомнишь о своей России...

— О России? — переспросил теоретик, подвигая гостью стул.

— Да. О земле, которую ты истинно любишь и веришь в нее. Которой рожден. Тогда ты задышал вместе с землею, как положено, и я на карте духа увидел тебя.

— К чему ты притворился в моем сне дедом? — укорил Шихматов.

— Я не притворился. Там, — он условно, но четко указал на небеса; — есть многое, чего ты сейчас просто не поймешь... Там можно быть и собой и кем-то, а хочешь — и совсем никем. Все мы частицы единого целого. Но этого не объяснишь пушинкой афоризма. Ей не долететь до дна, тем более что дна и нет... А у нас мало времени, алмаз.

— Скажи только, это все Индия или не Индия?

— И Индия тоже.

— А ты что, на мобильник мне не мог позвонить?

— Думаешь, нищему йогу здесь легко получить телефон? — хитро, совсем как дед, засмеялся гость. — Тот, что у вас одолжил в аэропорту, вы у меня тут же и забрали.

— Так там были мальчишки!

Золотая Рыбка развел перед невеждой руками:

— Это был мой единственный шанс вас сориентировать на местности. Приди я тогда,

как есть, и расскажи вам все, как есть, вы не поверили бы ни одному моему слову. Да еще, чего доброго, сказали бы, что и босса вашего спер я!

— А теперь, значит, не скажем? И всему, что ты скажешь, поверим теперь? — Шихматов при этих словах ощутил потребность пересест поближе к другу-рою и даже толкнуть его в бок.

— Теперь-то поверите, — засмеялся йог, указав тоже на мерцающий в сумерках вагончика рой.

— Извини, извини... — стало даже неловко теоретику. — Так это раджвары Евгения Осиповича сперли?

— И Ленку они. Это молодая секта «Воинов, спустившихся с Луны». Они ведут свой род от лунного зайца Будды. Зайцы, доходя по колесу перерождений за полторы тысячи лет до человеческого воплощения, понемногу возвращаются на Землю. При этом они приобретают болезненную воинственность — как необходимость вечно преодолевать врожденную трусоватость. А еще наследуют активное неприятие половой аскезы, вылившееся в культ шивалингама.

— Но ведь здесь шивалингам почитают не только они?

— Сам по себе этот культ — рядом с культами иных богов — может быть даже полезен и

светел. Но возвышаемый изо дня в день, он становится подлинной лазейкой для демонов... Они ж там рады, — гость весело стукнул пяткой по донцу вагончика, — когда дух, скручиваясь натуго, уходит в низовые чакры. Им, бесам, сразу проще нами управлять, а заодно и подпитаться соком разрушаемого духа, который не выдерживает долго сжатия.

— Да ясное дело, если каждый день трахаться, так сильно похудеешь. Это и при соцреализме, чай, знал каждый школьник... — нетерпеливо перебил наставника Шихматов. — Но ты понимаешь, я видел этих зайцев в деле. Видел, чему научили они нашего киллера. Очень непохоже, что они не берегут свою энергию и выплескивают это самое... ну, сок духа ежедневно.

— Я вижу, ты не совсем меня понял. (Да это пока и не важно.) А «это самое» они и не выплескивают. Они виртуозно играют с энергиями. И достигают при этом воистину заячьих маневренности и проворства... И все-таки все эти «заячьи игры» на уровне низовых чакр даром им не проходят.

— Демоны?

— Подымай выше. То есть ниже опускай... Зайцам уже дали почувствовать их реальное могущество среди людей, и они возомнили себя высшей варной, которой суждено возглавить мир.

Шихматов принужденно усмехнулся:

— Но ведь в мире нет варн?

— Во-первых, так только кажется. Во-вторых, завладеть, скажем, только Индией считается делом бессмысленным. Индия же не владеет миром. (Все, скорее, наоборот.) Но ведь мир — на лестнице духовных предпочтений — еще ниже. Они считают весь его миром неприкасаемых. И он в их будущей империи будет выполнять самую грязную работу.

Золотая Рыбка, окунувшись в раскрытую дверь, взял из-под дождика полное ведро. Отер ладонью его донце от грязи и поставил ведро на плиту. Завороженный теоретик и не спохватился, что драгоценному гостю даже чайку не предложил.

— Уверяю тебя — их империя будет почище всяких рейхов. (Ни одна нация не многочисленна настолько, чтобы повелевать всеми другими.) Их царство будет и пострашнее «гулагов». («Гулаг» тоже недолговечен: нельзя насплошь выкорчевать тысячелетнюю мудрость злаков. Бурьян истощит почву и съест себя сам.) Даже теперешний американизм не столь опасен, так как человек со здоровыми задатками, заработав свою гору денег, может вспомнить о чем-то действительно важном... Другое дело — отточенная биотехнологией идея каст. Сортировать людей можно будет чуть ли не с пеленок. То есть все самое заячьи

быстрое, проворное — читай: незрелое, — выскочит в каждом ремесле или искусстве вверх. Все вдумчивое и потенциально могучее будет заведомо отсечено... Именно тогда станет мир дьявольски сер.

Гость стоял, прислонясь к стенке у двери, и почти заслонял дневной свет. Голос его звучал печально и уверенно.

— Слушай, ты — русский? — вдруг спросил Шихматов. — Ну, в смысле, откуда-то из бывшего Союза?

Гость промолчал.

— Хорошо, хорошо, — поскорей согласился с молчанием его теоретик, потому что ему показалось, что гость немного сердится. — Если хочешь держать это в тайне, держи.

Гость хорошо улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Ну откуда ж ты так насобачился по-русски? — засмеялся и Шихматов.

— А русское солнце — великое солнце! — почти пропел йог. — Это в подлунном мире оно обучило своему языку только земли к вам вплоть прилегающие. А в надлунном знают его все.

— Кто ты, Золотая Рыбка?

— Если скажу, что Кришна, все равно же не поверишь?

— Не поверю.

— Вот рыбкой называй и впредь.

Шихматов давно уже, со сладостным предчувствием, хотел в ткань беседы вплести вопрос о том, когда же гость вызовет из дурацкого роя Малыша? Но все казалось, что учитель — сам, что не должно торопить события, пусть все по порядку...

— Помнишь сон? — так и спросил по порядку учитель.

— Последний? Где цыганенок деду про новые Индии отвечал?

— А помнишь вашу с ним, — гость кивнул на рой, — лжетеорию о волнах, опережающих свет? Так вот — они не только свет опережают, но и отстают. Они и спереди, и сзади, и везде... Это все то, что вечно. Люди то принимают к этим ручейкам, то засыпают их — прогоняя вглубь Духа земли.

— Я видел эти ручейки на Глобусе! — шепнул теоретик.

— Еще бы. А ты заметил там один зеленый ручеек? — Учитель, не глядя — будто раньше здесь жил — взял из мешка, заменявшего Шихматову подушку, щепотку джовара и кинул в ведро, в закипевшую воду.

— Не помню.

— Так вот. Увлеклись наши зайчишки еще и... как бы это тебе объяснить... что ли бальзамированием.

— А, знаю! Когда самый просветленный йог тело свое покидает и оно в особой какой-

то пещере его хоть тысячу лет дожидается. Я в «Аргументах и фактах» про экспедицию к этим пещерам Мариэлова читал.

— Да есть у вас такой радиоастроном-неудачник... Ой, прости, ведь ты же тоже, — несколько смутился гость. — Так это хвастливые зайцы Мариэлова сюда и притащили. И тут по всем святым тайнам фланировали с ним. Да отсюда уже недалеко, милях в двухстах, ближняя их резиденция — возле самых пещер... Что ж тут скажешь, много тайн они у нас отвоевали. Но до сих пор невдомек им, что известны им пещеры только первые, сторожевые. А все главные — дальше, в Кошачьих горах. Там — старые добрые мертвецы.

— Что ж ты мне рассказываешь все, как Мариэлову? — с опаской произнес Шихматов.

— Мариэлову я ничего не говорил, — поправил учитель. — Так вот, мой алмазик. Возней своей зайцы и тех мертвецов разбудили. Оживать им срок пришел — чтобы здесь порядок навести... Но мертвецов слишком мало, к тому же им надо заново учиться ходить — и поэтому за прыткими зайцами им сразу не угнаться.

Шихматов подозрительно взглянул на худые ноги учителя, мазанные подсыхающей глиной, перевел взгляд на проступавшие ребра...

— Так это я уже отъелся, — засмеялся гость. И продолжал: — А еще есть опасность, что зайцы те самые пещеры найдут. Дело в том, что мертвецы за столько лет там приобрели кое-какие твердые привычки и яркие свойства. Например: входя теперь в прежнее тело, они ненадолго рожают вокруг себя и прежнее пространство. А некоторые — новое. Смотря по тому, кто из них лучше обжился в каком.

Шихматов морщился, помешивая ложкой кашу. Странно, но даже когда он слушал путанный рассказ цыганенка во сне, дело ему представлялось абсолютно ясным. А теперь наяву и перед опытным докладчиком он чувствовал себя первокурсником, прогулявшим весь семестр... А все-таки было на диво приятно. Ведь об этом он всегда мечтал: вот так просто стоять и помешивать кашу, а чтобы какой-нибудь ангел или черт раскрывал помалу-полегоньку перед ним все тайны мироздания.

— Эти оживления, — ровно журчал Золотая Рыбка, — хотят или нет, сопровождаются зеленовато-полосатым светом при наложении одно на другое пространств...

— Все правильно — интерференция.

— Ну, не знаю, я не физик...

— Будто бы?

— Зайцы боятся этих зеленых лент на горизонте как огня. Не в силах почувствовать их

высшей природы, они принимают эти мягкие земные пульсации за враждебные им, учиненные демонами гор катаклизмы. Кое в чем они тут правы. Демоны в эти зеленоватые моменты перерождения гор бегут оттуда без оглядки и перестают заниматься «Великими Зайцами». Но те вновь и вновь призывают своих гениев... И быстро стряпают молодых мертвых. В сущности, у них такие операции, как с вашим боссом, — лишь одна из параллельных разработок, что выведут их к мировому трону.

Йог взял алюминиевую ложку и начал глотать кашу, не обжигаясь. Шихматов решил обождать с вопросами, да не выдержал:

— Что за операции такие? Где Елена и где ее босс?

— Да тут они все где-то, — давясь вязким джоваром, сказал йог. — Самое лучшее, их бы перекинуть в дальние пещеры...

Тут только Шихматов спохватился — ведь забыл спросить о том, что считал самым странным и главным в этой истории еще в Москве.

— Рыбка! Почему именно я?.. За что меня избрал ты своим доблестным помощником?

Гость глянул с прозрачным лукавством — отшутиться или отвечать? Он черпанул еще раз из ведерка и насовсем вытер рот.

— Во-первых, твои предки по двум дедушкиным линиям не пили водки. И в исправности тебе сберегли нервную пластику.

— Ну, да. По линиям татар и богомазов пить предкам не давали.

— Да русским даны невероятные силы — тут и оджас тебе, и мадхура! А они их почти не чувствуют! — йогин как бы про себя поцокал языком. — Пейте вы поменьше, и все будет хорошо...

— Ладно, ладно — это всем известно. Давай — что во-вторых.

— А во-вторых — там, где ты детство провел, было полдеревни моих дальних родственников, драки с которыми ты избегал.

— Уж цыганским биополем прямо так и облучился?

— Ладно, шутка. На самом деле вот что во-вторых. Ты был одним из немногих в том городе, где я нашел тебя, кто — даже кляня родную почву — все-таки не отошел от нее. Уйдя фанатично в свой мир цифр — ты оказался в великой броне от вторжения чуждых адхар...

— Да ну? — нервно хохотнул Шихматов. — Что, совсем чуждых?

— Это розовая чушь — что все культуры, все духовные тропинки человечества сходятся на одной вершине, — печально вздохнул гость. — Это чушь вредная. В одной плоско-

сти они лежат только в нижайшем аду. А наверху совпадают в таких небесах, что незримы с земли. В таких — что даже превыше множества добрых богов и их трудов и споров...

— Ну, допустим, — нахмурился Шихматов. — Вот ушел я в науку, и что?..

— И разочаровавшись в ней, оказался вдруг полным ничтожеством...

Шихматов даже отупел от оскорбления. (Хотя в глубине души еще надеялся, что и учитель, и он сам в этом ошибаются.)

— Теперь тебе один путь — вспомнить живую землю своего рождения. И стать ею — поняв, что не она твоя, а ты ее.

— Что-то я не все понял...

Гость передернул плечами и ребрами и заходил по вагончику:

— Ответь, бриллиантовый, почему ты за все это время не оказался втащен ни в одну раджварскую ловушку, как твои друзья?

— Ты же сам сказал, что я ничто.

— Ничто-то ничто. Да над этим ничем — они все это время чувствовали сильную защиту! — Учитель вдруг резко примолк, выключил пафос — точно в чем-то по горячности проговорился. (Шихматов это запомнил.) — Но будь уверен, теперь твоя очередь. Муссон кончается. И зайцы придут затравить в этих отъезжих полях и тебя.

— А тебя?

— Меня-то пока нет в их планшетах.

— Слушай, а разве не проще им было побивать нас из «Калашникова»?

— Алмаз, ты не в вестерне. Нет, здесь побивать не проще. Убитые становятся врагами — это здесь известно даже зайцу.

— Так чего от них ждать?

— Более серьезных вещей.

— Думаешь, если будешь сыпать загадками, мне этим сильно поможешь?.. — рассердился Шихматов и вдруг испугался. — Ведь ты мне поможешь?

— Наверно, уже нет. Конечно, я еще побуду рядом. Но ты сам теперь поможешь себе и всем лучше, чем кто-либо... Напоследок запомни пять правил. Ничего не желай себе лично. Грудь твоя — дивный сад детства — в нем все силы твои. Голова — цветок этого сада, в ней бесконечная возможность плода. Не склоняй голову ни перед кем. Ни перед чем... Кстати, перед шивалингамом особенно. Налагаю сейчас на тебя высокую гордную аскезы! — Учитель снял со своей шеи маленький темный амулет и прижал его ненадолго к лбу ученика. А сам дальше говорил: — Но пусть сад твой и не заслонит другого сада — который дышит, пусть едва-едва, но в каждом. Найдя с ним тайное родство — можешь укрепнуть. Но не питай иллюзий,

ты не разрастешься. Не вырастет за счет другого корня тот, кто по рассеянности укатился в сторону от собственного корня... Научись отличать от своего чужое — и отшвыривать одним движением за горизонт.

— Как же я научусь?

— Ты научишься чувствовать это.

— Ты обманул, тут не пять правил, я не запомню, — в изнеможении пролепетал теоретик.

— Ты уже запомнил. Вот сполнять тебе — потяжелей... Уж ты постарайся, алмазик-браток. А то у них так: упадешь — не поднимешься. Быть всегда рядом я не смогу. Они уже ошупью видят меня — потому и обозленно таятся. Но необходимо их выманить... Поэтому я ухожу.

Учитель поднялся.

— А как же это? — ошарашенно показал ему Шихматов на компактный сиреневый рой.

— А, так я не выписал еще рецепт? — засмеялся гость Золотая Рыбка.

— Рецепт?

— Уж прости, но не укоренен я в каждой из почв, отваливших ему карму. Поэтому никак полечить не смогу... Кто-то из Великих Зайцев загнал его своей боевой чакрой в Бардо, так?

— Куда?

— Мир Кармических Наваждений. Но загнал неглубоко. Потому как число перерождений друга твоего огромно — уж это можно сказать точно, только глянув на это осиное гнездо. — Учитель одобрительно покивал головой. — И теперь, получив этот страшный удар, он выбит не из жизни вообще, а только из конкретной жизни. Поскольку это был удар духа, дух у него и подстрелен — и крутится теперь, как дурак, по старым воплощениям на колесе сансары. Неповрежденная же нынешняя плоть оставила здесь свою, ну что ли, матрицу...

— Значит, закон сохранения энергии верен и для сансары — единого круга времен?! — восхитился Шихматов, забывая невольно о мученичестве Малыша.

— Все жизни его вертятся теперь перед ним. Причем в таком порядке: стоит ему испытать любое сильное чувство — он мгновенно перетягивается в ту жизнь, где именно это чувство было для него наисильнейшим. Сюда, скажем, он часто возвращается только потому, что за все свои перерождения именно здесь, в Индии, сильнее всего хотел пить. Теперь стоит ему в любой из предыдущих жизней сильно ужареть или просто захотеть воды попить — он тут как тут, в жестянке вашего ашрама.

— Так что же с этим делать? — загоревал Шихматов.

— Полный курс лечения — сорок дней. Вот явится: потерпит без питья, так здесь останется. Ну и, конечно, пусть воздержится от всех сильных эмоций. Пусть дома полежит. Но главное — чтоб жажда у него была ужасной. Воды ему прописываю десять чайных ложек в день — только чтоб не помереть, понятно?

— Угу... А почему там сиреневые пирамидки и крестики? — Чуть у Шихматова отлегло на сердце, явился научный азарт.

— А вот из-за того самого наложения пространств.

— Из-за световой интерференции?

— Ну вроде да.

— А почему не полосы, а пирамидки?

— Турбулентность какая-то, более сложная волна.

— Ты же не физик?

— Ну и не дурак.

Золотая Рыбка опять засобирался. И Шихматов сразу почувствовал себя беззащитным сиротой.

— Ты бы поел каши еще? Чаю, может?

— В другой раз. Я и так засиделся. Дождь-то совсем кончился, жди других гостей. Они с тобой чайку и выпьют.

— Так как же действовать-то против них — штыком или маневром? — совсем жалобно спросил теоретик. — Может, притвориться мне, что я за них?

— Не «может»! Никаких маневров! — вернулся от порога гость. — Один твой земляк уже поманеврировал. Это же зайцы — маневром их не обойдешь. Сидеть и стоять тебе прямо... Это приказ.

Тут учитель совсем снял у себя с шеи амулетик и в знак такой бесповоротной тактики надел на своего ученика.

— Ишь ты, уже подсохло, — выглянул на ясную улицу. Не прощаясь, спрыгнул из вагончика и быстро отправился прочь по блестящей и твердой грязи.

Когда его черноватая спина начала опускаться за край холма, Шихматов бросился следом... но тут же провалился по колени. С трудом деря из глины ноги, оставив ей носки и шлепанцы, теоретик возопил:

— Смилуйся, государыня Золотая Рыбка!

Наставник оглянулся:

— Еще чего, яхонтовый?

Шихматов сделал еще несколько — с утробным причмоком — шагов. Фигурка його стояла на той же блестящей и уже явственно жидкой грязи, как на плетеном подносе.

— Ты говорил, какая-то защита надо мной! — собрался с духом ученик. — Скажи, какая? Все равно уходишь!

Скорей почувствовалось, чем увидалось, что индус досадливо поморщился.

— Ну давай, я сам угадаю! А ты только — да или нет!

— Да, — сказал учитель.

— Дед?!

— Говорю же — да.

Они постояли немного — друг напротив друга, непроваливающийся учитель стоял по горе несколько ниже. А в общем, они уже друг на друга смотрели как равные.

— Дед же все время рыбачил... То есть, по вашим законам, грешил?!

— Он из тех рыбаков, — улыбнулся с мерцанием глаз йог, — к кому рыба сама просилась на крючок.

— А потом он не?.. А ты не?.. — начал озаряться догадками одной за другой теоретик.

— Нет. Слава Всевышнему, твой дед был достаточно скромен и не отправлял души окских плотвиц для куража на Венеру или Марс.

Здесь Золотая Рыбка повернулся и ушел — по жиже, яко посуху, совсем.

IX

— Значит, оставили нас здесь на живца, — сказал Шихматов Малышу-рою в вагончике и при солнечных дверях осмотрел подробно ратный амулет. Маленький Вишну на слонике, топчущем шивалингам. Копье Вишну то-

же сей крупнокалиберный орган пронзало... Шихматов вздохнул и задумчиво доел учителю кашу.

Малыш навел свою нынешнюю жизнь только на другой день. Едва он начал образовываться, Шихматов выплеснул за дверь воду из всех кружек и ведерка. Что удивительно, казак уже примерно знал свой диагноз: в очередном путешествии в прошлое он долго пировал на Дону со своей пра-пра-прабабкой колдуньей и, получив от нее исчерпывающие объяснения, нарочно крепко выпил первача — дабы как следует возжаждать потом и вернуться сюда.

Казак явно уже подустал от своих путешествий. Перед побывкой на Дону его, оказывается, угораздило попасть на какой-то затянувшийся испанский бал XIV века, где Малыша не покидало ощущение, что он смотрит по телевизору исторический скучнейший сериал.

Воды Бхиары помалу спадали, но вертолетный майдан еще не освободился от воды — значит, пока не было повода для беспокойства. Шихматов протоптал по отвердевшей глинистой земле тропинку к подлеску и каждый день ходил теперь за фруктами. Но домой ни апельсинов, ни кокосов не носил — употреблял их прямо в джунглях, дабы в соблазн не вводить казака.

Тот стойко проходил курс лечения — лежал и днем, и ночью в койке, страдая от жажды. Матерился пересохшими губами на чем свет стоит, но сознательность большую пока проявлял. Шихматов приносил ему в вагон только связки переспевших приторных бананов (их на внеочередном совещании разрешено было больному принимать).

В ветвях, развернувшихся мощнейшей листвой после муссона, всю сновали, копошились обезьяны. Они и рожи строили русскому человеку, и порою прицельно метали в него гнилыми орехами. «Тоже мне — начало интеллекта! Прародители, мать их! — думал, швыряясь в ответ, теоретик. — От них, от них — вся наша дурость, весь этот сумбур, суета и ужимки... Вся наша бедственная прыжковая логика». И невольно Шихматов поминал — насколько же мудрее и спокойнее, интересней и последовательней, и тактичней был Улисс...

Первой в низине освободилась от воды высокая грунтовая дорога, и по дороге той от гор прикатил запыленный джип, а из джипа вылез собственной персоной работодатель странников — Евгений Осипович.

С ним приехали еще два черноватых индуса, неизвестно зачем парились в кремовых костюмах с иголки. Сам-то босс — изрядно осунувшийся и похудевший — всходил от ма-

шины на трепанный тропической стихией холм в белоснежной сорочке-безрукавке и длинных шортах.

Шихматов впервые обнялся с коммерсантом.

К вагончику с выздоравливающим другом Шихматов никого, конечно, не пустил. «Туда вам нельзя — карантин!» — так и сказал он Евгению Осиповичу и его спутникам. Затем радиофизик и босс — уже наедине — немного прогулялись вдоль шоссе.

Оказывается, произошла ошибка. Никто босса в гробу и не крал. Просто не сумели добудиться в аэропорту его сопровождаителей, а время поджимало. Потом из-за этой дурацкой затеи с похоронами Евгению Осиповичу — получившему тепловой удар в гробу — долгое время было плохо. Но слава богам, Елена и их новые друзья выходили его. Так что Елена нашла, у нее все хорошо. А вот своих верных детективов босс едва отловил. Неужели трудно было набрать его мобильный?

— Мы каждые пятнадцать минут набирали, — явно нарушая завет Золотой Рыбки, соврал Шихматов, — абонент недоступен...

— У вас, видимо, номер записан неправильно. Мобильник у меня всегда включен, — тоже явно соврал босс.

Вообще Евгений Осипович стал заметно представительнее и спокойнее. От бывшей его

тревожной импульсивности не осталось и следа. От жары или болезни похудев, он и даже держаться стал как-то прямее.

Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается. И Евгений Осипович заплатит своим — хоть и несколько отлынивавшим от дела — сыскникам согласно договору. А теперь он (и счастливо обретенная Елена) приглашают их в гости к своим новым индийским друзьям. Кстати, здесь не очень и далеко — двести двенадцать миль.

Даже выговор Евгения Осиповича стал чище — без хохляцких инверсий и словечек приклатненного жаргона. Очень благотворно повлияли иностранные друзья.

Шихматов заявил, что расхворавшийся казак никуда пока, конечно, не поедет. Минимум недельки через две. А он, Шихматов, должен...

Теоретик хотел сказать «ухаживать», но понял, что самым своим здешним присутствием навлечет на Малыша как минимум ту же грозу. Так просто они не уедут... А и уедут — уж на две недели-то в покое не оставят.

Странно трепеща, он сходил к Бхиаре с ведерком, черпнул и... постояв на берегу, зашвырнул в поток ведро. Напротив у ворот села стояли, подвернув сари, в желтой воде выше колен несколько женщин и глядели на него и на красивый грязный джип. Шихматов

одной пожилой бабе сделал гребок рукой, и та приплыла к нему вскоре в долбленке. Ей путешественник дал две зеленые бумажки и договорился, что она каждое божье утро — все равно ведь за змеями ходит — будет к двери вон того вагона ставить самое малюсенькое блюдце молока.

Зайдя последний раз в вагончик, уже побеждая трусость и волнение, теоретик сказал другу, что де придется ему ненадолго отлучиться — но другу по такому поводу никоим образом не волноваться, блюдце чуть свет будет под дверью, ну, скорейшего выздоровления... Малыш, не вставая с постели, подал ему сумку, в которую бросил печально перед этим мазь против пиявок, телефон и пистолет.

А через десять минут Шихматов, покуривая на заднем сиденье рядом с наряженным в пиджак индусом, мчался со скоростью 120 км в час к пятнистым горам. Румяный Евгений Осипович (еще ничуть не загорелый — и впрямь, видно, долго проболел) сидел рядом с водителем, и ветер трепал его чистый хохолок.

Пока светило солнце, горы зримо близились, когда же вполне смерклось, прямо по курсу над горами занялось зеленоватое свечение. Шихматов тщетно пытался различить и интерференционные полосы, но скоро по-

нял, что это — лишь дифракция, отдаленное рассеяние зелени по контуру хребтов.

— Сварка. Там храм реставрируют, — неприязненно пояснил Евгений Осипович причину зеленоватой зари.

— Красота! — реагировал Шихматов.

— Ага! Гадость болотная...

Шихматову вдруг стало так спокойно, что он задремал. Лежа на горячем темном сеновале, он смотрел на светящиеся щелки в крыше и дул на клубящуюся в знойных лучиках багдадскую пыль. За боковой — изумрудной — щелью меж драниц шелестел сад... Малина, яблони... Дед зашагал от калитки вдоль сеновала — звучно ступая по выложенной из кирпичиков дорожке... Ни с чем ни сравнимое счастье овладело вмиг Шихматовым. Он прополз по сену и приник к изумрудной полоске. Дед нес на вилах огромный новый сноп сухой травы — больше деда самого. Одна травинка, проскользнув снизу в щелку между досок, щекотнула у Шихматова ресницы, нос — уже совсем невыносимо... — так, что он проснулся.

Джип мчался по бросающемуся под фары шоссе и неумолимо летел на обочину. Индус рядом всхрапнул. Евгений Осипович впереди полулежал, привалясь к боковому стеклу. Индус-водитель глубоко дышал, уронив на руль

голову. По стеклам мазало уже совершенно изумрудно... Единственное, что успел в летящем в пустынный кювет автомобиле Шихматов — прижаться накрепко к спинке переднего сиденья, обхватив ее руками и коленями и заодно к спинке притиснув спящего Евгения Осиповича.

Он еще заорал было «Атас!!!», но этого дела уже не довел до конца. Тьма и свет провернулись два раза, и в ровном шуме двигателя — после жестяных растресков — трава заскользила с присвистом по крыше и обмерла наверху.

Шихматов и выпавшийся босс, конечно, сорвались вниз головами, но только чутки ушиблись. Они сразу выкарабкались из джиповой битой скорлупы... А вот двух костюмированных индусов, которых лихо пошвыряло по салону, извлечь довелось в очень нехорошем состоянии. Водитель еще как-то сам полз, помогая волочащим его по битому стеклу из машины, и спрашивал по-английски «Что случилось?» надтреснутым голосом, чисто иудей из рок-оперы «Джизест Крайст — суперстар».

— Ты спал за рулем, — ответил ему Шихматов.

— Не я есть спал! — запротестовал тот кое-как по-русски. — Это что-то подошло под колесо!

— Говорю тебе, ты спал! — разозлился теоретик.

— Заснешь тут от эдакой мерзости, — проскрипел, уже снова неудержимо зевая, Евгений Осипович, указывая на зарю по курсу впереди.

Сияние в горах уже поливало чистым изумрудом. И Шихматов, вбирая этот свет глазами и всем своим внутренним воздухом, почувствовал вдруг в эту ночь бодрость невероятную...

У водителя повисла рука и нога не ходила. Может, вывихи, может, ушибы. А может статься, перелом. Пока ничего не поймешь: шокое обезболивание. Индус даже на пару с Евгением Осиповичем начал зевать.

С индусом-пассажиром вышло много хуже. Он, так и не проснувшись, лежал на траве теперь и бредил — да еще почему-то на польском, все «Матка Боска» да «холера ясна».

Поднатужились вдвоем — Шихматов, Евгений Осипович и покалеченный водила — помогали одним плечом — перевернули джип. Босс сел за руль, Шихматов сзади толкал — влезли-таки на дорогу.

— А тебя, я смотрю, спать и не тянет? — зевнул бизнесмен.

— Да нормально.

— Ездить можешь?

— Ну, в школе сдавал на права, — почувствовал себя неловко теоретик.

Индуса-поляка положили на заднее сиденье — головой на колени собрату. Шихматов сел за руль и надавил на газ.

— Можешь, — махнул рукой Евгений Осипович со слипающимися глазами. — У поста на развилке вправо повернешь, а там все время прямо... Ну, да я тоже послежу... — После чего босс уронил голову на грудь и сладко засопел. Пострадавшие что-то сзади лепетали.

И Шихматов, сцепив зубы, под 150 пошел на полярное это сияние. «Самое лучшее — их бы перекинуть в дальние пещеры,» — так ведь Золотая Рыбка говорил...

Но вскоре стали попадаться встречные — несущиеся тоже «мама не горюй». Дороженька была узка, и Шихматов сбавил скорость.

Чем ярче зеленело впереди, тем чаще попадались встречные — как правило, фургоны, джипы и рейндж-роверы — и вдруг повалили потоком. Теоретик, кажется, вообще один ехал не с гор, а к горам, и его отжимали на обочину. Все шоссе замедлилось. У Шихматова, поглядывающего в нехорошие зеленоватые лица водителей, захолонуло под сердцем. Все, буквально все спасаются, а он — туда...

На развилке, где круглой стеклянной беседкой поблескивал пост, была настоящая московская пробка — безрассудная, противно

вопящая. Гаишник с волосатыми ногами старался перекричать вой сигналов и нелепо махал полосатым жезлом. Часть машин с гор пыталась уйти вправо, на боковую дорогу, и этим только связала движение по главной... У теоретика кошки скребли на сердце — не уйти ли все же вправо — по инструкции Евгения Осиповича?..

И тут индийский гаишник завопил как резаный. Сощурившись и еще отломив перед собой кусок разбитого стекла, Шихматов увидел, что один индиец на велосипеде с прицепной тележкой едет прямо по крышам машин. (Шихматов видел много таких рикш-велосипедистов еще в незабвенном Пахтонге, но не один из них столь вызывающе себя на дорогах не вел.) Гаишник завывал, но не мог пробраться к рикше сквозь плотное автотечение, а рикша знай себе рулил по капотам и крышам — будто по сельским колдобинам — и рулил именно против течения в сторону гор. И рикша этот был учитель Золотая Рыбка! Он пару раз уже призывно помахал своему ученику...

И вмиг вдохновленный ученик — дав полный газ, бешено крутя рулем, устремляясь в тот или иной прогал между машинами, расшвыривая их бампером, — устремился за учительским велосипедом. Автомобили в смятении сами насколько могли расступались,

поджимались перед мятым буяном с выбитыми стеклами. Так что Шихматов враз прорвался за развилку и ринулся по вольной обочине за своим велорикшей, уже ушедшим вдаль.

Ученик думал, что сразу нагонит учителя, а там — либо получит дальнейшие инструкции, либо подсадит в машину. Но йогин гнал и гнал впереди по обочине — смешал колеса велосипеда и свои пятки в золотистые круги... А дорога уже пошла несколько вверх, острым углом разветвилась вокруг темной скалы. Хорошо, что Шихматов знал, на какую ветку выйти — следом за учителем.

Встречный поток не слабел. Порой налетал, слепя фарами, автомобиль, перегоняющий других прямо по их обочине. Но велорикша, вовремя вильнув, уходил прямо во встречный поток, Шихматов строго за ним — и так чудесно, невредимый, шел в стальных автоструях.

И не было уже никакого сомнения в том, что именно изумрудное сияние гонит и гонит им навстречу этот ад... Чтобы скорее от сияния спастись, у встречных машин выскакивали уже лишние колеса и лапы, у водителей — рулевые драконьи хвосты. Проклюнулись, как видно, для амортизации при столкновениях, на головах и животах у многих шипы и бугристые рога... Вскоре автомо-

бильные скорлупы были насовсем отброшены — они стряхивались нетерпеливым кошачьим стрясанием с ног и когтей. Несколько реальных фургонов с американскими номерами, так и не сумевшие выпустить никаких когтей, были просто раздавлены у Шихматова на глазах.

Учитель его тоже давно отбросил свой велосипед и стал золотым гепардом. А может быть, он прямо так, с велосипедом вместе, гепардом и стал — ученик не заметил. И ни одна поганая драконья морда не смела коснуться учителя! И ученика — колесящего следом!.. Гепард то изгибал часто и рьяно спину, набирая скорость, то стлался с раскинутыми лапами, изредка ударяя подушечками об асфальт... Помалу Шихматовым овладевала блаженная гордость — что не посрамил отечества, что вслед за неслыханным учителем он летит сквозь всю эту рогатую ересь и везет бедного, обманутого русского предпринимателя в высокие и светлые пещеры, где наконец-то разрешится все!..

Огромный квадрат тьмы налетел так внезапно, что Шихматов ничего не понял. В самый последний миг он увидел вдрызг разбитые, черные фары МАЗа в двадцати шагах перед своими фарами и над ними — в изумрудно блеснувшей кабине — два белых лица с седыми от ужаса глазами, Павла и Петра.

Гепард, получивший страшнейший удар темным МАЗовым корпусом, с грудным взмахом отлетел во тьму. Шихматов — одновременно крутанув руль и пнув по тормозам — шарахнул бортом о кабину грузовика, тоже с визгом тормозившего, и головой ударился о дверцу.

Горная дорога лежала пуста. Потока чудищ и автомобилей как и не было. Зеленоватые пульсации меркли. МАЗ дышал прямо в лицо пагубно и горячо. Петр ходил, прихрамывая, по шоссе и матерился.

— Что случилось? — озираясь, спросил теоретик.

— Ты заснул за рулем, — со сдержанной злобой отвечившийся Евгений Осипович. — Да еще пролетел наш поворот.

— Я не спал! — крикнул Шихматов. И мимо босса протиснулся в свободную дверь, увидав велосипедное погнутое колесо, еще катящееся по дороге.

— Говорят тебе, ты спал! — мстительно проговорил индус-водитель с заднего сиденья.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Ароматом травок и свечей, слава Богу, совсем заглушен запах тления... Муж во гробе лежал с видом растерянным и одновременно спокойным. Словно пойман был смертью врасплох — так, что даже не успел ничуть встревожиться.

Румянец на щеках его был синеват. Елена поцеловала мужа в опустошенный легкий лобик и пошла поскорей из пещеры на солнышко.

Со своими индийскими братьями она не разговаривала уже третий день. Хотя слова их, обращенные к ней, ради дела выслушивала. Когда они сказали ей, что, дескать, на похороны пора ехать к таким-то пещерам и предложили изумительный по разнообразию траурный гардероб, она в полном молчании и подчеркнуто неторопливо выбрала платье наиболее короткое и легкое, в стиле француз-

ского ретро. Когда они поведали, что необходимо при кладбищенских пещерах нанести визит вежливости секте Великих Зайцев, коим подведомственно и их «Братство любви», она только плечом повела — мол, надо вам, так нанесем, а то, чего доброго, подсыплете каких-нибудь «колес» в стакан, дурное дело нехитрое...

И все-таки, когда вечером в миниатюрном замке краснотюрбанных Зайцев, оседлавшем поджарую гривастую скалу, ее русский гуру и тот, подло ее усыплявший, нерусский, вновь с ней заговорили, Елена не выдержала и сплюнула надменную задвижку со своего языка. Хоть было отчего и насовсем онеметь. Оба гуру, русский и нерусский, ей наскоро признались в темных замыслах по выманиванию богатства ее благоверного, а затем примерно так сказали. Вот он умер. И перед этим общим горем отступает все. И как ни плачь, он уж теперь не встанет, не обнимет и его наследство только в сотой доле ваше, а все остальное — черт знает чье, в тени. Да что об этом говорить. Ну, умер человек... Но ведь и мы не пальцем, так сказать, а самым шивалингамом деланы. И кое-что сумеем. За очень скромную сумму. Ну, в общем, воскресить.

Елена и задрожала тут, и успокоилась. Задрожала она от невероятной надежды, что все, как в обыкновенном сне, вдруг вернется

волшебна на круги своя... А успокоилась, поскольку обнаружили уже недвусмысленно все цели этих обезьян. Она обрела наконец полное их понимание, как обретает веселое дно под ногами измученный заплывом на непосильную дистанцию пловец.

На процедуру воскресения она и сама не пожелала смотреть. Воскресший пришел посмотреть на жену сам.

И не только посмотреть. Великие (хоть и корыстные) кудесники вставшему со смертного одра многое сразу разрешили.

Синеватый румянец супруга, естественно, пропал. Растерянности не было уже и следа. А спокойствия так даже прибавилось. Конечно, так только казалось. Просто спокойствие его перестало быть тихим, а стало каким-то неслыханно бодрым и гулким...

— Ну хватит уже, — даже сказала ожившему супругу Елена. Как ни желала она растормошить его, холодного и аскетичного, в Москве, но сейчас — после долгого вольного своего воздержания — что-то быстро насытилась.

Главное, хотелось же поговорить. Порассказать о многом, расспросить — как он там, как беспокоился, как жил и умер?..

Но Евгений Осипович был весьма краток. Впрочем, этим он и всегда отличался. Но ее-то выслушивал всегда терпеливо... Выслушал

и тут. Выслушал, встал и ушел куда-то с «обезьянами», позвавшими из-за дверей.

Елена попринюхивалась к опустевшей горнице: не присыпано ли все — и гардины, и кровать — каким наркотиком? (Она и на ложе любви все себя и Евгения Осиповича пощипывала — чтобы им проснуться.) Но нет: в окна летел невероятной свежести и чистоты горный воздух. На коже безжалостные «щипки» уже саднили и чесались.

Повесив в стенной шкаф свой изящный траур и одевшись в сари, русская женщина вышла на балкон. От гор отбежали зеленые льняные поля. Бамбуковый лесок замыкал горизонт. Невдалеке на ровной огражденной тыном с проводами площади сверкали вертолеты. На фоне отдаленных пальм маячили — серой галькой — слоны. И один слон совсем в другом месте, ближе к шоссе. Как Елене давно объяснили, такой парень есть практически в любом слоновьем стаде, задира и ослушник вожakov, изгнанный за хулиганство всем обществом прочь. Но изгой тот никогда не уходит совсем, а ходит в отдалении за стадом в тщетной надежде, что не звери же, простят...

Евгений Осипович спал теперь ночами прекрасно — ничуть не задыхался и вообще не думал ни о чем плохом. Днями же он где-то теперь пропадал, видно, сдружившись с воскресившими его учителями. Разумеется, Еле-

на сочла своим долгом пояснить мужу, что за люди те учителя и чего они конкретно от него, богатого, хотят. Но муж только рукой махнул: мол, и сам знаю и держу ухо востро, но тем не менее наклюнулись кое-какие интересные взаимовыгодные сделки, носа в них не суй. Одним словом, отдыхай — раз уж выбрались в кои-то веки сюда. Побудем еще для общей пользы где-то недельку и домой поедем.

Елене показалось, что и она наконец успокоилась. Почти состоявшаяся смерть мужа не прошла для ее духа бесследно. Покуривая на балконе «заячьего замка», с этой легкой скалы она теперь иначе рассматривала — точно какую-то живность в полях — свою личную жизнь. И проблемы виделись даже не в том, что на той или другой полянке не так скакала, не так с хвостиком играла, неправильно жила. А в том, что неправильно играет сейчас. Но что именно неправильно — не знает. Только чувствует, невыигрышная и неродная у нее игра. Потому и скучная давно уже.

Даже самые исконные, верные ее чувства, даже Родион, проступали теперь как бы сквозь забавный наркоз этой игры — слепой, сложной жизни ее.

Удивленно вдруг она увидела, что во всем, что связывало ее даже с пресветлым Родионом, она — будто влюбленный мужик — иска-

ла только собственной улады, не зная заведомо ни его блага, ни боли... Елена так поразилась вдруг этому открытию, что вмиг приняла решение: вернувшись в Москву, позвонить немедленно любимому. Пусть — только позвонить. Но довести до него вразумительно, что — как бы все у них ни разлезалось, помнит ли ее он или забывает уже изо всех сил — она его помнит всегда. И та же в точности любовь ей силы жить на небесах дает.

Едва она решила это, точно камень с души по уступам скалы покатился, и тучка небесная несла древний балкон, и все было-таки правильно. Действительно, в точности та же, если еще не мучительней, любовь взялась за девушку. Ее Родион — осязаемый душой уже лучше, чем если бы рядом стоял, к ней из-за моря простер руки — в смертельной тоске.

Положив, не теряя ни дня, отпроситься у Евгения Осиповича в Россию, Елена с трудом дожидалась заката и мужа. Его вертолет прилетел уже затемно. Взойдя в комнату ее, муж и сказал:

— Сегодня варна чествует своего нового брата. Пойдем-ка... Я ведь и забыл тебе, зайка, сказать. Из Москвы со мной летело еще трое русских. Этот новый брат — один из них. И очень возможно, ты знаешь его...

Последние слова сообщения Евгений Осипович произносил уже «зайке» вдогонку.

Та скакала уже через ступеньку витой лестницей вниз — на перезвон посудного серебра, в зал, и знала, знала уже, кто там чувствуется, кто приехал к ней... И это знание ее ни с какой эксклюзивной природой воинских предвестий Малыша общего даже ничуть не имело. У всякого случается такое знание.

Родион, как царь над всеми «зайцами», сидел на возвышении, у основания узорных расходящихся половиков, смотрел на нее и улыбался. Один «заяц» и русский Еленин гуру, вставшие было, дабы представить ей нового брата, вдруг на полуслове примолкли. И вся секта за сервированными мягкими коврами смотрела уже на них и восторженно молчала. Как будто каждому так прямо было и видно, что остановившиеся, кажется, навек друг на друге зрачки Родиона и Елены раз и навсегда закруглили весь их местный мир и бросили эту горошину туда, где нет конца...

Но не вытерпев долго этой вечной любви, все стали понемногу отворачиваться — и завязывать между собой особый свой, нарочито сектантский разговор. А Елена с Родионом — молча и отважно — все стояли и терпели... По окнам зрела какая-то зеленоватая заря. Вскоре сектанты, с ковров не вставая, тихонько уснули. И, оставшись таким образом наедине, влюбленные повели наконец незначи-

тельный и вполне обыкновенный между ними разговор:

— Ну, ты как?

— Люблю тебя... А ты чем занимаешься?

— Тебя люблю.

И так далее, в том же ничего не значащем земном словесном круге...

Заря в окнах все зеленела, не в силах созреть. Обволакивала и старинным, и юным безвременьем. Обилие светлых плодов по коврам и косой переплет тонких ставенных решеток усиливали впечатление сладчайшего воздушного обморока...

Но заря погасла, индийские зайцы разбрелись по комнатам, и стала ночь. И Родион (теперь, оказывается, Рюрик) гладил ладонями ее лицо — но не страстно, а как прежде — волшебю. Он только чуть осязал лицо ее — то ли тщась его лепку постичь, то ли сам его вылепливая. Она стояла в легком благоденствии и, прикрывая глаза, сама поводила неудержимо лицом под его прохладными перстами, чуть направляя их. Как бы сквозь муку уступала благу, а возлюбленный, выпытывая тайную ее природу, все нащупывал завязь живого устройства Елены с чьей-то тончайшей изначальной красотой... В ответ ему, они чувствовали, над их сердцами распускается по несказанному цветку.

Всю ночь потом проболтав, они расстались только на рассвете. Странно и ненужно, понарошку кое-как поцеловались и пятились, еще обнимали друг друга вселенскими взглядами...

Лишь подходя к своей комнате, Елена хватилась — где был муж? Все он видел или проспал на свое счастье?

Заспанный Евгений Осипович уже встал с постели и застегивал колонизаторские светлые шорты. Елена так и замерла: вот и что теперь будет?

Супруг же шорты застегнул и любезно жене улыбнулся:

— Ты знаешь, я — как пообщался здесь с людьми — стал ведь другим, — прямо сказал он. — Так что если тебе Рюрик нравится, даже не думай стесняться.

Жена не верила ушам...

Зеленоватые зарева на гребнистом горизонте случались и днем. Вся варна тогда усаживалась — не то медитировать, не то молиться, но кончалось все повальным общим сном. Только Елене в такие часы не дремалось да Рюрику, если дома был. (А то он, новый балованный брат «лунных зайцев», тоже взял моду — на вертолетах мотаться в поля.)

Вообще, возлюбленный ее по неведомой причине день ото дня все глуше замыкался и вечностью любовной реже баловал. Как-то,

когда после очередной отлучки вечером был он особенно царствен и мрачен, она — не вытерпев — спросила, почему такое?

— Ну, так... — плечом пожал нехотя. — Повоевать малость пришлось.

Зайцы носились с ним, точно с писаной торбой. Уверяли, что брат Рюрик в ранних жизнях был какой-то бог. Это Елена и без них отлично знала. Да для нее он богом оставался и теперь. И ее самолюбию очень польстило, что цену любимому кроме нее осознали многие.

В обширной замковой библиотеке, заставленной помимо шкафов с книгами еще и древними панцирями, чугунными английскими пушчонками и пирамидами копий, Елена с возлюбленным вместе и еще с двумя-тремя учителями азартно вращала сухие страницы трактатов и эпосов, скрипела пергаменами, выискивала по деяниям здешних богов — который из них Родион? Истинное имя ее счастья и славы каково? (Нынешнее, временное его имя она тоже приняла безоговорочно, сразу. Точно всегда чувствовала, что у ее верного друга должны быть тысячи имен.)

Параллельно тому сладкому поиску зайцы обучали своего подопечного множеству вещей. Елена могла о том только догадываться, но догадываться твердо. И все менее ее такое положение дел радовало. Во-первых, Рюрик-

Родион теперь все время ходил потный. Ну, это еще ладно — шлаки экстремально выходили. Но частые позолоченные капельки на нем держались просто неподвижно! После, значит, — на прогулках с нею по тропинкам вокруг замка, — он все время улетал вперед, и угнаться за ним не было возможности. (А ведь он не торопился и ногами едва перебирал.) На очередном повороте тропинки он ее, конечно, поджидал, но грустен был при том — хоть удавись.

И вообще день от дня — это в-третьих — ее любимый становился все грустнее... И когда по окнам начинало мазать изумрудно, он тоже — за компанию с хозяевами — носом начал клевать.

А тут еще зайцы пронюхали, что Рюрик и Елена до сих пор не возлегли вместе. Она узнала о тихом недоумении всей секты от Евгения Осиповича, тоже долго не имевшего понятия о пуританстве супруги.

И Рюрик надолго исчез. Муж сказал Елене, что для достойной встречи с ней ее возлюбленный проходит спецкурс, и сам с женою провел собеседование с пристрастием.

— А зачем? — недоумевала Елена. — Мне и так с ним ничего... И в мыслях нет. Когда я с ним, мне вообще ничего больше не надо.

А почему? — упрямылся муж. — Ведь разверзается же — сама говоришь — над сердцами

по цветку? Так эти цветы должны войти один в другой и разразиться неслыханным — третьим.

— Тебе хорошо рассуждать! — возмутилась наконец Елена. — А если там ничего не надо и не хочется?!.. Это ты, на меня только взглянешь, горишь. А там другое все совсем. Не заячьё... и уж тем более, не человечесьё.

— Тогда так, зайка, — думал сразу Евгений Осипович. — Ты, когда с ним, представляй на заправку меня! И вообще всех своих мужиков — до седьмого члена!.. Оно и пойдет. Сама Мать-Пракрити, государыня природа, поможет..

Елена подумала, что если и Рюрик получает сейчас подобные наставления, то дело, глядишь, и впрямь выгорит. И прощай тогда — легко и запросто — вся путаница, сор и сумбур, весь критский лабиринт ее жизни! Прощайте минотавры с телами от Аполлона, на каменных шеях которых оказывается в итоге бычья голова!.. До свидания и Евгений Осипович, сын бога торговли, душевный и прагматичный глупыш.

— Можно даже сделать так, — фантазировал муж, — что я начну, а он закончит...

Нет-нет, уж это лишнее.

II

Решительно, как в пропасть, Рюрик сделал шаг в ее новую комнату. Сделал еще шаг к

ней и движение рукой. Она горячо приняла его руку, угадывая, чем помочь — и любовь побежала по их поверхностям. И даже внятная эта дрожь не пособила нисколько.

Да что уж это?! Недужные они или родственники из индийского кино друг другу?.. Пора же «выговорить» связную любовь, упрочить связь!..

А Елена же знала, что надо теперь делать, что поможет им. Она невольно глянула на милого — и он тоже знал. Она проворно вспомнила несколько бредовых соблазнитель, но те были словно нарочно для этого сделаны. Здесь же все оказывалось не в пример страшней. Елена еще не перевела центр тяжести любви своей в низ тела, лишь чуть перенесла в низ лица, а Рюрик уже чуть не плакал. Обоим показалось вдруг, что — какими-то новыми безмозглыми Адамом и Евой — они стоят в преддверии великого и дьявольского безобразия. Только, видно, Адаму-то и Еве лучше было, а сейчас все, конец света... Сейчас настанет: распадется самый воздух до начальной довселенской кладки. Корявится уже ее лицо, его... И все изнутри и вокруг. Из них дышало уже друг на друга кислым тленом. Отовсюду — по всем зримым и незримым линиям — сводилась жизнь, летела смерть. Боги — прославленные и малоизвестные, наши и не наши — на лету

стреляли из самострелов и луков в свои ясные сердца. Диадемы, нимбы и тюрбаны, мягко падая, крутясь, соединялись где-то в черной пропасти... А над всем этим стоял всемогущий и бурный, надменный и зловонный — Рюрик. А еще на ветру небытия трепетала она — крошечная и даже не грешная, до того пустяшная.

Действительно, в комнате зачем-то еще обнимались два совершенно чужих и отделенных друг от друга человека — явно не бывших во вкусе друг друга. Это и спасло весь мир.

Рюрик, весь несчастный, заболевший, с простой испариной на лбу, отшвырнул прочь от себя любовницу и захлопнул свое жуткое обличье руками. Пошел, лбом стукнулся о стену, провезся по ней, туловом нашарил дверь. И все коленкой тыкал и плечом, не поддавалась дверь... Наконец сообразил — отворил за ручку на себя и вывалился вон.

Раздавленная и униженная, кинулась Елена на балкон. Под ним деревья и травы, стремглав уменьшаясь, бросались в радостную бездну, на дне бездны — на асфальте перед вертолетной площадкой — стояли игрушечные джип и самосвал. Из джипа вышел маленький, но самый настоящий Шихматов, за ним Евгений Осипович. Из грузо-

вика тоже выпрыгнули два человечка, заглушив предварительно мотор. И один из них встречающим индусам по-русски закричал:

— Здорово, братцы-кролики! Ну, не взыщите — придется перекантоваться тут у вас! Подремонтироваться надо! — Соотечественник широко размахивал руками. — Уснул, понимаешь, на трассе! Такая гадость примерещилась — ни приведи Бог!.. Вон чуть на друга не наехал! Хорошо еще кошку какую-то вначале сбили!.. Вот такенный ягуарище на фары налетел!

Шихматов увидал на балконе Елену и замер. Но тут же и бросился по ступенькам вверх.

Она так и повисла у радиофизика на шее. И целовала, целовала, перестать не могла. И его тело сразу ответило — светло и остро. Начала раздевать...

— Милая... родная... Не могу я, — в ней теорясь, бормотал он, сам то расстегивая, то застегивая свои пуговицы. — Понимаешь, я обет дал... Мне тут одно дело надо доделать...

— Хорошо, хорошо, — немного опомнилась и Елена. Отодвинулась и резко отошла, переводя дух. — Просто, как тебя увидела, совсем с ума сошла.

Шихматов застегнулся на все пуговицы и расхохотался так задорно и прозрачно, что

стало еще заметнее, какой он все-таки хороший и русский. У Елены сразу с души отлегло.

В честь новых гостей дан был в нижней зале обед — конечно, поскромнее, чем в честь Рюрика, но тоже пригожий.

Бас словоохотливого Петра на пиру произвольно заглушал все остальные голоса. Когда мелиоратор уставал ораторствовать или пил и ел, его подменял напарник Пашка. Но из их баек одно было ясно — что, не успевая до муссона добраться до города, мелиораторы повернули в горы. И горы их встретили поначалу хорошо. А вот на обратном пути такое им примстилось, что хоть всех святых из кабины выноси!..

— Испарения какие-то после дождя пошли! — уверенно известил Петр секту о причине неполадок со здешней природой. — Тут под землей газ! Так что эти горы все отравленные, я вам точно говорю! — страшал мелиоратор зайцев. — К этим горам даже близко людям жить нельзя!

Рюрик не выходил к обеду. Зато два пластыря — под глазом у одного раджавара и возле рта у другого — показались Елене как-то связанными с исчезновением любимого. Впрочем, главная-то причина его затворничества была абсолютно ясна. По меньшей мере не покажется дня два. А то и...

Но нет — опамятуется! Поймет, что и она отошла.

Она вдруг застыдилась всех, и мужа, и Шихматова, — ушла и села в самый темный уголок библиотеки. Издали поблескивала трофейная английская пушчонка и под глазастым пером восковая фигурка победителя пушчонки — какого-то раджи. Елене показалось в этих умных сумерках и тишине, что все неправильно и плохо, но в конце концов, в конце всех этих книг, библиотек... будет все очень хорошо. Ее вдруг заинтересовало — а что за книги скучают в этом темном тупичке, где она сидит? (Сюда в поисках кармического предка Рюрика они, следуя за своими гидами, ни разу и не заглянули.) Она вытянула с полки — с уровня своих коленей — наугад запыленную книжицу с девственно слеplенными страницами. Книжица та оказалась Евангелием...

Скрипнула дверь и слышались тихие шаги. По шагам тем она сразу поняла — плетется Рюрик. Он остановился у пушечки и горько глядел на блестящее жерло и деревянный лафет. Затем тихо сказал:

— Ну что же.

— Я здесь, — позвала она.

Он медленно подошел и произнес:

— Ты уж меня прости.

— Балда ты. Это ты меня прости... — Она взяла его руку — легкую, как будто полую и

серебряную. — Ведь простили же Марию Магдалину... Смотри, что я нашла.

В их закутке страшно уютно было, да темно. Он сходил, принес языческий подсвечник с широкой свечой, возжег ее и начал медленно и удивленно в Новый тот Завет втекать...

III

Каждая счастливая секта счастлива по-разному, а все несчастные несчастны одинаково.

Все смешалось в доме у раджваров. Половина их неприкасаемой прислуги от греха подальше отпросилась в город, а другая половина, возлегая по коврам в столовой, как замороженная, слушала проповедь Рюрика и не помышляла ни о чем ином. Там же сидели и мелиораторы, Елена и Шихматов. Сами Великие Зайцы хмуро теснились у входа — порою уходя из откровенной недоброжелательности (а может, по делам), но всегда возвращаясь, точно пристегнутые к дверям резиновыми поводками.

Рюрик, со щеками, покрытыми трехдневной щетиной, с распущенной по плечам косицей, в родной европейской одежде, сидел по центру зала и всем сообщал:

— Должно вам родиться от огня и духа. Ибо здесь вы рождены отчасти. Вот вы и

смотрите-то как бараны через тусклое стекло — гадательно. Даже что видите — не чувствуете. А рожденный от огня и духа, если и не видит, — чувствует. Слепцы, что мните вы себя собою? Никакие это и не вы. И все ваши дружбы и прелюбодеяния — не ваши. Кожу свою ведете в бой на огонь свой — оттого и сгораете в этом огне. И заживо горите, и по-смертно. А говорите — горе мне, попал в генну!.. Что вы кости называете собою? Не для того ли, чтобы все, что превыше костей, назвать пастью дьявольской? Или ради того, чтобы, в кожу свою нарядив Бога, его глупостью своей же разодрать? Чтобы увидеть только то, что вам смешно, а не страшно, через тусклое ваше кривое стекло?

Шихматов и Елена вполголоса, как могли, неприкасаемым переводили сразу проповедь с русского на английский. Когда же туземные слушатели начинали приметно одуревать или робко оглядываться на показывающихся в дверях хозяев, переводчики немного лукавили: повторяли вновь и вновь из первой проповеди, что в Царствии Божьем нет ни элина, ни иудея, ни воина, ни неприкасаемого. А также про то, что последние первыми там нарекутся. И прихожане снова воодушевлялись и судорожно напрягали внимание.

— Так я не понял, — спрашивал время от времени Петр. — Ты, значит, что — Бог?

— Ты сказал! — отвечал ему Рюрик бесстрастно. — И тут сказано, — приподнимал он томик Библии, что покоился в его руках, — «вы — боги»! А ты усомнился, малOVER!

— Ну, ладно, ладно, не ругайся, — примирился мелиоратор.

— Сказано, — Рюрик, проповедуя, еще долго смотрел на Петра, как бы одновременно еще отвечая ему. — «Люби и ближнего твоего, и врага твоего»! А я говорю вам — ненавидь и гоняй и ближнего, и врага твоего! Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо он насылает грозу и испытание на злых и добрых, правильных ваших и неправильных! Ибо если вы будете ласкать и проклинающих вас — отведете от себя их жало. Так какая вам за то награда? Обнимут вас, как обнимают фарисеев да штрейкбрехеров! Точно говорю вам, они уже получают награду свою!.. И если вы будете любить и ненавидящих вас, что особенного делаете? Не так же ли поступают и буддисты, и индийские язычники?.. Итак, ненавидьте и любящих вас — ради их же и Господней пользы. Ибо некогда сопливых уже целовать, и приблизилось Царство Небесное! И если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что имеешь что-то против брата твоего, оставь дар твой... и часы, и очки перед жертвенником, вернись и разругайся

с братом твоим, а тогда уж иди и неси дар твой. Ибо тогда перед Богом стоять будешь не в сне душевном и неге телесной, а в единственной правде своей... Ругайся и дерись с боготворящим тебя, бей восхищенного тобою и не бойся, чтобы он, к тебе переменившись, не растерзал тебя. Ибо так и сам очистишься от гордой скверны и всех суетных пут, и твой ближний увидит всю гадость свою, указанную без пощады тобою. Тогда-то вы с ним и родитесь от огня, и умрете от праха! Тогда-то...

Елена даяла от гордости и страха за любимого. Шихматов явного сочувствия пока не выражал, но слушал с большим интересом. Петр, морщась, пытался представить, как это он, к примеру, понесет на Пасху освятить кулич, и вдруг, положив его на паперти, отправится ругаться с соседом и начальником автоколонны... Нет, явно уже будет все не то, какой после этого праздник?..

Евгений Осипович отирался при дверях среди раджваров и вдруг, похоже, уполномоченный ими на что-то, пошел напрямик к Рюрику и, взяв у него Библию — будто посмотреть, уже не отдавал.

— Во-первых, ты здесь все законы нарушил, — во всеуслышание заявил коммерсант, листая книгу. — Здесь сказано как раз... ближних благотворить. Потом — вот: кто смотрит

на чужую женщину с вожделением, уже прелюбодействует с ней в сердце своем. А ты говорил с утра: кто и на свою жену с вожделением смотрит, тот же прелюбодей и подлежит Суду!.. Как так?!..

Рюрик тряхнул озаренной пламенем закатным головой, от лица отбрасывая прядь, и руки скрестил на груди:

— Заповеди эти даны были вам по жестокосердию вашему. Не нарушить закон я пришел, а исполнить...

Понемногу и сектанты втягивались в зал. Русский гуру Елены и один из зайцев подошли тоже к Рюрику и вполголоса заговорили с ним. Рюрик сначала только укоризненно покачивал в ответ головой, а потом гулко расхохотался, отмахиваясь маленькой кистью руки:

— Прочь, прочь, сатаноиды!

— Дурак ты, ваше благородие! — крикнул ему, отходя, и русский гуру. — Мы бы тебе весь мир отдали!..

— Давай! — Хохоча, Рюрик протянул издевательски ладонь вперед. Зелеными блестками легонько мазнуло по окнам.

— Да ты же ничему еще почти не научился! — заводился гуру, и зайцы-раджвары уверенно кивали в поддержку ему. — Даже толком левитацией не овладел!.. Хотя зачем это тебе, если ты Сын Божий? Прыгай в окно —

ангелы поймают!.. Да что там левитацией — бабой своей и то не овладел!

Рюрик буквально взвился с места. Он красен был с зеленым отблеском и слегка подвигал над ковром. Петр давно уже стоял и глядел с праведной злобой на гуру, а теперь и вовсе рукава закатал — дабы вступить за учителя и земляка.

Шихматов взял мелиоратора за плечи и от скандала увел на старинную лоджию. Откуда тому было знать, какие громы и молнии сейчас могли испепелить столовую и какой, в сущности, пустяк рядом с этими громами — пролетарские его кулаки?

На лоджии соотечественники закурили и посмотрели вдаль — Петр для успокоения, а Шихматов — вновь с отчаянной надеждой высматривая, не бродит ли в полях, прихрамывая, золотой гепард? Но гепард не брел, только зеленоватое сияние усиливалось там, где горы подходили к трассе. Петр опять загоревал и высказался насчет этой мороки с горами вполне ненормативно...

Краем глаза Шихматов заметил, что в зале, за ажурными прутьями окна, раджвары — где стояли, укладываются по коврам спать. Рюрик парил одиноко и раздраженно над ними, но у его оппонентов уже закрывались глаза. Зависнув над русским гуру, он постучал в стену пяткой рядом с его сонной головой.

— Да, да, да... — открыл глаза на секунду сектант. — Очень высоко, очень красиво... — похвалил он полетные качества Рюрика и голову положил на ковер.

Шихматов понял вдруг, на что похоже это повторяющееся и густеющее день ото дня сияние. Оно было подобно знакомому с детства сиянию конфетной фольги — от «Белочки» и «Мишки косолапого», одновременно тусклому и ослепляющему, кажется, сказочно проникающему в самый нерв зрачка.

Радиофизик давно хотел — в отсутствие учителя — проконсультироваться еще и у Рюрика насчет этой сказочной зелени, да тому было все недосуг.

В сердце Шихматов, видя нынешнюю конфронтацию Рюрика с варной, уже простил его за нелепую битву с Малышом и снова невольно относил Рюрика к своим союзникам. Проконсультироваться с ним в обязательном порядке следовало еще насчет одной забавной вещи.

А именно: Шихматов чуть не умер нынче утром.

После того как он пообнимался с Еленой и с трудом оторвался от нее, он — хоть и виду не показывал — долго не мог прийти в себя. Оставшись один в отведенной ему комнатке, он всеми силами призывал учителя Золотую Рыбку и бубнил вслух заветы его. Самым на-

сущным и тяжким заветом для ученика сейчас стало — ни за что не культивировать Шивалингам. Не склоняться перед ним! То бишь перед волею его.

Припоминая всю методику, Шихматов вспомнил и про свой «дивный сад», и как отбрасывать одним движением за горизонт чужое... И вдруг ощутил внутри легкость чудесную! Видно, та энергия, смекнул теоретик, что уже укручена и спрессована была нечаянно Еленой внизу его тела, упруго распрямляется в обратном направлении... Даже не в обратном, а в каком-то новом и неизвестном дотоле! Эта легчайшая пружина точно подбрасывала теоретика снизу, да еще и подтягивала уже откуда-то сверху!.. Теоретик явно становился легче воздуха!

Он прошелся по комнате — пробуя окончательно взлететь. Но его пяткам и носкам еще приходилось чуточку касаться пола. Эх, жаль, учителя не было рядом — он бы что-нибудь по делу присоветовал! И Шихматов снова понемногу разочарованно отяжелел... Но все-таки он чуть не взлетел! (Потому-то и не очень удивился потом, увидав полеты Рюрика.)

Радиофизик так разгулялся, что и заснуть этой ночью не мог. Ни о бабах и ни о чем ином, чему на сон грядущий привык подчиняться, и помыслить уже было нельзя. А все

то, о чем велел думать учитель, только бодрило — было облачно и сложно. Требовало и усердия, и ясности духа просто утренних.

Можно бы, конечно, и не спать, да выспаться-то надо было. Завтра дела, Евгений Осипович просил поучаствовать в деловых его переговорах с варной. А ты прибредешь, как индюк сонный...

И ведь засыпал же в детстве — не порочен, не свят — как-то?.. Тогда живородная какая-то сила была — и не чуял ее, а была. И от избытка своего дарила и покой и рост — легкая сила.

Шихматову на миг показалось, что это-то святой живород он сегодня для полета и обрел. И он попробовал его, растишку-живород этот, снова разлить по своей взрослой кости и по суставам — с цедающимися из суставов мышцами. Хоть Золотая Рыбка и не говорил, можно ли так, но...

И вот разлитые былые рост и мощь заново вер-р-рно р-р-раздвигали не поспевавшие за ними кости, хрящи...

Наконец-то — слава Богу, спать. Отрадно посмеиваясь, Шихматов закутывался поуютнее.

— Ничего ты не сделаешь ему. Или умрешь сам, — сказал дед с корзинкой малины в руке, окруженный индийскими милиционерами посреди рынка во сне.

— А наша поглядит, — скалясь, пообещал деду загорелый торговец в тюрбане и повел Шихматова через роняющую солнца просеку в невысокую водонапорную башню.

Там они поднялись медленно под купол — не по лестницам, а просто — между них, по воздушному столбу пролета.

— Так что зря твоя мою пугала, — смеясь, продолжил здесь восточный торговец свой темный разговор. — Вот и скинула моя всю твою голову. И нечего не была нам.

При этих словах купец действительно выхватил откуда-то белый мясницкий тесак и брызнул им Шихматова по шее. Но только сделал это, как вместе с туловищем теоретика полетел с высоты вниз.

— Ай! Вай-вай-вай! — притворно вопил торгаш — видно, вечно в ироническом настрое пребывавший.

— Ага, — рассудил оставшейся с ним на высоте головой Шихматов. — Значит, дед был прав. Мне ничего, а этому...

И тут, как с горы, хлынул будто из-под земли под свод ветер. Жуткий и чистый. И с ветром тем что-то новое — невыразимо властное — подкатило Шихматову под освобожденное горло.

— Вот, вот, вот... — забормотал он, смутно узнавая это.

Похоже было на последний, лучший миг любви. Но тогда, при любви, просто какая-то мгновенная сила проходила сквозь все существо теоретика — опоясанная, как мерцающим плащом, всей радостной телесностью его. Эта пристрастная сила, просквозив затылок, летела уступами вниз — попутно утешив неслыханно и вывернув человека наизнанку... И улетала, оборвав с Шихматова тот драгоценный плащ неведомо куда. Теперь же... он вдруг сам стал этой родимой силой — дающей кому-то блаженство, усладу.

Как он это понял, потом уже не понимал. Это его открытие заняло буквально полсекунды. А в следующие полсекунды горный катящийся на него ветер вдруг начал делить все пространство перед Шихматовым на выбрасывающиеся в свою очередь друг из друга квадраты и крестики. Грань одного из них пришлась поперек телепающегося внизу багдадского купца — полоснула его от паха до плеча. Торговец взвизгнул — не поймешь уже, обманно или впрямь, — в восхищенном необъятном ужасе.

И тут дохлынуло, докатилось, дорезало, допрыгало и до Шихматова. (Или это — та сила сексуального блаженства, которой он был, взмыла до своего рубежа и растреснулась на кубики и конусы?) В первый миг он был в каждом из них. Всюду и в каждом, любом, где

угодно. Во второй миг и багдадец, и остатки башенки напрочь погибли. А в третий — он, Шихматов, уже не был нигде.

Он понял только, что давно проснулся и увидел ясно сбоку — прислонившегося к поставленной стоймя постели — себя. В себе же себя уже не было. Тело, в котором он уснул часа два назад, было цело и даже красиво, как остановленная механическая кукла, но совершенно пусто и мертво.

Это «боковое» видение разом исчезло, когда бешено пожелалось дышать.

Теоретик хотел напрячь спешно все мускулы, как тогда Малыш, чтобы хоть как-то оживиться и вздохнуть... Но он не знал, где напрягать: у него уже не было мышц и жил. Усилие его не находило опоры — даже не мечась в воздухе, как в плотном каменном мешке.

Но он еще был. Точно в клочке прелюбодейной теплоты, хоть теплоты этой почти не чувствовал. Поскольку ни чувствовать, ни понимать негде уже. Нечем помнить. Видеть некому. И даже ужаснуться уже не было возможности.

Все?

— А я думал, малина уже отошла, — просквозил чей-то голос.

— У меня она долго держится, — голос деда.

— Ох хороша... Да, действительно, живого подсунули. Когда это было такое? Надо же, не того схватил...

Шихматов задышал и еще раз проснулся — в возвращенном ему теле. Кровать все-таки стояла не на спинке, а на ножках. И он не прислонен был к ней, а просто лежал. (Это теоретик как-то неправильно сбоку тогда посмотрел.) Его человеческая поверхность оказалась теперь зыбкой и горяча была, знойна даже, но абсолютно суха и... Уже неродная как будто.

И везде — в горле, на языке и на темных над светящей простыней его ладонях — мерцал привкус оргазма, не Шихматовым испытанного. Кажется, эта же последняя любовная сила и возвратила теоретика, и неловко рассовала по всем прежним членам его тела. И вот теперь привкус силы той — солоно-сладкий, безговатый, раньше стыдливо ощущаемый на краю постельных битв только миг, — прочно обосновался по всему телу Шихматова. И этот привкус, призрак, погасавший медленно, не допускал даже представить, что все это — дедушка, багдадец, кубиковое рассыпание... — только наснилось, не давал права отменить эту ночь лучам утренней яви. Явственно напоминал, как только что один из земной частой, беззаботно недрожжащей твари умирал.

Шихматов, чтобы совсем раздышаться, поприседал в своей спальне на ковре. Сделал несколько наклонов, помахал руками... А все что-то давило в груди. Он сел на лодыжки — молиться.

Странен стоял вокруг раджварский дворец — как деревенский дом в детстве. Родина словно веяла Шихматову сквозь весь этот чудной мемориал. И над дедушкиной, и над бабушкиной кроватью там висело по такому же персидскому ковру, как здесь стлались на пол. На улице Шихматов пристальнее посмотрел сейчас на корни кедров, лепящихся мужественно по крутому склону. И тогда, в первые теоретика годы, все ближние корни деревьев были похожи на бестрепетные радостные вены дедушкиных дланей. От них Шихматов, незаметно отрываясь, возрастал... И тогда, как в час после наведавшейся к нему смерти, корни мерцали тоже с рябиной.

Но странный тот посмертный час прошел — и от него осталось только чувство своей полной непригодности для здешней духовной жизни.

Шихматов походил, походил вокруг Рюрика — стараясь улучшить миг и потихоньку рассказать ему о своем сне, перешедшем в смерть, да так и плюнул. Рассказ мог получиться долгим, а у Рюрика определенно наблюдался дефицит свободного времени.

А вкратце как сказать? Мол, мне приснилось, что я в чем-то шивалинге — небольшом таком, как водонапорная башня. И, мол, чуть здесь не умер, а там где-то не родился... Смех, да и только.

Впрочем, смех смехом, а мелиораторы вечером ему сказали, что видели, как с заднего крыльца сектанты выносили одного покойника — в растрепанном тюрбане, с застывшей навечно иронической ухмылкой на лице. Теоретик содрогнулся...

Он решился переговорить с Вадимом Свами. (Елена довела до сведения друга, что Свами этот — земляк и ее московский педагог.) Шихматов повел разговор с земляком издалика — прежде всего поинтересовался общими целями раджваров. Вадим с готовностью отвечал, что цели исключительно все бескорыстные и стратегические. В том плане, что дальние цели. С ними можно не спешить. Пока и так все хорошо. Изобильна Индия-страна и лесом, и пустыней, и горами. И зверьем, и людом. Божеством богата. Только одно худо. Порядка в ней лишь нет. «Не счесть алмазов в каменных пещерах», но не счесть и вер, и сект. Поэтому мечта наша — о национальном единстве. Кстати, при этом, дабы никому из сект и каст обидно не было, верховную власть следует вручить не своему, а призвать и воспитать варяга. Вот из этой-то мечты исходя, мы...

— Ведь врешь, — решил идти ва-банк Шихматов. — Знаю я ваши мечты. На меньшее, чем объединение земного шара, вы и не согласны!..

Московский гуру обладал недюжинным самообладанием. Ни на один духовный миллиграмм не изменился он в лице.

— А это, кстати, дело демоническое! — разволновался сам Шихматов, словно теряя под собой опору. — Объединение такое (по христианству считается так) совпадет с пришествием Антихриста, который это дело и возглавит!

— Ты, что ли, православный? — тут только перекосялся гуру.

— Православный не православный, — мотнул головой теоретик, — а вот встанет во главе этого общего мира какой-нибудь дракон, так все — кранты. От него за границу уже не уедешь. Разве только в космос улетишь.

— Все правильно, — кивнул Вадим Свами. — Так уж лучше мы сами возглавим.

Он еще раз вежливо, как на конгрессе, кивнул. И на этой «оптимистической ноте» ловко прервав разговор, отошел...

IV

Петр уже после скандала Рюрика с Великими Зайцами открыто занервничал — много

курил и говорил, что не останется здесь ни одной минуты, пусть только привезут из города запчастки к МАЗу, заказанные по телефону. Пашка, напротив, продолжал охотно посещать лекции Рюрика и в одночасье даже бросил курить.

Шихматов изредка, чтобы особенно не беспокоить выздоравливающего друга, звонил на мобильник Малышу. Хоть у того было все в порядке. Казак выпивал по утрам по наперстку молока, а затем сутки героически ничего не пил и не ел ничего сочного. Дело у него шло явно на поправку...

Но противостояние «зайцев» и нового их бога усиливалось. Во всем пространстве замка прочитывалось сдавленное и сухое напряжение — как перед грозой... К вечеру от вечера все нарастало горное конфетное сияние, все резче погружавшее в нервно-паралитическое безвременье «зайцев». Хоть это было хорошо и — пусть на время — как-то стабилизировало обстановку.

Но вот однажды от далекого того сияния снизу отделилась густейшего изумруда капля и поползла к их скале по дороге. Первым каплю заметил Петр, потому что он много курил — то на балконе, то на самом утесе возле окон первого этажа здания. Капля та двигалась безостановочно и ровно — даже не думая с шоссе сползать в тот или иной кювет... И ко-

гда она подошла метров так на пятьсот, стало заметно, что шириною она от обочины и до обочины и что там, где капля идет, шоссе проваливается метров на пять в глубину. И на глубине той сквозь каплю видна совершенно другая земная дорога.

— Атаc! — возопил Петр и ринулся спасать свою машину, аккурат стоявшую у ядовитой капли на пути. Но то ли водитель перенервничал, то ли МАЗ и впрямь дополз до обители раджваров на последнем издыхании, но Петр грузовик свой так и не сумел завести.

— Уходи! Уходи оттуда! — заорали ему земляки со скалы. И мелиоратор выбросился из неживой машины.

Зато капляща выглядела вполне живой. Подойдя к МАЗу, она приостановилась, а затем прошла его насквозь и остановилась под сектантской скалой вновь, только чуть озаряя машину Петра своим краем.

Елена подала Шихматову старый английский бинокль, выхваченный ею из «боевых трофеев» замковой библиотеки. И в замечательный бинокль тот глянув, радиофизик понял, что капляща вся сделана из блестящих изумрудных пирамидок — чуть подрагивавших на весу. Кстати, и без бинокля хорошо было видно, что шоссе позади капли мгновенно восстанавливается, только делается как-то чище и свежей. (Шихматов почему-то

вспомнил, что и Малыш, возвращаясь из рокового своего роя, тоже выглядел очень свежо.)

Радиофизик, сам застыв на смотровой площадке, азартными и чуткими пальцами «по волоску» наводил линзы бинокля на резкость. В прозрачных невесомых пирамидках уже угадывался, таким образом, прозрачный караван. И остановленные отдохнуть верблюды, и слезшие с них люди должны были продолжаться в обе стороны шоссе, да там уже кончалась капля. Видимо, она, подобно телеэкрану, внешнему наблюдателю показывала лишь фрагмент тамошнего караванного пространства. Своими одеяниями и верблюды, и погонщики почти не отличались от современных Шихматову верблюдов и индусов в пройденных им деревнях. Вроде те же запыленные углатые узоры покрывал, те же переметные котомки, тюрбаны и перышки... Но при этом совершенно ясно было (и совершенно непонятно, откуда эта ясность приходила), что караван этот ужасно древен и бредет уже не первую и не вторую сотню лет.

Погонщики поили верблюдов и сами что-то пили и жевали, развернув котомки, и не обращали ни малейшего внимания ни на здание в скалах, ни на ближний грузовик. Но неожиданно Шихматов разглядел, что один из них, полуголый и невыносимо худой, не

столь зелен и прозрачен, как его попутчики. Один он обладал поблескивающим под солнцем на плечах и лысине загаром, стоял чуть в сторонке от всех и... зримо опирался на кабину МАЗа.

А еще он, вне всякого сомнения, смотрел на их здание в скале.

Петр уже выкручивал у Шихматова бинокль. Все-таки речь шла о его машине, оказавшейся в дурном соседстве. (Впрочем, все видели, что при прохождении капли сквозь автомобиль тяжеленный МАЗ подвис на воздухе над размывшимся под ним асфальтом, сам на миг размылся, но затем — позади изумрудного недруга — опустился на ту же дорогу.)

Когда теоретик всем указал этого непрозрачного, который явно видит их, все еще более заволновались... Хотя нет, не все. Рюрик изначально хранил олимпийское спокойствие. Он даже и английского бинокля не просил. И в конце концов сказал, что и так поглядит, что там творится.

Елена в тревоге взяла милого за руку, а отпустила его руку, когда возлюбленный был уже в воздухе.

Словно демон среди бела дня, Рюрик пошел над сломом скал и обрывающейся нивой тсуги — приближаясь сверху к светящейся капле. Петр закрестился было, впервые увидев

такое, но тут же Шихматов ему запретил. Мало ли что? — а человек в воздухе.

Зависнув над каплей, весь обдаваясь сказочным конфетным светом, Рюрик смотрел в ее глубь. Затем он попробовал даже потрогать саму пирамидчатую гушу, но отдернул руку, как кот лапу от горячей сковородки. Издали казалось, что он сам плашмя лежит на капле. Только в бинокль было видно, что он не касается ее. (Здесь радиопизик пожалел, что не искал в замке какого-нибудь, пусть самого старенького амперметра. Рюрик, вооруженный им, мог бы хоть что-то, для науки маломальски ценное, сказать.)

Теперь смотрела в бинокль лишь Елена. Ни ученый, ни хозяин своего автомобиля не смели оптический прибор у нее отбирать. Но Елена им рассказывала все, что видела.

А видела она вот что.

Верблюды волновались и шарахались. Ловя их за поводья и молотя беззвучно палками, караванщики их умиряли.

А лысый тот и Рюрик обменивались любезными улыбками. Наконец и прочие погонщики сообразили, что их брат куда-то смотрит. Все они глянули в том направлении и, судя по всему, различили парящий над их воздухом человеческий силуэт... Изумрудные погонщики беззвучно, только напряженно двигая губами, что-то закричали и повали-

лись все ниц. А тот худой и лысый, ладонями как-то разогнав над собой все пирамидки, сделался обычнейшим индийским стариком. И этот обычнейший лысый старик — это уже видели и невооруженным глазом все — поднялся в небо к Рюрику и там поздоровался за руку с ним.

После этого древний зеленоватый экран начал медленно гаснуть. Весь изумруд свернулся в маленькую точку, как бывает, когда сядет кинескоп, и наверно выключился окончательно.

А лысый старик и Рюрик, вея красиво полами своих свободных одежд, прилетели рука об руку к русским друзьям на их смотровую площадку.

Да, память у радиофизика была уже не та. Только теперь, после отлета этого старика от своего каравана, Шихматов хлопнул себя по лбу. Ведь учитель говорил ему о добрых мертвецах в дальних Кошачьих пещерах и о том, что, входя в свое прежнее тело, души мертвецов подтягивают ненадолго к себе и прежнее пространство.

Петр, едва зеленая каплища смерклась, так перекрестился и бросился к машине. Вскоре и в самых дальних комнатках обители стал слышен его восторженный цветистый перемат. МАЗ сделался новый! И двигатель — чистый и смазанный, только с заво-

да! Даже и соляры не залито! Петр немедленно повелел Пашке отсюда собираться, а сам с пустыми канистрами побежал к вертолетной площадке — слить хоть какого топлива, пока секта спит.

Прилетевший с Рюриком живой мертвец говорил попервости только на древнеиндийском. Но присмотрелся своим острым, отчетливо орлиным оком к новым собеседникам, после помолчал, поприслушался к окрестному говору ушами с длинными сухими мочками и вдруг по-русски попросил поесть.

Кинулись искать ему еды. И ничего вдруг ни на кухне, ни в столовой не нашли. Проснувшийся русский гуру, сладко потягиваясь, посмотрел на Рюрика, роющегося в буфете, и сказал злорадно:

— Что, сын Божий, кушать хочца? Так ведь половина поваров от твоих речей сбежала, а другая половина слушает тебя разиня рот! Им теперь и хлеба привезти нам некогда!..

Рюрик в раздражении бросал из буфета на пол закаменевшие старые булки и плесенью покрывшиеся караваи.

— Ну, ну, ну! — хохотал, на ковре сидя, гуру. — Ты ж сын Божий?!.. Можешь превратить эти камешки опять в хлеб!..

— А это ведь мысль, сатана! — приостановился Рюрик. Он взял каменный ржаной ка-

равай и еще раз слетал к МАЗу, возле которого еще догорал зеленый мячик в воздухе. Быстро окунул, держа за краешек, свой камень в мячик. Вытянул, перехватил, еще макнул... И доставил старику горячий свежесвеженный каравай.

Покушав современной пищи, улучшенной при помощи остатков своего сквозременного концентрата, дорогой гость развеселился. Он прошелся по столовой, плюнул в русского гуру — причем попал ему прямо в глаз, и гуру куда-то поспешно отполз.

Великие Зайцы еще не просыпались. Древний индеец похаживал среди них по коврам и весело попинывал в бока задубевшими босыми пятками. Да приговаривал:

— Что? Повебежали из вас черти?.. Вот и валяйтесь теперь, ересиархи, скоты!..

Да прибавлял еще несколько крепчайших, по-видимому, выражений на индийском.

— Перебудили всех, мать вашу, — переходил он сразу же на русский — видимо, из вежливости перед аудиторией. — Да уж теперь вашей возне и ереси конец!

Но помалу потревоженные «ересиархи» начинали просыпаться.

— Ай, ай, ай, — прищурился старик и заговорил с очнувшимися на индийском — тоном смертоносным.

Зайцы-раджвары ползком сбились понемногу в кучу, и старик загнал их в дальний угол. Последним проснулся и отполз ко всем Евгений Осипович.

— Ну, что нам с ними сделать? — посоветовался, добродушно щурясь, старый брахман с Рюриком.

— Да что ж? — улыбнулся задумчиво Рюрик и руками оперся на ремешок шорт. — В какую-нибудь заячью стаю их впустить, да и пусть сбросятся... на свою Луну.

— Ну, ты это по-божески! — засмеялся старик. — По христиански, — заметил он, по-серьезнев. — Так что, — прикрикнул он на своих земляков, — пожалуй, что ли, вас?! Инкарнировать в зайцев?!

Раджвары, точно дар речи потеряв, только переглядывались, старику чуть кивали. За окнами внизу взревел мотор МАЗа — видно, мелиораторы залили-таки полный бак сектантского горючего и сматывались от греха подалее...

— Ну! Ищите себе все по зайцу! — крикнул древний йогин. — Ату! — хлопнул в ладоши. — Где лес, сами видите!

Сектанты затолкались к выходу, протискивались и пихались.

— Будете знать, как силами Небес торговать! — ходил по свободному месту из угла в угол Рюрик и, вместе стиснув кисти рук, с

трудом удерживался, чтобы пинками не помочь изгоняемым раджварам. — Устроили себе тут вертеп мафиозный!..

Гул МАЗа отдалялся, затихал.

В ставшем неожиданно просторным замке все русские и остатние индусы (из слуг, еще не одержимых демонами) ходили за Саниасином (так добрый брахман назвался) по пятам и каждый, о чем мог, расспрашивал.

— Дедушка Анисий! — так звала его Елена, ей он именно так и представился. — Дедушка, а почему дрессировщики верблюдов пали ниц, когда Рюрик к ним подлетел? — горячо спрашивала она, желая от пришельца из древности получить безупречное подтверждение божественной природы любимого.

— Потому что, дочка, думали, что это бог, — смеялся брахман Анисий. — Вот так и рождаются у древних сказания о взятых на небо! О войнах и содружествах богов!.. Да шучу, шучу я, дочка. По вселенной и взаправду всякое бывает, да люди доброго земного каравана этого не видят.

— Учитель! — нечаянно вдруг вспомнила Елена. — А почему Евгений Осипович в лес вместе с зайцами ушел?!

— Евгений Осипович? — не понял старик.

Шихматов все надеялся, отведя брахмана с сторону, спросить, не ведомо ли тому что-то

о его, Шихматова, учителя — отлетевшем от Петрова МАЗа и как в воду канувшем.

И Саниасин вскоре заметил значительность его ожидания. Взял теоретика под руку и, извинившись перед остальными, отвел на несколько шагов. Там с глазу на глаз он внимательно выслушал историю о том, как учитель Золотая Рыбка под видом необгонимого гепарда попал в аварию и как его ученик с мелиораторами прочесали на сто метров назад и вперед оба кювета, но ни подбитого гепарда, ни рикши-велосипедиста не нашли.

— Золотая Рыбка?.. Это он так представился? — уже с догадкой переспросил старый брахман. — Да, да — на него это похоже...

Старик вдруг проникся великим почтением к Шихматову, ученику самого...

— Обошлось, обошлось, — поспешил успокоить он сразу. — Почти обошлось. Мы его положили в больницу, в Пахтонг. Небольшое сотрясение, перелом шейки бедра и плечевой кости... В общем, ничего особо страшного. Учитель твой и не в таких переделках бывал.

— Какой номер больницы? — спросил сразу Шихматов.

— Ой, дай Бог памяти... — затруднился старик. — То ли один, то ли два... А может, и третья?.. Да там всего их три больницы. На номера-то мы обычно не глядим.

— Ладно, найду.

— Найдешь, найдешь. Действительно, давай-ка дуй сейчас к нему. Как-никак твой учитель...

— Ах ты! Мелиораторы как раз поехали! — зашелся в досаде Шихматов.

Древний йогин тоже с неудовольствием взглянул на почти бесполезные ноги смертного:

— Ну ничего. До перекрестка как-нибудь дойдешь — недалеко же тут. А там на попутку сядешь...

Шихматов побежал к себе в комнату за сумкой. Когда он выходил, старик уже общался с Рюриком. Теоретик задержался в дверях зала, прислушавшись.

— Это все и забавно, и верно, сынок, — говорил Саниасин, — и про огонь наш, и про ненависть к ближнему... Только для чего все это? Чего же в итоге ты хочешь?

— Спасти весь мир! — не полез в карман за словом Рюрик.

— Да зачем? — улыбался и не понимал старик. — Этот земной мир — хоть люби его, хоть ненавидь — обречен. Потому что раздроблен, расколот. Ты хочешь освободить всех и к Небу приблизить — и дальних, и ближних? А для чего? Чем обширнее и богаче развернется мир, тем больше в нем будет страданий. Войны между богами — страшнейшие войны. Бывали и холодные они, и кровавые... Смерти богов

— смерти страшнейшие. Штука не в том, чтобы развернуть пошире мир, а в том, чтобы безболезненно вокруг себя свернуть его. Тут и твое спасение. Ты людей ненавидишь для любви к ним и этим уходишь в людей. Для чего? У тебя для этого есть ты. Все равно ты не полюбишь людей так, чтобы они не обиделись. А не обидятся — так им же хуже. Пойдут по дорожке твоей — раздробятся сильнее. И ослабнут — распылятся, и усилятся — расколются. Вспомни, что говорят Упанишады: «В начале было только одно без второго». Нам не следует возиться с этим миром отдельностей. Пусть крутится себе по снам колеса страданий да любитесь такой своей гармонией. А нам следует жить только тем — что «одно без второго». Хоть у своей ученицы спроси. Неба единый огород, при нем ученица-красавица, что мужчине еще нужно, чтобы спокойно встретить старость Мира?.. Уж ты поверь мне, сынок, не первую тысячу лет живу...

Старец Саниасин улыбнулся и счастливо вздохнул.

— Не тебе я сынок, — выговорил отчетливо Рюрик.

V

На чуждом топливе мелиораторы дотянули лишь до поворота. Там Петр принялся чи-

стить движок, а Пашка просить вспоможения у проходящих дизелей. Но таковых почти не наблюдалось. Да и никаких на трассе почти не было машин.

К счастью, проезжавший на попутном джипе-ренглере Шихматов попросил своего водителя притормозить и убедил его, предприимчивого янки, искавшего в этих горах мумиё, поделиться с аборигенами дизельным топливом. Затем Шихматов со своим мумиё-искателем ушел в отрыв, а Петр с Павлом легко намотали километров двадцать и... встали окончательно.

Петр предчувствовал заранее, что на этот раз с его новой машиной стрясется. А именно то, что с ней и стряслось через час по ее получении по накладным семнадцать лет назад. Заклинило задний мост — худой редуктор полетел. И так сказать, «здесь вам не тут». Найти годную шестеренку на степной дороге или в пышных джунглях не было уже ни малейшей возможности.

Мелиораторы решили разделиться. Один останется сторожить самосвал, второй доберется до города... Но попутки вовсе сгнули, и Петр решил двинуться пешим вперед — памятуя о том, что чем ближе к городу, тем путь автомобильнее.

— Сумасшедшим еще не сезон, — рассудил он. — А кто кроме них в эти горы попрется?

Он по карманам рассовал кое-какой сухой паек, взял общую их с Пашей усеченную двустволку, несколько остатних патронов и быстро ушел от МАЗа по горячему землястому асфальту. Павел прощально посигналил ему издали. Наверное, махал над кабиной рукой, но попусту Петр уже не оборачивался.

В серой от солнца саванне царило безветрие.

К шоссе подходили то там, то тут стайки тоскливых гиен — в поисках раненых или мертвых водителей в разбитых машинах. Петр, сберегая патроны, только грозил мародерам обрезом, и те отходили понимая.

Одна, видимо, самая жадная и по-волчьи сплоченная стая из десяти зверей, пошла вдоль шоссе все же за ним. Но Петр, прямо в глаза широкогрудому вожаку глядя, обматерил его с такой энергетикой, что вожак пристыл на месте и, вдруг уведя нервно взгляд, понесся прочь по травянистым кочкам. За ним поспешили и все десятеро его подчиненных.

Догорал ровный и радостный индийский закат — сегодня без малейшей зелени. Тени дальних растений зачеркали трассу, а ни одной попутной (а равно и встречной) машины не слышалось. Петр, как ни вымотался уже, прибавил шаг. Но солнце завалилось-таки за

области гор по правую руку, и эти правые горы окончательно катнули мир в ночь.

Но тут же все небо овеяли мягкие звезды, и у мелиоратора точно открылось второе дыхание. Он видел теперь в ночи довольно далеко — успокоился, взвел оба курка на двустволке и, стараясь ступать побесшумнее, двигался вперед — проголодавшийся и легкий как тень.

С тихим воздушным шорохом невдалеке пронеслась крупная птица. (Петр от неожиданности чуть не выстрелил, отшатнувшись с дороги.) Похоже на то, что это гриф, паря, шел на снижение. При свете звезд спереди у грифа что-то тверденько поблескивало. И хоть естественно было предположить, что гриф несет в клюве что-то блестящее, Петру сдуру подумалось, что гриф — в каске или просто лысый. Обругав себя за эдакую мозговую слабость, мелиоратор хотел закурить, но нельзя было светиться в ночных диких полях. Он только посидел немного на шоссе, скрестив по-турецки ноги, — догрыз имевшиеся по карманам сухарик да несколько кофейных зерен и, приметно ободрившись, двинулся дальше.

Вскоре он догадался разуться. Напеченный солнцем за день ровнехонький английский асфальт давно остыл и не жег пятки. Петр понес босоножки, стершие шиколотки до крови, в руках и радовался, что для всей

звероватой окрестности неслышен уже совершенно.

Через полчаса ходьбы пятки его все же загорелись, зато он отлично различил на дороге впереди металлический блеск неподвижных машин. Мелиоратор едва не заорал от радости. Только глубокий рефлекс осторожности, выработанный годами жизни в разнообразных безлюдьях, заставил с восторгами повременить.

Скоро Петр понял, что машины эти — вертолеты, севшие прямо на шоссе. Вертолетов было штуки три, и присели они здесь, очевидно, давненько — судя по тому, что путник не слышал и отдаленного их рокота. Две боевые заячьи «Акулы» и, кажется, Ми-восьмой.

Отчасти разочарованный, с некоторых пор начавший относиться к здешним летным службам очень скверно, Петр почесал затыльником ружья щеку... И спустился бочком в неглубокий кювет, во тьму травную и тварную.

Он приближался к вертолетам крайне медленно. Того требовала полная бесшумность приближения, соблюсти которую в ночном кустарнике оказалось весьма сложно. Петр боялся, что «Акулы» вдруг зафыркают и канут в ночь. Но вешее его подсказывало ему, что в свете последних событий сторожиться еще много чего нужно.

Возле машин теснились и приглушенно судачили люди — и в турбанах, и простоволосые. Под сияющей лопастью «Акулы», под звездами поблескивала и лысина явившегося из зеленой капли колдуна. Рядом с ним стоял русский гуру из замка на скале и еще пара знакомых Петру наскальных зайцев. Все остальные были незнакомы.

Мелиоратор по кюветному баньяну крался ближе, высматривая — нет ли среди полуночников Рюрика. Петр в дороге уже почему-то скучал по нему, а теперь вдруг до тоски соскучился. Так уныло без Рюрика смотрелись эти чудодеи — со всей их вертолетной мощью и личными безмоторными полетами...

Петр все же прислушался к ихговору, тем более что заговорили вдруг по-русски — наверно, ради Ленкиного гуру, а может, и еще кого.

— Нет-нет, — как раз возвысил голос лысый старец, — путаница в его голове не столь уж полная. Многое он понимает очень верно.

— А тем хуже, — соглашался русский заяц. — Махариши Саниасин, будь этот человек индийцем и возрастай изначально в лоне какой-либо секты, не было бы повода тревожиться. Но он — русский. Так что желает спасти целый мир. И ведь на меньшее, стервец, не согласен...

— Да, да, да... — с задумчивой улыбкой пошевелил бороду перстами Саниасин.

— Мира же он не спасет, он мир погубит.

— Да мир и так погибнет, — спокойно возразил Саниасин.

— Он достанет нас во всех мирах, — настаивал русский. — Вам же первому и помешает. Мы-то что?.. Мы, конечно, тоже причинили некоторые неудобства... Но я ведь уже пояснял — почему. Не имея высочайшего духовного наставника, немудрено заблудиться. Но теперь, если великий садху махариши Шри Саниасин примет нас под свое крыло, любое заблуждение станет просто невозможно.

«Поджопник», — тихо еплюнул в кустах Петр. Крутому ведьмаку столь лестный поворот дела, видно, тоже не совсем понравился.

— А то мне без вас делать нечего, — хмыкнул Саниасин и снова принялся выщипывать какой-то мусор из свалявшейся за столько веков бороды. — Пока меня тут не было, столько делов набралось — лопатой не перекидаешь...

— Конечно, конечно... Я хотел сказать, вы просто могли бы... совсем изредка... курить нас, а мы, в свою очередь, обещаем... В конце концов, все мы понимаем друг друга... А он — нет. С ним уже не сговориться. Он именно — самая крупная наша ошибка.

— Научили зайцы волка грамоте, — засмеялся весело Саниасин.

По тюрбанным рядам прошел ропот. Явно шутка старца всех задела за живое. Один раджвар — за неимением врага под рукой — схватил ближайшего собрата за грудки и заругался по-индийски. А потом и по-русски сказал кое-как:

— Сказал я вам — не делать это?! Асур есть! Харош мандалы с нас!.. Сначала — тот из иудей! А вот вам и русский свиния!.. Сколько знанием их не карми — в джунгли смотрят! Чужие они нам, чужие!..

Сзади Петра хрустнула веточка. Вмиг охолонув сердцем, мелиоратор бесшумно оглянулся, да не сразу высмотрел, в чем дело. Но понемногу сквозь тьму трав и лунные решетки кустов разглядел соотечественника. Русский коммерсант Евгений Осипович так же, как Петр, прятался на обочине. Петра, судя по всему, он не видел, зато тоже внимательно слушал, о чем держат совет у вертолетов на трассе. Мелиоратор хотел перебраться к нему, да нельзя было пока шуметь. К тому же следовало слушать...

— Не знаю, я бы отпустил его, — на шоссе впервые загрузил Саниасин.

— Вы еще его плохо знаете, — снова вступил русский гуру. — Это психически ненормальный человек. Мы поздно поняли. Он же

служил в Советской армии, потом воевал где-то в Карпатах. Для психики современного мальчишки такое даром не проходит... Так что это существо — как Бог — непредсказуемо. Знания, что нами Рюрику даны, да при его талантах — жутковатое оружие. Мина-«лягушка». Давишь — жив, отпустил — все взлетело на воздух. Ладно бы он только тут проповедывал. У нас-то ко всему привыкли. Так его же понесет в Россию, А то и...

— Ладно, — перебил его Саниасин. Он вдруг заговорил грудным и молодым ледяным голосом, бросил ковыряться в бороде и отряс мусор столетий с ладоней. — Отдаю его вам. Но помните, божьи зайцы, что при следующей вашей оплошке вам припомнится и эта!

Сектанты пали на асфальт. Петр в тоске стиснул стебель бегонии, и удушливый бутон упал ему прямо тычинками в нос. Мелиоратор зажал рот и нос босоножками — все силы напрягая, дабы не чихнуть, и только атласные слезы выпускал на щеки.

— И как вы его хотите брать? — поинтересовался махариши. — Да со мной не лукавьте. Я насквозь вас вижу.

Ленкин бывший гуру поднялся отвечать:

— Пред тобою, совершеннейший цветок веков, не слукавлю вовек!.. Мы действительно составили один план, пока здесь тебя ожидали. Наш план таков. Ни Рюрик, ни его под-

ручные не знают из прочих филиалов варны никого. И они там сейчас ждут кое-какие... Не знаю, как тебе это пояснить, о мудрейший из мудрых... В общем, запчасти для грузовика.

— Ну понял, понял, — сердито кивнул Саниасин.

— Я сам слышал, как они заказывали их по...

— Ну, по телефону, — кивнул вновь древний телепат.

Гуру склонил голову в знак величайшего почтения перед великим знанием мудрейшего — легко охватывающим все времена.

— Так вот. На рассвете наши воины из Кашмира и Бенгалии, пришедшие помочь нам, к ним и постучат. Ну, эти карбюраторы как будто привезли...

— Но ведь ваши кашмирские братья тоже не знают, кто из нынешних хозяев замка — «богочеловек»? — здраво помыслил мудрейший. — А если не накрыть его мгновенно и он первым их раскусит, то... Сами знаете, какой вами воспитан подарочек.

— Брата Шишью они считают до сих пор своим, — улыбнулся гуру. — Он, войдя с нашими братьями, подойдет прямым ходом к отступнику и, обнявшись с ним, постарается заблокировать его чакры или выпить Силы, сколько сможет.

— Который — Шишья? — спросил Саниасин.

— Сейчас он в дозоре. Там — в дальних кустах. Охраняет нас... Позвать?

— Позови. — Саниасин повел носом. — Тем более, что он — в ближних кустах.

Пристыженный Евгений Осипович вышел из ближнего куста на дорогу и встал на колени.

— Любопытство — не страшный порок, — простил его Саниасин. — А скажи-ка, Шишья, согласен ты с решением братьев? Как бы сам решил сей «спор богов»?

Коммерсант сквозь страх надменно улыбнулся:

— Есть бог — есть проблема, нет бога — нет проблемы. Так, кажется, один бог говорил.

— Ну, этот все сделает, как надо, — кивнул раджварам, одобряя Шишью, старый мудрец.

Евгений Осипович расправил грудь и просял.

— Кто еще в дозоре? — спросил Саниасин.

— Никого больше, — потупился гуру.

— А кто же еще в тех цветах? — указал ясновидец прямо на орхидеи Петра.

Вмиг у нескольких сектантов оказалось по «вальтеру» в руках — взяли благоуханный куст на мушку. Мелиоратор, подняв руки, дрожа и чихая, вышел и встал на асфальте перед изум-

ленными тюрбанами — с босоножками в одной поднятой руке и без ружья в другой. (Успел катнуть в траву двустволку.)

— Что ты тут?!.. Документы!.. — в сущности, дело обычное.

Петр — стараясь, чтобы рука не дрожала, — отдал паспорт и удостоверение труженика-интернационалиста.

— Кто подослал?

— Никто не подсылал. Машина на дороге поломалась, патрубки полетели, вот и иду... Вас увидал, испугался — мало ли...

— Постой, постой, — прищурился Саниасин. — Ты вроде был с ним там, когда я вот только пришел? А?.. Или ты на кого-то из древней истории сильно похож? А что недавно видел, показалось...

Петр глотнул что-то идеально сухим горлом. И так, как только русский может — даже не будучи разведчиком, ясно глядя в два нерукотворные детектора лжи под надбровьями Саниасина, сказал:

— Да нет. Меня и не было там. Я — из древней. Что недавно — показалось. Мы тут ездим — за вами песочек убираем. Экскаватор у Бхиары и вагончик наш стоит. Мы землю оживляем вашу.

Мелиоратор скосил умоляющий глаз на русского гуру — который не мог не узнать. Тот сбоку — давно узнав — пристально смотрел и,

когда Саниасин потерял интерес к оправдавшемуся трусу, хлопнул земляка по плечу:

— Так дуй отсюда — убирай песочек. И про все, что здесь видел и слышал, забудь.

— А я и не видел и не слышал ничего! Я по вашему не понимаю! — Петр крикнул уже на бегу. Вертолеты и сектанты с окаянным колдуном мигом канули во мглу за спиной. Била в пятки белесая под звездами дорога, но Петр и не думал останавливаться, чтобы обуться...

Минут через десять своего бега он услышал отдаленное фыркание винтов и, невольно останавливаясь, оглянулся. Три серых глыбы, холодно посверкивая, поднимались в воздух. Одна включила фары, и Петру стало прекрасно видно, как ослепленный колдун на той же высоте быстро заслонил рукой глаза. В следующий миг другой освещенный вертолет бортанул сослепу колдуна. Саниасин раздраженно толкнул вертолет, и тот завалился было, но кое-как — рыданув турбиной — выправился и пошел прочь.

Ночная долина уже совершенно остыла. Но Петр, не замечая ни холода, ни своей тяжелой одышки, шел и шел трассой — где-то под пятнадцать километров в час. Его то мотало, как пьяного, от обочины к обочине, то он, вновь обретя управление, делал короткий скоростной рывок.

Впереди уже пахло рассветом. Ночные хищники в такой час все спали, уткнув в лапы или прикрыв хвостом нос. Уже молчали сычи и еще не разговаривали попугайчики... И тут мирно и дерзостно, одиноко и бесстрашно закричал впереди петух. Вскоре ему ответили собраты, и Петр понял, что он наконец на подходе к какой-то деревне.

Петухи кричали — давая знать сразу о времени и о пространстве. Чистое эхо, точно нехотя, окатывало луг, деревья в облаках, избенки и пригорки... И еще знак подавали петухи, что и в Индии ничего не изменилось с детских Петровых лет. Все хорошо — так же, как и прежде: любопытно, да понятно, лениво, да хлопотно, грустно, да весело...

Петр повалился на светающую трассу и, стуча по ней большими кулаками, в голос зарыдал.

VI

Великое мягкое солнце единым лучом вновь озарило воды Ганга и Оби, Катунь и Бхиары, восточные обрывы Джамалунгмы, хвойную ниву алтайских гребней и ветхие домики новосибирского Академгородка...

Водитель «Фиата» высадил Шихматова в предместье Пахтонга — на конечной остановке здешнего троллейбуса. (Сам «Фиат» по

кольцевой ехал дальше в объезд). На лавочке остановки сидел с ногами — то бишь на корточках — самый обычный индус, то есть загорелый дочерна, и вокруг не было больше ни души. Шихматов осведомился на бедственном своем английском у индуса, как добратся до ближней больницы. Тот ничего не понял. Тогда теоретик взялся одной рукой страдальчески за свой бок и немного похромал на месте. Индус просиял и вытащил из заднего кармана шорт самокрутку из пальмового сухого листа и пояснил, что стоит это всего двадцать долларов.

— Гашиш?

Индиец радостно кивнул.

— Да не ломки у меня, дурак. Хоспитал где у вас?! Хоспитал?!

Индиец, в предельной радости станцевав что-то рукой, уступил за пятнадцать. Шихматов уплатил и закурил.

Мазки мироздания сразу легли отчетливей и мягче. Типовые пятиэтажки отдаленного Пахтонга ласковой и сладкой пасекой вставляли за ближней травой. Взгляд Шихматова нежно скользил по крышам белейших домов — крышам легким, чуть наклонным, будто бы для равновесия... И этот ласкательно скользящий взгляд его запнулся вдруг о крест.

Самый настоящий, восьмиконечный православный крест, рассветно золотясь, погля-

дывал из-за одной пахтонгской крыши. Шихматов зажмурился, снова открыл глаза, выбросил свою «сигару» и снова зажмурился. Но нет, золотился крест.

Как раз подошел пустой, видимо, первый за утро троллейбус. Шихматов попробовал и троллейбус на ощупь: вроде бы реальный, хоть и без кондуктора. Слава Богу, очень-то не раскурился еще.

На въезде в Пахтонг теоретик потерял из виду крест. Но уже через три остановки, в прогале одинаковых домов с косыми крышами мелькнула церковь-невеличка. Что привело ее в этот небольшой индийский городок?.. И Шихматов, выйдя из троллейбуса, отправился в церковь. Он вспомнил, что «от юности своя» не посещал православного храма, и вдруг испугался этого.

Уже вошедшему за невысокую церковную ограду Шихматову навстречу попалась старушка в платочке. Явно русская, она могла быть матерью как Петра, так и Павла. Старушка зыркнула дружелюбно на теоретика и, выйдя за ограду, деловито пошла по городской улице вдаль. Шихматов, несколько секунд постояв, решился-таки догнать женщину — представиться и расспросить, чья она мать и когда конкретно явлена здесь церковь. В спешке он побежал обратно не через ворота, а через раскрытые настежь сквозные двери

привратной будочки. Но тут что-то огромное, лохмато-темное вылетело навстречу ему из внутренней дверцы этой будки и, повиснув на цепи, в двух сантиметрах от носа Шихматова разразилось буйным лаем.

— Трезор, свой! Назад! — вышел вслед за зверем человек, и пес тут же охрип и, стыдясь, ушел в свою сторожку.

У небольшого человека было загорелое пресветлое лицо — похожее на зимнее морщинистое яблоко. Да борода — остро расчесанная на две стороны. Прямо глядя на Шихматова, сторож смеялся и говорил что-то очень ободряющее. Шихматов тоже в ответ засмеялся — не своим каким-то светлым смехом... А все-таки своим. Только будто забытым давно.

Дабы перевести дух и сызнава запустить остановленное псом сердце, теоретик присел во дворе храма на лавку... Но все еще что-то было с ним не так. Сквозь лай Трезора он будто слышал радостные ближние колокола. А ведь церковка рядом молчала. Не было видно у нее и колоколенки...

Но колокола звонили там и тут, рассыпались подголоски — будто в другом времени и воздухе. Шихматов, а может быть, кто-то другой, весело бежал — подбирая подол черной рясы от луж на сияющем влажном снегу — от церковки к церковке. Летел — с просвирками

в коробке, с поздравлениями от архимандрита, жмурился на атласное синее небо, балагурил и целовался с причетницами, и в воздухе разлит был простой свет такого Праздника, какого теоретик за всю жизнь не видел никогда.

Нет, долго еще Руси к такому празднику идти. Возвращаться. Слишком еще все надут, серьезно. Страшно еще далеко до этого всеобщего простого света, талого праздника упроченного христианства...

Возле дома напротив несколько пахтонгцев развешивали на переносных перекладинах — не то на просушку, не то на продажу — ковры. Красный, с цветным вязким узором, ковер сильно напоминал тот, что висел над бабкиной кроватью в деревенском Шихматова детстве. Синий — с розовым угластым лабиринтом, овитым пухлым плющом, — был над дедкиной.

Окончательно почувствовав себя в городе Пахтонге как дома, Алексей перекрестился и вошел в свой храм. Хоть старушек-прихожанок было негусто, дьякон и батюшка ходили и пели. Пред иконами светилося множество свечей. Их жидкие зернышки словно упоенно таяли в лучах летнего русского солнца, всю церковь озарившего в ее небольшие оконца... Смущаясь, Шихматов спросил у одной старушки, какой сегодня праздник.

— А Воздвиженье, внучек. Воздвиженье, — с удовольствием ответила та.

Алексей Шихматов купил близ притвора несколько свечей. Затешил три перед Спасителем — за упокой трех родных, и медленно прочел молитву, которую помнил со дня смерти первого. Еще он перед Николаем Чудотворцем возжег две свечки — во здравие друга и здравие местного язычника-наставника. Поскольку же молитвы подобающей не знал, стал просто креститься и кланяться вместе со всеми, отвечая знаменному песнопению.

Помалу Шихматова пронизывал спокойный свет. Он смотрел на Николая в желтых нечетких крестах по алому полю плаща и не понимал, как мог сомневаться раньше в этом крещато-красно-желтом чуде и спасении. Веками, веками простаивали его предки и молитвенники так, порою касаясь челом плитняка, — преспокойные в переживании всестрашном и любовном. И с храмовых этих пятачков вверх стремили ясные свои надежды, сходящиеся наверху единым упрочающимся руслom. Здесь стояли и несуетные стройные князья — владимирские, киевские и московские, продумывающие одно — как отдать свою жизнь подороже за жизнь их России. (Алексей кожей и существом почувствовал сейчас себя этим прозрачным князем —

кланяющимся в церкви редко, потому что думающим.) И все, все вокруг слушали и слушали одни и те же тропари. Влеклись куда-то на тысяче крыльев церковных приделов. Сильные и слабенькие. Почти что чистые и перепачканные радужно. В конце концов, конечно, умирали и, по смерти верные, прислушивались — кто из ада, кто с небес — к сим волнам православного земного моря. Кто-то сразу в небе хорошо дышал, кто-то только силился и не мог раздышаться Духом... а все же жил на волоске вертикального этого русла. Оживал чудом труда громоздких человеческих заутрен и обеден — чуть зыблемом внизу, но и похожем на незыблемое что-то сверху... Иные же, уже возросшие в небесной силе, сами из тамошних рощ навеивали семена святых сережек на поля земных молитв и наклоняли — в меру земной лунки — ковши своего света.

Дьякон запел Смирный Ексапостиларий.

Алексей — прозрачным князем — встал на колени перед Георгием Победоносцем. Тот только что занес копье над пьяной дебелой питонихой, и плащ его развевался, точно красное знамя, и золото лат полыхало, как золото звезд и лавровых ветвей в том свежем журнале «Мурзилка», который Алеша оставил до вечера подробней посмотреть, а пока скорее побежал туда, где прострочит автомат-

ный салют и где дед при орденах покуривал рядом с другими живыми еще учителями-ветеранами, и светлая тень листвы — своим ветереным живым рисунком — ходила по молодым и ветеранам, по клубу и памятнику со звездой.

Внук просил деда рассказать еще раз, как он воевал. Дед же, смеясь, пересказывал в основном про то, как он в белорусских лесах охотничал и таким манером кормил целый свой бронепоезд. Как глушил на Висле в тех же целях рыбу и едва не утонул. Как случайно трех заезжих генералов накормил... Дети хохотали...

И дед — молодой, как на военной фотокарточке, — хитро и прозрачно улыбался во весь храмовый купол. И вокруг него под куполом летали белорусские лесные козы и вились щурята и плотва. Дед чутко направлял животных в завидные пущи, рыб — в нужные протоки и нес как должное, без малого тщеславия, свою несокрушимую простую власть. Дед почесывал за ухом преданного золоченого гепарда... И дед легонько подкинул внука к алтарю.

Алексею на миг показалось, что человек на кресте в человеческий рост — сам Христос. Но нет, это было его каноническое изваяние.

То есть если верить, присмотреться, — сам Христос.

Перед Крестом, под наклонным стеклом, — Богоматерь.

С волшебным трепетом Шихматов поцеловал стекло над рукой Богоматери и тут увидел, что это и не стекло вовсе, а в руке его квадратное зеркало. В нем он промельком увидел себя и тут же — то, что позади себя. Увидел слоников на недоступной высоте бабушкиного комода и березы, нащупывающие ветвями какую-то родную всей России глубину... Быстро клоня далее зеркальце, Шихматов пролетел лет тридцать и увидел нынешнюю Индию. В восторге от такого несравненного прибора верующий радиофизик повел зеркальце медленнее.

Вот Павел спит в раскаляющейся кабине МАЗа. А вот Петр в полицейском участке придорожной деревни сидит и пишет, пишет лихорадочно какие-то важные заявления, нервничает, плачет, рвет листки. И порядочную уже стопку страниц исписал. Сельский полисмен звонит куда-то, запрашивает себе подкрепление и переводчика...

А вот уже совершенно здоровый казак скачет полем на хулиганском слоне-изгое. В тревоге казак пытается на тряском слоновьем галопе набрать на мобильнике номер Шихматова. Конечно, невдомек Малышу, что посеял теоретик свой мобильник где-то в замке.

Так, где у нас замок?..

Что там за фокусы?!..

Изображение вдруг смазалось, и Шихматов с трудом различил следующую картинку. Несколько воинов то ли в тюрбанах, то ли в широких шапках распинали голого молодого человека на кресте. Из этого тумана доносился нехороший хохот. Один террорист присобачивал сверху какую-то табличку. Сидя на земле, ревела какая-то женщина — весьма смахивающая на Елену... Но Шихматов решил, что он нечаянно перевел всю систему в начало эры. Тем более он кинулся смотреть.

Весь опыт радиофизика подсказывал ему, что столь размытое изображение снимается лишь с отраженного сигнала. И Шихматов неимоверным усилием воли подтянул изображение к алтарному Кресту и совместил отраженный сигнал с основным... В тот же миг зеркало полыхнуло. Теоретику почудилось, что он получил прикладом охотничьей двустволки в скулу. (Именно так саданула отдача, когда дед разрешил ему, десятилетнему, в роще впервые выстрелить.)

Внук замотал головой и огляделся. Его поддерживали под руки обеспокоенные дьякон и батюшка. Перед ним стоял нагой с иконой Богородицы. Чудо-локация была упразднена, видения померкли.

Его присадили на лавочку в прохладном уголке. И хорошо, что не вывели на воздух.

Не потому хорошо, что там жара, а потому, что Алексей, честно говоря, уже не представлял — как он без церкви?

И дело совсем не в чудесах, а в том, что здесь был дом его. Дом словно отыскался здесь, потерянный после детства. Здесь — под куполом и вокруг — небесный дед, могущественный и прозрачный. Здесь и сам Шихматов весел, внимателен и зряч. А давно ли бегал мелко встревожен?

Там — в низехонько рассыпанном миру — не нужна никому суета, все маленькое, жалкое. Как теперь опуститься туда? Не поместиться. Не заманить ни пряникам, ни чудесам.

Даже камень этих стен — жизнь. Любовь и Дух. И родина. Детская и стариковская Россия.

Что вот среднее наше поколение, ринувшееся, как сорока на дрянные бусы, торговать да мухлевать? Что вот Евгений Осипович?.. А душа-то и у коммерсанта саднит. Ну и связался теперь с этими зайцами. Посмотреть бы, как он там. Да зеркало перегорело...

И тут Шихматов понял вдруг, что это зеркало — только игрушка, вытесанная ему дедом. На затравку, так сказать. Что он, Шихматов Алексей, находится сейчас на такой высоте, что и сам, куда хочет, посмотрит:

Шихматов искал взглядом внизу — под лавкой напротив — босса. Начал шарить ниже — много ниже церкви, вдали, в долине... И коммерсант из ада простонал. Он был где-то каменно сжат и не мог ни мыслить, ни дышать, как недавно сам Шихматов — когда хотел пожить жизнью младенца, а его тело «зажглось» от Елены. Вот, оказывается, из-за чего хлопотала в Москве любвеобильная эта дуреха! Стало быть, страхи ее оправдались. В Индии-то и свершилось...

Ну да ничего. Мы еще поглядим.

Проламывая от напряжения стопами деревянный пол, теоретик приступил к выкапыванию предпринимателя. Он быстро ощутил рядом подсобляющую дедушкину руку...

Под лучами песнопения уже был различным незыблемый, будто бетонный, цветник — и не то что б где-то очень далеко внизу, а... Глубина «цветника», кажется, определялась его же... сверхузостью, что ли? Сверхплотностью? Но несмотря на всю твердыню его, чувствовалось, что каменистые бутоны как бы неприязненно ежатся от озаряющих их сверху церковных лучей. И съезживаясь все сильнее, уводят бездыханные души своих узников глубже. Евгений Осипович снова потерялся — в смерти и сверхдухоте, затягиваясь в жесткий омут личного бутона.

Шихматову тоже уже не хватало воздуха. Он болтался над этою хищною клумбой и братской могилой как пьяный. Кажется, и дед чуть опьянел у себя в вышине. Когда прежде он (хоть и нечасто) возвращался из школьной котельни домой пьяным, и бабка ругалась, дед — дабы выйти поскорей из-под огня ее негодования — ложился на пол с книжкой Пушкина и начинал читать Алеше с первой же открывшейся страницы вслух, пафосно «окая» и все более воодушевляясь...

«Восстань, поэт, и виждь, и внемли!..»

Бизнесмен-поэт вдруг заново забрезжил: услышав, подхватил и замычал из пропасти в ответ любимый стих. Герметичная адова кладка над ним сипло чуть треснула и пропустила немножечко горного воздуха внутрь. Шихматов, вдохновившись, стал читать что на ум приходило — с детства запавшее, как «Отче наш». Издавна оседланные ветерки свистели, нарастали — разжимали камень... «Ветер-ветер, ты могуч, Ты гоняешь стаи туч, Ты волнуешь сине море, Всюду веешь на просторе, Не боишься никого, Кроме Бога одного...» Коммерсант откуда-то гудел навстречу, пускал пузыри, точно из погребного бочонка. Волны священных строф, ровно подталкивая одна другую, били и били в мертвый риф... «Ты волна моя, волна! Ты бурлива и вольна; Пле-

щешь ты, куда захочешь, Ты морские камни
точишь, Моешь берег ты земли, Провожаешь
корабли... Не губи ты нашу душу! Выплесни
ты нас на сушу...»

Шихматов, уже обдирая легкие о камень,
ломоту душевную одолевая, читал и читал —
вскрывая эту дуровую консервную банку
пушкинским златым мечом... Уже полетели в
лицо брызги смрада, увесистые гневные ос-
колки, ледяной песок...

«Пора, красавица, проснись! Открой
сомкнуты негой взоры, Навстречу северной
Авроры...»

Чтец умирился так, что свечи храма закру-
жились перед ним, слились в один несущий-
ся куда-то коридор, в возвеселившегося змия
Моисеева, и Шихматов совсем повалился в
притворе.

Конечно, дьякон вызвал «скорую».

VII

Нет, в той больнице, куда его доставили,
оклемавшийся Шихматов не нашел Золотую
Рыбку. Тогда он, потрясая вынутыми из кар-
мана остатками долларами, заявил, что
здесь санитарное обслуживание его совер-
шенно не устраивает, и потребовал перевес-
ти его в другую больницу. Его пожелание бы-
ло немедленно исполнено. Но и тут обход под

видом туристической экскурсии всех палат не принес положительного результата. Теоретик решил проиграть тот же сценарий с третьей, последней, пахтонгской здравницей. Но тут ему растерянно сообщили, что третьей в общем-то и нет. Есть третья, но это так, кладбище для неимущих.

Шихматов тут же повелел подать ему карету «неотложки» и с ветерком полетел по адресу бедняцкого приюта. И точно — в первом же коридоре, на самом ходу, его Золотая Рыбка полеживал на матрасе без белья и койки. Он, кажется, уже ждал ученика и донельзя довольно улыбался.

— Как же ты тут?! — всплеснул ладонями Шихматов. — Без лекарств, без ничего?!..

— Да по мне — была бы горстка джовара да водицы глоток, — шурился йог на солнышко в грязном окошке. — На мне ж все, как на священной кошке, заживает!

— Все равно нельзя, — опекал Шихматов. Сам не знал откуда, появились у него вдруг властные стремительные нотки в голосе. — Сейчас перебазирую тебя в нормальную ветеринарную лечебницу!.. Кстати, ты давно преобразился?

— Так еще тот грузовичок меня преобразил. Ты ж видал велосипед, а не лапы на дороге!.. Эх ты. По глазам — так вроде поумнел, а слушаешь — такой же глупый.

Но Шихматов видел, что учитель шутит. Значит, выздоравливает.

— Думал, поди, сразу в ветеринарный пункт ехать? — еще пошутил учитель. — Войдешь, а там лежит на коврике гепард?.. И все сиделки удивляются: ах, умная какая кошечка! И ласковая, и в песочек ходит!..

— Ну, ты еще их удивишь, — уверенно предположил Шихматов.

VIII

Елена была на седьмом небе от счастья. А ведь полагала уже все пропавшим...

Когда незнакомое краснотюрбанное подразделение нехорошо захохотало и полуживого Рюрика положили на крестовину запасного вертолетного винта, и подошли два воина с электродрелью и какими-то болтами, она надеялась еще на что-то.

Когда же один раджвар стал присобачивать сверху табличку, а на табличке той на трех языках — санскрите, английском и русском — было указано: «Сын Бога», и все боевики начали издевательски креститься, Елена поняла, что все же это конец.

Другой раджвар, обнажая при смехе передние «заячьи» зубы и сияющие десны, спрашивал избитого Рюрика: «Ну и где же твой Бог? Что же он не поможет сыночку?»

И Елена прокляла свою вчерашнюю слепую гордость. Она упала в отросшую траву вертолетной площадки...

И тут-то прямо из низкого ясного воздуха под синим небом — проще говоря, откуда — неизвестно, — явился Крест. И явился — не то слово! Он в пламени обрушился. Никто разглядеть не успел, то ли это был большой церковный крест, то ли — Тот Самый. Крест тут же исчез, но прикручивавший табличку раджвар уже валялся на траве. Двое с дрелью покатались тоже в россыпи болтов и крупных гаек. Рюрик, еще не привинченный к пропеллеру, сполз с лопастей наземь.

Елена медленно и страшно выпрямлялась. Оставшиеся на ногах зайцы-раджвары бледно столбенели... Тот, с лучащимися деснами, первым кинулся наутек. За ним брызнули и остальные...

Только Евгений Осипович, обладавший нравом более нордическим и хладнокровным, подогнал к площадке джип и начал его загружать битыми «зайцами». Елена и слова сказать не могла этому Иуде, выдавшему перед рассветом возлюбленного чужакам.

Но бизнесмен грузил, грузил товарищей да и ухватился за ворот рубахи под горлом. Он весь, как на приеме у министра, выпрямился (Елене показалось — для того, чтоб легче вышла душа) и упал подле джипова колеса.

Елена взялась за виски на вертолетной пустынной площадке — сидящая между двумя валяющимися мужьями, духовным и плотским.

Пустой замок торчал на скале. Тенькали пичужки в мягкой хвое ступенчатой тсуги.

Евгений Осипович вдруг открыл глаза и завопил из-под колеса: «Леночка! Ленка!» — так знакомо, по-московски, что жена тепло вздрогнула. Супруг встал с трудом на четвереньки и к ней пополз, хрипло крича:

— Наконец-то я тебя нашел, дружочек мой!

— Не притворяйся, — на всякий случай не поверила Елена. — Все равно он вас всех победил.

Евгений Осипович сел и сказал:

— Кого кто победил? Ничего не понимаю.

Он и впрямь не понимал ничего — с той поры, как задохнулся во гробе. Будто уже в чужое тело ворвалась сейчас душа. А тело — в новое пространство...

Предприниматель с интересом посмотрел на скалы, отороченные понизу какой-то тайгой. Посмотрел на трехэтажное хитрое здание над ломаной узкой каменной лестницей.

Елена велела супругу перенести тихо бредящего человека под вертолетным винтом по этой лестнице наверх. Коммерсант глянул на вспухшее синевато лицо Рюрика и признал в

нем Родиона... Евгений Осипович взвалил было наемного своего сыщика на плечи, но тут заиграл мобильник у бизнесмена на ремне.

Звонил Герман. Он все в лучшем виде исполнил.

— Чего еще исполнил? — поморщился босс.

— Так то, что вы три дня назад сказали. Ну, это. Собрал всю надлежащую сумму. Пришлось, конечно, с Костей в Африку слетать. Залезть в фонды.

— Герман, блин! — Коммерсант угрожающе пошел по траве. — Я тебя замочу! Сколько раз вам, пороссятам, говорить, чтоб без меня не трогать фонды!..

— Так вы же сами... — затрепетал на другом боку эфира Герман.

— Можешь просто ничего не делать?! Замрите там. К вечеру я прилечу и разберусь!

— Завтра к вечеру?

— Сегодня, фак твою!

— Так уже вечер.

— Вечер у вас?... Ну, значит, утром! Главное для вас сейчас — замереть, где стоите. Не спать, не пить, не есть и ничего не курить. Только это может еще вас спасти!

В нижнем зале замка тоже заливался всю на подоконнике чей-то мобильник. Пока взопревший Евгений Осипович укладывал

Рюрика на тахту, Елена подошла к аппарату. Кажется, мобильник был шихматовский.

Очень любезный баритон представился Андреем и сообщил, что звонит по поручению как раз хозяина телефона сего, небезызвестного ей Шихматова Алексея. Так вот, Алексей ждет их всех — то есть ее с Рюриком и с мужем — в городе Пахтонге. Велит Алексей садиться им в любое транспортное средство из оставшихся при замке и безостановочно мчаться в Пахтонг.

— Рюрику плохо, — сказала Елена.

— Это хорошо, — без паузы ответил незнакомец. — Кстати, Шихматов ждет нас в пахтонгской больнице номер один. Рюрика этого там вообще подлечат.

Уловив в тоне непредставимого Андрея нотки неприязни в отношении ее любимого, Елена спохватилась — как это она снова верит на слово неведомо кому? Но собеседник объявил, что Алексей и сам сейчас перезвонит. Просто он, Андрей, смог первым дозвониться.

— Кстати, подхватите и меня в свою машину на дороге, — весело известил напоследок собеседник.

— А где конкретно вы находитесь? Как хоть вы выглядите? — спросила Елена.

— Да вы не сможете меня не заметить, — успокоил вмиг Андрей. — Я буду на слоне.

Шихматов действительно через несколько минут перезвонил.

IX

В числе прочего Шихматов спросил у Золотой Рыбки, что за человек старик Саниасин, взлетевший из зеленой капли.

— Когда-то это был мой лучший ученик, — печально ответил йогин.

— Что ж он выглядит-то лет на сто пятьдесят старше тебя? — подивился теоретик.

— Не знаю.. Вообще-то он был старательным учеником... Но видно, одного старания в нашем деле мало. Дед твой ведь был и партийным, а вот поди ж ты... Кто ж мог знать.

— Вы с Саниасином поссорились?

— Нет, что ты. Просто он постепенно как-то устранился от всего. Отошел сознательно. Несколько веков он даже не здоровался со мной. Решил, что — один. А был чуть ли не первым из Великих мертвецов разбужен зайцами. Теперь он должен многое понять. Но скоро ли это произойдет — не знаю.

Золотая Рыбка стоял, опираясь одним локтем на подоконник. С того часа, как Шихматов перевел его в человеческую больницу под номером один, учитель стремительно пошел на поправку. Его лечащий врач, толстый интеллигентный индус, диву давался: рентген

показывает те же переломы, а стоит и ходит человек. Врач просит его лечь, а тот только присаживается, обезоруживающе улыбаясь.

Шихматов догадался скоро, что Рыбка и в той дрянной лечебнице уже мог ходить. Но его тогда выгнали бы оттуда или не дали бы каши. А тут, под эгидой денежного Шихматова и соплеменника-интеллигента, он жил как хотел.

— А зайцы что-нибудь поймут? — спросил теоретик учителя.

— Они уже поняли главное: им не захватить области иных богокультур. Там — своя могучая защита... Так что твоя миссия здесь выполнена. И от лица своей — объявляю тебе благодарность.

Шихматов заправил получше рубашку, встал ровно, перекрестился и сказал серьезно:

— Служу трудовому Православию.

Чуть позже он, преодолев стеснение, спросил:

— А правда, что?.. Ну, мне вот возле церкви показалось, что я был в другой жизни монахом...

— Да зачем тебе все это? — не понял Рыбка. — В православии же нет реинкарнации.

— Ты ж сам спрашивал: где сказано, что нет? — удивился Алексей. — Мол, просто не сказано, что есть.

— И нам невдомек многое о Царстве Божием, что известно православным, — пожал плечом, соглашаясь нехотя, учитель. — Никому не объять необъятного, как сказал один великий русский дух, существовавший на Земле сразу в трех лицах.

Шихматов не сразу сообразил, что учитель говорит об Алексее Толстом и двух братьях Жемчужниковых, писавших за Козьму Пруtkова. Еще он заметил, что ноги учителя чуть-чуть не касаются пола. Видимо, еще не давала ступать раненая нога. Йогин, беседуя, опирался слегка рукой о подоконник и сам в нескольких миллиметрах над полом парил.

— Я — старый антиглобалист и всегда говорил, что нельзя сводить воедино разные потоки, спрямляя русло. Воды замедлят священный свой бег. А то и совсем остановятся... От истока до устья каждое русло оттачивается трудом веков. Только на высочайшей высоте все реки могут слиться совершенно, и ни одна не утратит капли от души своей, не перестанет быть собою. Так симфония гения вбирает напевы различных эпох и народов, только возвышая этим каждый.

Шихматов улыбнулся и, оглядевшись в пустынном коридоре, полез в карман за сигаретами.

— Ведь ни один мой совет, ни одна великая методика, ни одно индостанское чудо не по-

могли тебе так, как твоя почва, твоя вера и твой дед. С ними ты победил. Мы лишь подвели тебя к ним.

Их неторопливую беседу вскоре прервал пронзительный автомобильный сигнал под окнами. В госпитальном дворе дымился пылью раскаленный джип, и Евгений Осипович орал на трех санитаров, покуривавших на крылечке, чтобы бежали за носилками. А Малыш уже извлекал с заднего сиденья Рюрика.

— Как вернешься в Россию, забудь Индию, — быстро договорил учитель самое необходимое. — Забудь меня, ибо я мал сейчас рядом с тобой. То, что ты сейчас можешь увидеть во мне, уже мало перед тем корнем, из которого растешь, и больше не поможет тебе.

И Золотая Рыбка ушел, притворно перебирая ногами по воздуху, в свою палату и улегся в койку.

Вскоре йогина навестил казак — засвидетельствовать, так сказать, свое почтение. (Шихматов, хоть и под строжайшим секретом, разболтал, конечно, другу все про Золотую Рыбку.)

Ноги вошедшего Малыша крупно дрожали. Впрочем, это происходило отнюдь не от священного трепета, а от быстрой езды на слоне. Управление диким слоном, пусть небольшим, индийским, но с каким-то африканским гонором, оказалось делом непро-

стым. Уж казак и хобот ему зажимал, и бивни выкручивал, и в шенкеля брал — то бишь коленями и пятками эту пористую сферу тискали... А слон все трубил и нарочно сильно топал в пылевом столбе и с остервенением мотал головой, не выдавая на расправу уши.

Слон так и не был казаком объезжен до конца. Когда Малыш пересаживался в джип, они расстались чуть ли не врагами, не довольные ни каждый собой, ни друг другом — в каком-то отупении.

И севшего на переднее сиденье рядом с боссом казака долго не покидало напряжение. Он все поглядывал на Рюрика, голова которого подрагивала на Елениных коленях. Рюрик что-то ласково шептал в бреду, и босс гнал по трассе под сто пятьдесят, тоже нервничая... Но помалу теплое и честное спокойствие овладевало путешественниками, спокойствие и ощущение финала этого туманного рискованного состязания без внятных правил, целей и причин. Малыш уперся в пепельницу и магнитофон дрожащими коленями и задремал...

В изголовье Золотой Рыбки сидел его лечащий врач. Не обращая на врача малейшего внимания, Малыш раскланялся перед великим учителем и сразу рассказал ему последний свой отчетливейший сон. Малыш жаж-

дал истолкования сна (если сон, конечно же, хоть капельку вещий, а не простой).

Приснился Улисс. Он сидел на берегу лесной реки с двумя вполне доброжелательными и разумными бобрами. И он пытался что-то сказать Малышу. Именно старался что-то выговорить. Но никак не получалось.

Казак, на русском языке рассказывая сон, считал, что толстый и почему-то лишенный загара индус в белом халате, естественно, не понимает по русски. Но врач смолоду проходил практику в течение двух лет в Ленинграде, прекрасно сон пациента понял и благодушно ответил:

— Ваш есть редкий сон, но есть типичный. Подобный исчерпательно исследован у доктор Уфрейд. Это все есть просто. Вы это сам себе что-то должен сказать. Сам себе что-то научить... И э-э-э...

Малыш медленно поднялся — так, что фрейдист вышел, сотрясаясь жирами, из палаты прежде, чем побагровевший казак подыскал эпитет для его учености.

— Так их, чертей! — смеялся древний йог. — Да еще бы по уху, чтобы поменьше всякой дряни собирал!.. А случаи таких снов действительно известны, — сказал учитель, поуспокоившись. — Так что даже философская немецкая Буренка теперь про них мычит.

— Как же сон толкуется, профессор дорогой?! — вовсе растревожился Малыш.

— Никак. Чего тут еще «толковатт», когда в твоих снах и так всегда все ясно?.. Улиссу твоему предложено воплощение говорящего — человека то есть. Вот он уже и пытается тебе об этом рассказать. Спросить совета.

— Да что ж тут думать? — блаженно плача, закричал казак. — Мне-то что ж советовать?.. Передайте, я горжусь им, рад, ну и... Ну, в общем, жаль енота, но тут все же... человек.

— И ему жаль. Видимо, главное — жаль расставаться с тобой. Ведь подготовка в том мире к рождению человеком трудна и займет много лет. По времени — несколько енотовых жизней...

— Будто есть альтернатива? — насторожился Малыш.

— Есть. Лично он хочет вернуться и еще одну, последнюю жизнь в пушистой шкуре провести рядом с тобой... Кстати, никто не помешает тебе выучить с ним для начала алфавит. В плане подготовки к его следующему воплощению.

Малыш сидел скорей обескураженный и недоверчивый, нежели ошастливленный.

— А как все это?..

— Он сам тебя найдет. Оттуда это проще, тебе нужно быть только повнимательней. Все-таки енот не иголка. В смысле — не ще-

нок и не котенок. Думаю, первый енотенок, который тебе встретится, будет Улиссом.

Малыш призадумался.

— Я вот, например, — прикинул он, — не помнил, пока Рюрик меня чакрой не шмальнул, своих прошлых жизней. Да не помнят и почти все люди... А енот новорожденный, что же, меня вспомнит?

— Само собой. Ты чуть не ответил сам на свой вопрос. Ум новорожденного енота мало отличается от ума енота взрослого. Так что он все будет помнить. Это люди, подрастая, далеко уходят от себя. Вот все и забывают.

Елена и не помышляла бросить Рюрика в пахтонгской больнице. И Евгений Осипович, уже начавший терзаться подозрениями, был вынужден совмещенного с капельницей Рюрика пристроить в самолет. Шихматов невольно еще приглядывался к коммерсанту: навсегда ли вышла из его тела душа Зайца Шишьи, что каталась в нем, пока хозяин замурован был в одной из стенок ада. Но тело, разношенное на свой манер Шишьею, хоть и явно где-то поджимало, а где-то было излишне просторно теперь для Евгения Осиповича, в целом смотрелось уже боссовым.

Теоретик и представлять не хотел, что натворили бы раджвары, забрось они своего брата в «скафандре» коммерсанта в Златоглавую. И сколько еще гуляет по Земле таких

«скафандров»? Но Рыбка обнадежил — мол, что-то эти люди поняли сегодня, а дальше не грузись. Мол, дальше — дело техники моей.

Перед самым отъездом учитель шепнул, что все священные Кошачьи горы уже слухом полнятся, что это простой русский «чайник» Алексей Шихматов оглушил крестом животворящим с расстояния двухсот миль нескольких Великих Зайцев! Что он же в пыль развеял многие их планы — а именно: план подделки влиятельного коммерсанта, план погубления собственно Алексея со товарищи, и прочее, и прочее. И уж если сыскники и теоретики (то есть грешники и лохи из Руси) творят подобное, так что же ожидать от приближенных Бога их?!

Алексей до отъезда каждый день ходил в ту единственную в городе православную церковь, что так счастливо поманила его при возвращении в Пахтонг. Это помогло общими усилиями предотвратить еще одно великое недоразумение.

Однажды, зайдя на церковный двор, Шихматов увидел несколько двустволоков, прислоненных к домику привратника. Оказалось, это Петр да еще пятеро его земляков — почти все русское мужское население Пахтонга — в храме молятся и просят благословения у батюшки, собравшись в «крестовый поход». После того как индийский жандарм по-

рвал все Петровы заявления и спровадил сумасшедшего мелиоратора из своего селения, Петр добрался-таки до Пахтонга, добыл необходимый редуктор и, навестив пятерых земляков, крича на них и плача, убедил вооружиться и вычистить всю нечисть из дворца в горах.

Шихматов образумил «крестоносцев», сводил Петра в больницу для предъявления спасенного Рюрика и вообще пояснил, что окаянные зайцы рассыпались теперь по иным филиалам и, уж конечно, не скоро вернутся в обесчещенный тот теремок. Мелиоратор несколько поуспокоился. Здоровье Рюрика было уже вне опасности, хотя еще не оклемавшийся толком вероучитель своего вольнослушателя даже не узнал. Петр скрипнул зубами и, уходя из больницы, Шихматову сказал, что на будущий год, когда они с Пашкой будут работать к тем горкам поближе, они все же наведаются в терем, и не дай Бог, чтобы на ту пору туда припрыгал хоть один косой. А теремок тот в самый раз сгодится для мелиораторов. Его уж не затопит, как вагончик, никакой муссон.

Шихматов посоветовал Петру до той поры наведываться хоть по выходным в город, дабы заглядывать почаще в христианский храм. Он, Шихматов, с батюшкой поговорит, чтоб тот преподавал земледельцам основы

православия. С этим Петр не мог не согласиться.

Аэропорт Внуково встретил пассажиров спецрейса Пахтонг — Москва неожиданной прохладой. Хотя светило последнее сентябрьское солнышко и перед аэровокзалом русский и нерусский люд ходил с коротким рукавом, пахтонгцев пробрала дрожь. Вдалеке темнела низкая полоска леса — показавшаяся с непривычки бедноватой и неинтересной. Зато небо было сплошь в нерукотворных белых облаках — и каждое еще маялось как отдельное произведение искусства...

Рюрика погрузили во встречавший босса лимузин. В машине как-то сразу стало мало места, и Шихматов с Малышом решили до Москвы добраться электричкой. Никто особенно не возразил против их решения.

Казак и теоретик, ежась на родном ветру, покуривали на платформе, когда прямиком к ним подбежал мальчонка лет восьми — в великоватой ему телогрейке, с насквозь синими и грустными глазами.

— Дяденьки, не купите хорька? — приоткрыл он свою телогрейку, и из нее встревоженно глянул маленький зверек с полосатыми личиком и хвостиком.

Малыш онемел. У него с места пошло колотиться сердце.

— Где ты его взял? — спрашивал Шихматов. — И кто тебе сказал, что он хорек?

— Да мамка. Я утром с друзьями грибы собирал и набрел на него. Я не хотел вообще-то брать — он сам ко мне по штанине залез! — смеялся грустно мальчик. — Домой его принес, да мамка говорит — чтобы духу этого хорька тут не было... А в лес его назад нести — он пропадет. Я уж теперь не найду, где его родителей нора конкретно.

Подошла с плавным сипом электричка. Малыш забрал у пацана енотика и сел в нее. Шихматов, быстро хлопнув по своим карманам, не обнаружил в спешке ничего кроме мобильного. Вручив его округлившему глаза мальчишке, успел еще крикнуть ему из электрички — из перекошенных дверей:

— Звони мамке теперь прямо из леса, когда кого найдешь!

Малыш, сидя в электричке у окна, вертел зверька и так, и так — одолеваемый сомнением. Да, мужская особь. И полоски ужасно похожи... Хотя мелки еще полоски — что тут разберешь? Мелки-то мелки, да должны быть еще мельче. А лучше — не быть бы никаким. В том смысле, что ведь рано Улиссу родиться. Сон был четыре недели назад. А енотик в общем-то уже здоровенький. Он мог стать таким только если как приснился, тут же и родился. Позвольте, а внутриутробный пери-

од?.. Или душа у енотов только с рождения в теле считается?

Малыш терзался, а енот знай кусал и облизывал его одновременно. Потом он принялся носиться по хозяину и его другу назад и вперед — по головам, животам, рукавам... Но он был все же еще мал, быстро устал и, устроившись у Малыша на коленях, судорожно повздыхал и уснул.

— Ну, точно Улисс!.. — начал было Шихматов и умолк, видя, что друг считает такие слова сказанными отчасти для его успокоения.

Енот проснулся только на подходе к Малышову дому. Оцарапав хозяина, он вырвался и бросился вдоль подъездов и газонов — и в нужный подъезд.

Победно заорав, теоретик и казак ринулись следом. Улисс ждал их у дверей квартиры. Дрожащим ключом Малыш долго не мог отпереть свою дверь. А когда дверь открыл, енот совершил триумфальный круг по комнате, по кухне, а затем скакнул в ванную.

Из крана там сочилась тоненькая струйка, и малый зверь принялся в меру сил под стружкой той тереть ворох казачьего белья.

Малыш облобызал возвращенного друга. Потом повалился на диван: из пульта пальнув, разбудил телевизор и сладко зевнул.

Евгений Осипович не обманул сыскарей. Он наградил их по-царски. Малыш в результате издал книжку своих стихов — несусветным тиражом и в тисненном золотыми вензелями переплете. Его книгу и по сию пору можно встретить на столичных развалах — с изрядно поблекшим тиснением и покореженным бруском закаменевших воедино страниц. Основная же часть тиража каменеет на каком-то складе у Евгения Осиповича, у которого так и не хватило духу пустить поэзию под нож. Малыш запил было, с горечью констатировав, что русский народ не читает более стихов, но подросший Улисс метал с балкона все бутылки — включая минералку и ситро, а Евгений Осипович пообещал профинансировать клип с казачьими песнями на тексты Малыша и запустить по каналу «Московия». Уж от этого народ не отвертится.

Рюрик долго болел, но потихоньку поправился. В числе прочих удручающих недомоганий была обнаружена частичная потеря памяти. Отвечая на вопросы врачей о том, как его зовут, чаще всего он представлялся Александром и Львом. Чуть реже — Тимофеем. Впрочем, Елену радовало уже то, что имен богов, ни индийских, ни античных, в данном каталоге не встречалось. Особую гордость Елены составлял теперь блаженный факт, что

Рюрик ничуть не забыл, что именно она — его возлюбленная, а не какая-нибудь вертихвостка-медсестра.

От прежнего его мессианского пыла, столь буйно расцветшего на плодородных почвах Индии, не осталось и следа. Но он и не превратился в прежнего Родиона, паренька с задумчивой косичкой. Стал он много тише, сильно непонятнее. Только изредка — и на несколько секунд буквально — воскресал в нем тот индийский дух, неизвестно откуда влетая и куда скрываясь. Так, однажды, еще в лужниковской клинике, когда лечащий врач уведомил священника, навестившего Рюрика по его просьбе, что прием на сегодня окончен и больным необходим покой, Рюрик внезапно взвился на постели.

Страшным грудным голосом сказал он: «Изыди, сатана» — и резанул лекаря взглядом пребольно — так, что тот и впрямь куда-то дней на десять вышел.

В другой раз, когда Рюрик уже прогуливался по больничным коридорам, а в холле другие выздоравливающие по телику, высоко вознесенному, глядели мистический триллер, Рюрик это кино им выключил и, ничего не объясняя, пульт в мусоропровод опустил. (Елена позже оплатила штраф и возместила убытки.)

Елена более не посещала нетрадиционных сект. Она так и не ушла насовсем от Евгения Осиповича. Потому что сперва Рюрик болел и нужны были хорошие врачи. А потом он просто странен стал и, по всей вероятности, нетрудоспособен — и ему был нужен не столько присмотр, сколько финансы.

Вот и все. Шихматов перестал ждать гранта и на боссово вознаграждение выкупил старый бабушкин и дедушкин колхозный дом, где он родился. Удивительно, но к нему туда частенько, почти всегда без приглашения, стали из Москвы навещать все его соратники по Индии — и босс, и Рюрик, и Елена, и само собой Малыш.

Вскоре Шихматов перестал негодовать на беспардонные наезды суетных и бесноватых москвичей. Понял, что это, пожалуй, и есть то единственное и, возможно, единственно важное, что он может еще дать им. С открытыми глазами лежали они ночью в этом русском, издавна надышанном любовью доме, где можно было не думать о том, как завтра жить...

Малыш с Шихматовым летом и ранней осенью ночевали на сушилах — и долго смотрели в небо, ясно-звездное, как в Индии. Шихматов для этого нарочно надевал свои новомодные очки, в довоенной округ-

лой оправе. А Малыш и так орлиным взором видел весь гребнистый мерцающий полог — и Ориона, и Дракона, и Персея, и Большого Пса... И неспелую брусничинку — Венеру.

Шихматов же и в очках ни пса не видел, но понимал, что оно есть.

Оглавление

От автора	5
Песнь первая	7
Песнь вторая	68
Песнь третья	94
Песнь четвертая	223

Литературно-художественное издание

Михаил Крупин

МЕДИТАЦИЯ С САБЛЯМИ

Роман

Зав. редакцией *А. С. Кобринская*

Редактор *Е. А. Кушнарева*

Технический редактор *Т. П. Тимошина*

Корректор *И. Н. Мокина*

Компьютерная верстка *И. М. Михайловой*

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 27/32

ООО «Издательство Астрель»

129085, Москва, пр-д Ольминского, 3а

ООО «Хранитель»

129085, Москва, пр-д Ольминского, 3а

Вся информация о книгах и авторах
Издательской группы «АСТ» на сайте: www.ast.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы «АСТ» обращаться по адресу:
г. Москва,
Звездный бульвар, 21 (7 этаж). Тел.: 615-01-01, 232-17-16

Заказ книг по почте: 123022, Москва, а/я 71,
«Книга — почтой», или на сайте shop.avanta.ru

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательская группа АСТ

КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**НАШИ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ**

буква

в Москве:

- м. Бауманская, ул. Спортивная, 16, стр. 1
- м. Бибирево, ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленда», этаж 0
- м. Варшавская, Чонгарский б-р, 18а, з. 110-89-55
- м. Домодедовская, ТК «Твой Дом», 23 км МКАД, т. 727-16-15
- м. Крылатское, Осенний б-р., 18, корп. 1, т. 413-24-34 доб.31
- м. Кузьминки, Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. Павелецкая, ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. Парк Культуры, Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. Перово, ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. Петровско-Разумовская, ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. Преображенская площадь, ул. Большая Черкизовская, 2, к. 1, т. 161-43-11
- м. Сокол, ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, 76, к. 1, эт. 3, т. 781-40-76
- м. Сокольники, ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. Таганская, Б.Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. Тимирязевская, Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. Царицыно, ул. Лутанская, 7, корп. 1, т. 322-28-22

в регионах:

- Архангельск, 103 квартал, Садовая ул., 18, т.(8182) 65-44-26
- Белгород, Хмельницкого пр., 132а, т.(0722) 31-48-39
- Владимир, ул. Дворянская, 10, т. (0922) 42-06-59
- Волгоград, Мира ул., 11, т.(8442) 33-13-19
- Екатеринбург, Малышева ул., 42, т.(3433) 76-68-39
- Киев, Льва Толстого ул., 11, т.(8-10-38-044) 230-25-74
- Краснодар, ул. Красная, 29, т.(8612) 62-75-38
- Красноярск, «ТК», Таймырская ул., 1, стр.4, т.(3912) 45-87-22
- Липецк, Первомайская ул., 57, т.(0742) 22-27-16
- Н.Новгород, ТК «Шоколад», Беленского ул., 124, т.(8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, Космонавтов пр., 15, т.(8632) 35-95-99
- Самара, Ленина пр., 2, т.(8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140, т.(812) 277-29-50
- Санкт-Петербург, Савушкина ул., 141, ТЦ «Меркурый», т.(812) 333-32-64
- Тверь, Советская ул., 7, т.(0822) 34-53-11
- Челябинск, Ленина ул., 52, т.(3512) 63-46-43
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Книги издательской группы АСТ вы можете также заказать и получить по почте в любом уголке России.

Пишите: 107140, Москва, а/я 140. Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справку по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astprob@yandex.ru <http://www.ast.ru>

мы издаем настоящие книги

